

A 278
80

Проф. В. Мышцынъ.

ПОЛИТИЧЕСКІЯ ПАРТІИ

И

ИХЪ ИДЕАЛЫ

(съ точки зрѣнія соціальной политики и конституціоннаго права).

Свято-Троицкая Сергіева Лавра.

Печатать въ Лаврѣ. Собственная типографія. 1906 г.
Р. 9061 Академія. Бинкоффъ. Лавра.

Оглавление.

Предисловіе	1
I. Соціальний вопросъ	5
Утопическій социализмъ	6
Научный социализмъ	10
Социаль-демократія и социаль-революціонеры.	19
Социализмъ и свобода. Анархистскій социализмъ.	25
Социализмъ и нравственность. Этический социализмъ	29
Социализмъ и христіанство	33
Утопизмъ въ научномъ социализмѣ	37
Социальная политика	47
Аграрный вопросъ.	52
Рабочій вопросъ	62
Налоговый вопросъ	67
Заключеніе по социальному вопросу	70
II. Связь социальнаго и политическаго строя	71
Монархическій абсолютизмъ	74
Народный суверенитетъ.	76
Избирательное право.	78
Двѣ палаты или одна?	83
Референдумъ и народная инициатива	85
Отношеніе исполнительной власти къ законодательной	88
Монархія и республика	97
Судебная власть.	100
Личныя права	103
Самоуправленіе и автономія	108
Заключеніе	109
Таблица политическихъ партій	

ПОЛИТИЧЕСКІЯ ПАРТІИ И ИХЪ ИДЕАЛЫ.

Vox legis—vox populi.

Vox populi—vox Dei.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

17 октября 1905 года Россія вступила на новый путь государственной жизни. Разницу между старой и молодой Россіей можно передать въ двухъ словахъ: прежде русскіе подданные были для Россіи, теперь Россія для русскихъ подданныхъ.

Принципъ: личность для государства, лежалъ въ основѣ еще античнаго государства. Последнее мыслилось какъ единство, цѣльность и личность; а индивидъ былъ лишь его частью и самостоятельнаго значенія не имѣлъ. Государство не переставало поглощать его даже и тогда, когда онъ пользовался политическими правами ¹⁾. Оно обременяло гражданина всевозможными обязанностями, но не признавало за нимъ никакихъ правъ. Все права принадлежали государству. Такой типъ государства перешелъ въ Европу, причемъ Европа пошла еще дальше. Монархъ европейскій явился законодателемъ, чѣмъ не былъ монархъ античный. „Деспотъ,—говоритъ Вильсонъ, извѣстный американскій государствовѣдъ ²⁾,—издавалъ эдикты, т. е. указы, примѣнявшіеся къ тому или другому случаю, къ тому или другому

¹⁾ Объясненіе этой видимой странности можно найти у М. Ковалевскаго (Ученіе о личныхъ правахъ. 1905. Стр. 7—8) и у Вильсона (Государство. Прошлое и настоящее конституціонныхъ учреждений. 1905. Стр. 519—520).

²⁾ Государство. Стр. 516.

отдѣльному лицу, но только римскіе императоры первые стали опубликовывать „конституціи“, т. е. кодексы общаго характера, примѣнявшіеся вообще. Современный монархъ можетъ сдѣлать болѣе. Онъ можетъ регулировать единственно своею волею не только дѣла публичнаго характера, но и частныя дѣла,—онъ можетъ даже устранить мѣстные обычаи и подчинить всѣхъ своихъ подданныхъ контролю однообразнаго законодательства. Онъ одинъ не обязанъ сохранять свои собственные законы. Одно слово—одно его слово можетъ сдѣлать изъ нихъ бѣлый листъ бумаги; одно слово могло ихъ уничтожить и снова вызвать къ дѣйствию. Онъ имѣетъ абсолютную власть не только надъ своими подданными—древніе монархи также имѣли такую власть,—но надъ всѣми законами, чего не имѣлъ ни одинъ монархъ античнаго міра. Людовикъ XIV, сказавшій свое знаменитое: „государство это я“, вовсе не игралъ словами. Не даромъ итальянцы называли французскаго короля *re delle bestie*, т. е. королемъ животныхъ.

Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что основаніе другому порядку вещей было положено христіанствомъ, не тѣмъ христіанствомъ, которое говорило устами византійскихъ, римскихъ и многихъ другихъ епископовъ, услужливо клавшихъ камни въ зданіе государства, но тѣмъ, которое заключено въ Новомъ Завѣтѣ. Даже Ветхій Завѣтъ сдѣлать не мало, что бы свести восточнаго деспота съ его высокаго пьедестала. Во власти царя онъ видѣлъ поправіе правъ Іеговы и правъ народа. Да онъ никогда и не мыслилъ его неограниченнымъ. Рядомъ съ царемъ и выше его ставилъ онъ другой органъ, передъ которымъ должны были смиренно склониться еврейскіе цари. И можетъ быть никакимъ царямъ въ мірѣ не приходилось такъ часто быть въ положеніи наказаннаго школьника, какъ царямъ еврейскимъ. Но еще болѣе было отнято у государственной власти христіанствомъ. Христіанство открыло въ человѣкѣ цѣлый міръ, гораздо большій, чѣмъ тотъ, съ которымъ носилось и которымъ кичилось государство. Открывъ и создавъ этотъ міръ, оно поставило его непосредственно передъ самимъ Небомъ. Государство оказалось въ сторонѣ. Оно было безправнымъ въ этомъ мірѣ. Можетъ быть никогда такъ ясно не была ограничена власть монарха, какъ словами: Божіе—Богу

кесарево—кесарю. Но потребовалось много новых условий, чтобы эта идея превратилась в силу. Только тогда, когда папство перестало гипнотизировать умы и сердца своих забитых овец, она принесла свои плоды. „Идея законнаго установленія неотчуждаемыхъ, прирожденныхъ правъ индивида, говоритъ гейдельбергскій профессоръ Еллинекъ, не политическаго, а религіознаго происхожденія... Ея первымъ апостоломъ былъ не Лафайетъ, а тотъ Рожеръ Вильямсъ, который, будучи охваченъ глубокимъ энтузіазмомъ, переселился въ пустыню, чтобы тамъ основать царство религіозной свободы¹⁾“. Въ другомъ мѣстѣ тотъ же ученый говоритъ: „ученіе о прирожденномъ правѣ свободнаго исповѣданія возникаетъ въ средѣ англійскихъ и шотландскихъ конгрегационалистовъ и индепендентовъ подъ вліяніемъ борьбы за реформаціонныя идеи.. Petition of Right (1628) и Bill of Right (1689) являются первыми предвѣстниками идеи кодификаціи всѣхъ публичныхъ правъ индивида... Такимъ образомъ уже въ XVII в. было санкціонировано общее право человѣка, основаніемъ которому служитъ не великая хартія или позднѣйшіе англійскіе законы, а совѣсть человѣка, которую реформація возвысила на степень вышшаго судьи въ вопросахъ вѣры“²⁾. „Идея писаной конституціи, говоритъ Градовскій, не французскаго происхожденія, какъ это долго думали и писали, Это—американская, точнѣе англійская и пуританская“³⁾. Принципъ церковной индивидуальности былъ переносимъ въ политическую жизнь не только въ теоріи, но и на практикѣ. Въ 1620 г. пилигримы конгрегационалисты заключили общій договоръ на кораблѣ „Майскій цвѣтокъ“, причемъ обязались объединиться въ одну политическую общину съ выборными правителями и общинными законами⁴⁾. Въ нѣкоторомъ смыслѣ можно сказать, что государство обнаруживаетъ съ того времени стремленіе превратиться въ церковь. Человѣкъ сталъ святыней. Онъ не часть только государственнаго цѣлаго, не дробь политической единицы, а само цѣлое,

¹⁾ Политическій строй современныхъ государствъ. I. Сборникъ статей Виноградова, Гессена и др. 1905. Стр. 56.

²⁾ Право современнаго государства. 1903. Стр. 268—269. Ср. Вильсонъ. Государство. Стр. 520—522.

³⁾ Политическій строй совр. государствъ. Стр. 70.

⁴⁾ *ibid.* Стр. 71.

единое. Центр тяжести государственной жизни начинает переходить от абстрактнаго цѣлаго къ конкретнымъ единицамъ, отъ государства къ индивиду. Теперь не личность для государства, а государство для личности. Личность получаетъ права къ государству, государство принимаетъ на себя обязанности по отношенію къ личности. Выражаясь юридически, и личность, и государство стали въ одно и тоже время субъектами и объектами какъ правъ, такъ и обязанностей. Другими словами: государственный строй сталъ правовымъ. А такъ какъ права личности къ государству и соотвѣтствующія имъ обязанности государства могутъ быть гарантированы единственно въ томъ случаѣ, когда воля правительства связана обязательнымъ для него закономъ, который можетъ быть измѣненъ лишь съ согласія самого народа въ лицѣ его представителей, то правовой строй является непременно конституціоннымъ. Правовой строй осуществленъ во всѣхъ европейскихъ государствахъ; а съ 17 октября 1905 г. онъ введенъ въ Россіи.

Введеніе конституціонной формы правленія, обязывающей каждаго гражданина къ дѣятельному участию въ политической жизни страны, естественно вызвало у насъ образованіе политическихъ партій, ставящихъ своею задачею пріобрѣтеніе преобладающаго вліянія на государственное управленіе и осуществленіе своихъ политическихъ и социальныхъ идеаловъ. Одни изъ этихъ партій (реакціонныя) мечтаютъ вернуть старый политическій и социальный строй, осужденный уже самимъ правительствомъ, другія (консервативныя) стоятъ за сохраненіе существующаго преобразованнаго строя, третьи (прогрессивныя и радикальныя) требуютъ дальнѣйшаго его измѣненія на началахъ демократическихъ. Къ первымъ принадлежитъ монархическая партія, ко вторымъ — партія 17 октября, партія правоваго порядка и др., къ третьимъ — партія конституціонно-демократическая, радикальная и социалистическія. Что служить центромъ всѣхъ партій и откуда начинаются правыя и лѣвыя, точно опредѣлить нельзя въ настоящее время вслѣдствіе неопредѣленности программы, которой намѣрено держаться наше правительство.

Однако въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ совершившійся въ Россіи политическій переворотъ засталъ большую часть населенія весьма мало подготовленной къ выпавшей на ея

долю политической роли. Благодаря стѣсненіямъ свободы слова и печати многіе даже интеллигентные люди (напр. сельское духовенство) лишены были возможности познакомиться съ существующими политическими и социальными возрѣвнiями и потому затрудняются теперь дать себѣ ясный отчетъ въ теоретическихъ обоснованiяхъ различныхъ политическихъ программъ и ихъ сравнительныхъ достоинствахъ. Вниманiю тѣхъ изъ нашихъ читателей, которые до сихъ поръ не занимались политическими и социальными вопросами, мы и предлагаемъ настоящую статью. Для большей ясности и во избѣжаніе повторенiй мы рассмотримъ сначала социальнo-экономическія, а затѣмъ политическія программы важнѣйшихъ партій. Съ социальныхъ начнемъ потому, что онѣ въ значительной степени опредѣляютъ собою и политическія программы.

Соціальный вопросъ.

Еслибы раздѣлить, говорить Гобсонъ, все національное богатство Англіи поровну между всѣми англійскими семьями, то на каждую семью пришлось бы по 172 фунта стерл. (около 1700 р.) въ годъ,—сумма, на которую можно устроить сытую и обеспеченную жизнь. Между тѣмъ въ этой богатѣйшей странѣ, съ населеніемъ въ 38 миллионовъ жителей, только 11 миллионовъ живутъ въ достаткѣ, остальные 27 миллионовъ на краю голода. Напримѣръ въ восточномъ Лондонѣ по изслѣдованіямъ генерала „Арміи спасенiя“ Бутси, изъ 892 тысячъ жителей—11 тысячъ представляютъ собою существа, почти не похожія на людей, дикія, отошалаыя, озлобленныя. Чѣмъ они живы, въ точности даже опредѣлить невозможно. Въ общемъ изъ жителей восточнаго Лондона 77 % погружены въ беспросвѣтную нужду. А каковы квартиры, какова пища лондонскихъ рабочихъ, объ этомъ лучше не говорить ¹⁾. Подобная картина, картина чрезмѣрнаго богатства, ослѣпительной роскоши, безграничнаго произвола и деспотизма, безчеловѣчной эксплуатаціи—съ одной стороны, голода, нищеты, угнетенiя, безправiя—съ другой, является непремѣннымъ спутникомъ культуры и съ дальнѣйшимъ развитіемъ

1) Вѣра и Разумъ. 1902. № 1. Стр. 34—35.

ея принимаетъ повидимому все болѣе мрачный и угрожающій характеръ. Разумъ и совѣсть человѣка одинаково возмущены этимъ вопіющимъ неравенствомъ людей, доходящимъ до фактическаго отрицанія достоинства человѣческой личности, до полнаго попранія священнѣхъ человѣческихъ правъ. Они убѣждены, что эта аномалія должна быть уничтожена; но какъ, какими средствами сдѣлать это? Самый простой и рѣшительный отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ социализмъ, предлагающій частное хозяйство замѣнить общественнымъ. Хотя современный социализмъ, положенный въ основу социалистическихъ программъ, рѣзко отличаетъ себя отъ древняго-утопическаго социализма, тѣмъ не менѣе онъ заключаетъ въ себѣ не мало утопическихъ элементовъ и въ послѣднее время начинаетъ обнаруживать нѣкоторую тенденцію снова перейти въ утопическій коммунизмъ. Вотъ почему мы считаемъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ и объ этомъ послѣднемъ.

Утопическій социализмъ ¹⁾.

Появившаяся въ 1516 г. „Утопія“ Томаса Мора рисуетъ фантастическую картину земледѣльческой республики, въ которой нѣтъ ни собственности, ни денегъ, ни торговли. Всѣ утопійцы живутъ въ одинаковыхъ домахъ, шесть часовъ проводятъ за работой, свободное время посвящаютъ литературнымъ чтеніямъ, публичнымъ лекціямъ и отдыху. Свои произведенія они свозятъ въ особыя кладовыя, откуда взазмѣн ихъ получаютъ все нужное для потребленія. Утопійцы набожны; у нихъ великолѣпные храмы и выборное духовенство. Они чтутъ святость брака и сурово наказываютъ нарушеніе супружеской вѣрности. Другой утопистъ, доминиканецъ Кампанелла, въ своемъ социалистическомъ романѣ „Солнечный градъ“, изданномъ въ 1620 г., идетъ еще далѣе, проповѣдуя полный коммунизмъ до общности женъ включи-

¹⁾ Подробное изложеніе исторіи утопическаго социализма можно найти въ слѣдующихъ изданіяхъ: Д. Щегловъ. Исторія социальныхъ системъ 1—2 т. 1886 и 1889 г.—Карѣевъ. Исторія Западной Европы въ новое время. IV и V т.—Зомбартъ. Социализмъ и социальные движенія въ XIX столѣтіи. 1902 г.—Н. Стеллецкій. Труды К. Д. Ак. 1904. Авг., Сент. и Ноябрь.

тельно. Власть у него регулируетъ сожитіе мужчинъ и женщинъ, стараясь соединить индивидовъ различныхъ физическихъ типовъ и характеровъ. Это необходимо, по мнѣнію его, затѣмъ, чтобы устранить изъ жизни человѣческой эгоизмъ и дурныя инстинкты, воспитать любовь къ людямъ и братство. Всѣ эти и подобныя социалистическія воззрѣнія были слишкомъ фантастичны, слишкомъ мало считались съ дѣятельностью, чтобы имѣть какое нибудь жизненное значеніе. Они впервые пріобрѣли таковое съ начала XIX в., когда въ системахъ Сень-Симона, Фурье и др. стали покоиться на изученіи экономической жизни.

Раздѣливъ всѣхъ людей на „тунеядцевъ“ и „рабочихъ“, т. е. вообще труженниковъ, Сень-Симонъ находилъ, что современное общество „есть воистину свѣтъ на изнанку, такъ какъ тѣ, которые представляютъ собою политическую полезность, поставлены въ подчиненное положеніе по отношенію къ людямъ неспособнымъ, невѣжественнымъ и безнравственнымъ“. Если бы Франція потеряла вдругъ 3000 первыхъ своихъ физиковъ, химиковъ, ученыхъ, художниковъ, ремесленниковъ и т. д., нація осталась бы тѣломъ безъ души; внезапная же смерть 3000 челоуѣкъ другого рода—членовъ королевскаго дома, сановниковъ, богатыхъ собственниковъ и под. не принесетъ государству никакого вреда. Отсюда государство должно направлять свою дѣятельность на улучшение быта рабочихъ, на достиженіе возможно большаго экономического равенства. „Цѣлью нашего вѣка, говорилъ Сень-Симонъ, должны быть гуманность и братство“. Средствомъ для этого должно служить уничтоженіе индивидуальнаго производства, вносящаго всеобщую конкуренцію и анархію, и организація производства на принципѣ ассоціаціи, которая посредствомъ общественной власти регулировала бы всякое производство. Эта мысль еще яснѣе и опредѣленнѣе была выражена Луи Бланомъ въ его „Организаціи труда“, появившейся въ 1839 г. Всѣ бѣдствія современной цивилизаціи Луи Бланъ объясняетъ господствомъ свободной конкуренціи. Онъ требуетъ, чтобы разрозненныя предпріятія были замѣнены ассоціаціями, руководимыми государствомъ и сосредоточивающими въ своихъ рукахъ всѣ отрасли производства. Эти ассоціаціи должны уравнивать плату для всѣхъ рабочихъ и преобразовать воспитаніе въ томъ смыслѣ, чтобы

мотивомъ дѣятельности каждаго было стремленіе не къ возможно большому личному доходу, а къ общему благу. Всѣ эти преобразованія полностью могутъ осуществиться лишь при господствѣ въ государствѣ рабочихъ. Проектъ Луи Блана былъ испытанъ въ урѣзанномъ видѣ. Было устроено нѣсколько рабочихъ ассоціацій съ равной для всѣхъ платой. Но усердія въ работѣ не оказалось. „Каждый находилъ выгоднымъ, чтобы его сосѣдь работалъ больше, и потому каждый возлагалъ надежды на другого“. Кромѣ того между рабочими развились недоувѣріе, шпіонство и раздоры, прекратившіяся съ введеніемъ поштучной платы. вмѣсто ожидаемаго равенства и братства ассоціаціи породили невыносимую тираннію и скоро должны были закрыться.

Въ то время какъ Сень-Симонъ и Луи Бланъ требовали, чтобы государственная власть преобразовала общественный строй путемъ внѣшняго принужденія, Фурье въ основу своей системы полагаетъ полную и безусловную свободу, съ совершеннымъ устраненіемъ какой бы то ни было принудительной силы. Онъ разсуждалъ такъ. Богъ далъ страстямъ большую интенсивность, большую силу, чѣмъ разуму. Это значитъ, что самъ Богъ предоставилъ страстямъ устройство общественной жизни. Если страсти и являются теперь „тиграми, выпущенными изъ клѣтокъ“, то только благодаря неправильному строю, да такъ называемымъ обязанностямъ, этимъ, „капризамъ философвъ“, заключеннымъ въ 400,000 томовъ глупыхъ книгъ. При нормальномъ же порядкѣ страсти будутъ дѣйствовать къ общей пользѣ всѣхъ людей и приведутъ человѣка къ счастью. Каковъ же долженъ быть нормальный порядокъ? Слѣдуетъ устроить, отвѣчаетъ Фурье, земледѣльческія колоніи или фаланги для каждыхъ 1500—1600 человѣкъ. На участкѣ должны производиться всѣ роды культуры, причѣмъ каждый пусть выбираетъ себѣ занятія по своему влеченію. Всѣ участники живутъ въ одномъ домѣ, фаланстерѣ, гдѣ помѣщаются храмъ, бібліотека, музыкальная комната, зимній садъ, телеграфъ и т. д. Чтобы больше заинтересовать рабочихъ трудомъ, слѣдуетъ чаще устраивать встрѣчи мужчинъ и женщинъ. Фурье сурово осуждаетъ современную брачную жизнь, въ которой человѣкъ находитъ вмѣсто удовольствій одни обязанности, „супружескую барщину“ и гдѣ благодаря этому вѣрной остается

лишь одна изъ ста, и то по невозможности быть невѣрной. Онъ рекомендуетъ для своихъ фалангъ свободную любовь почти безъ ограниченій, устанавливаетъ для этого особые вечерніе сеансы. Лучшими воспитательными средствами для дѣтей онъ считаетъ оперу и кухню: первая развиваетъ зрѣніе и слухъ, вторая—обоняніе и вкусъ. Самыя неприятныя обязанности онъ оставляетъ для „малыхъ ордъ“, т. е. для озарниковъ и озарницъ, которые по его ожиданіямъ не пойдутъ на дѣло, а побѣгутъ, полетятъ. Было не мало опытовъ осуществленія идей Фурье, особенно въ Америкѣ. Начало ихъ было блестящее, но конецъ жалокъ. Изъ нѣсколькихъ десятковъ фалангъ самая старая просуществовала 12 лѣтъ, нѣкоторыя же закрылись до истеченія года. Жизнь оказалась самымъ строгимъ критикомъ, какого только можно себя представить.

Послѣднимъ утопистомъ, въ которомъ замѣченъ уже поворотъ къ научному социализму, былъ знаменитый Ф. Лассаль. Онъ развивалъ социалистическіе взгляды въ духъ Луи Блана. Выгода фабриканта состоитъ въ томъ, что онъ получаетъ не только вознагражденіе за трудъ, но кромѣ того и предпринимательскую прибыль. Чтобы рабочимъ досталась и эта послѣдняя, они должны сами основывать крупныя фабрики. Но необходимый для этого капиталъ имъ можетъ дать лишь государство. Чтобы склонить государство къ поддержанію рабочихъ капиталомъ, представители рабочаго класса должны составлять большинство въ законодательныхъ собраніяхъ. Съ приобрѣтеніемъ политическаго господства рабочіе, составляющіе самый бѣдный, угнетенный классъ, уничтожатъ всѣ классовыя различія и водворятъ въ государствѣ равенство и общее довольство. „Четвертое сословіе, говорилъ Лассаль въ лекціи, читанной въ 1862 г. рабочимъ, есть послѣднее и крайнее сословіе общества, сословіе обездоленное... Слѣдовательно, въ сердцѣ четвертаго сословія не можетъ быть зародыша новой привилегированности, и потому оно тождественно со *всѣмъ* *человѣческимъ* *родомъ*. Его дѣло есть дѣйствиельно дѣло всего человѣчества, его свобода есть свобода *самого* *человѣчества*, его владычество есть владычество *всѣхъ*. Стало быть провозглашеніе идеи рабочаго сословія господствующимъ принципомъ общества не есть возгласъ раздѣленія и вражды классовъ общества; это

возгласъ примиренія... возгласъ единенія... возгласъ любви... Вы счастливы, господа, потому что вашъ истинный личный интересъ совпадаетъ съ жизненнымъ началомъ нравственнаго развитія... Высокая всемірно-историческая честь такого назначенія должна преисполнить собою всѣ ваши помыслы. Пороки угнетенныхъ, праздныя развлеченія людей немнящихъ, даже невинное легкомысліе ничтожныхъ—все это теперь недостойно васъ. Вы—камень, на которомъ созидается перковъ настоящаго“¹⁾.

Научный социализм²⁾.

Всѣ социалисты—утописты въ своихъ предположеніяхъ о переустройствѣ человѣчества исходили изъ общихъ нравственныхъ идей справедливости, любви, равенства, смотрѣли на свои системы какъ на проекты, изобрѣтенные ихъ воображеніемъ, и ставили ихъ осуществленіе въ зависимость отъ доброй воли человѣка. Нѣкоторые изъ нихъ (напр. Фурье), сидя въ своихъ кабинетахъ, въ нарочно назначенные для сего часы ждали появленія добрыхъ людей, которые положили бы къ ногамъ ихъ свои капиталы для осуществленія социалистическихъ проектов. Не то представляетъ собою социализмъ современный, научный. На мѣсто нравственныхъ идей и свободной воли тутъ является неотвратимый историческій законъ; что казалось утопистамъ заманчивымъ идеаломъ, для

¹⁾ Принципы труда. Изд. „Колоколь“. 1905 г. Стр. 35—46).

²⁾ Для болѣе подробнаго, но первоначальнаго ознакомленія съ теоріей научнаго социализма можно рекомендовать брошюры: Энгельсъ. Отъ утопіи къ научной теоріи. Изд. „Молоть“. 1905. Ц. 10 к.—Марксъ и Энгельсъ. Капитализмъ и коммунизмъ (Коммунистическій манифестъ). Изд. „Колоколь“. 1905. Ц. 3 к. — Гэдъ. Коллективизмъ. Изд. „Впередъ“. 1905. Ц. 5 к.—Гэдъ и Лафаргъ. Чего хотятъ социаль-демократы? Изд. „Социал-демократъ“. 1905. Ц. 5 к.—Идеи марксизма въ германской рабочей партіи (Каутскаго и Шенланка). Изд. „Мол.“ 1905. Ц. 10 к.—Бebelъ. Академика и социализмъ. Изд. „Кол.“ 1905. Ц. 5. — Энгельсъ. Крестьянскій вопросъ во Франціи и Германіи. Изд. „Буревѣстникъ“. 1905. Ц. 15 к.—Либкнехтъ. Два міра. Изд. „Бур.“ 1905. Ц. 15 к.

Для болѣе обстоятельнаго знакомства съ марксизмомъ необходимо прочесть: Каутскій. Комментарій къ положеніямъ Эрфуртскаго съѣзда. Изд. „Молоть“ 1905. Ц. 20 к.—Каутскій. Экономическое ученіе К. Маркса. Перев. подъ ред. проф. Желъзнова. 1905. Ц. 45 к. Эти книги даютъ хорошую подготовку къ чтенію „Капитала“ Маркса.

достиженія чего они обращались къ гуманнѣйшимъ чувствамъ людей, то для научнаго социализма представляется неизбѣжнымъ слѣдствіемъ, неподлежащимъ сомнѣнію фактомъ будущаго, который рано или поздно непременно будетъ имѣть мѣсто въ исторіи совершенно независимо отъ воли человѣка. Научный социализмъ или „коллективизмъ“, говоритъ одинъ изъ виднѣйшихъ его представителей Ж. Гедъ, не покоится ни на одномъ изъ апіоріиныхъ представленій о справедливости, свободѣ, равенствѣ или братствѣ; эти представленія входятъ по нашему мнѣнію въ область той метафизики, о которой Вольтеръ могъ сказать приблизительно слѣдующее: метафизика—тамъ, гдѣ два человѣка не могутъ понять другъ друга. Онъ уже не ссылается на „великодушныя чувства“ или „на стремленія къ благосостоянію“, которыя были во всѣ времена, но никогда не достигали цѣли, потому что не желанія человѣка правятъ міромъ, но міръ своими послѣдовательными, неизбѣжными преобразованіями создаетъ наши чувства, наши желанія, то, что называютъ еще нашимъ идеаломъ. Коллективизмъ опирается исключительно на экономическую эволюцію обществъ, являясь только ея фазой, неизбѣжнымъ и грядущимъ окончаніемъ¹⁾. Превращеніе утопическаго социализма въ научный случилось благодаря двумъ „открытіямъ“ Маркса, одно изъ которыхъ составляетъ матеріалистическое пониманіе исторіи, другое—законъ „прибавочной цѣнности“. Законъ „прибавочной цѣнности“ вызоветъ переходъ современнаго капиталистическаго строя въ социалистическій, а матеріалистическое объясненіе исторіи представляетъ этотъ переходъ неотвратимымъ никакими сторонними силами, никакими новыми факторами.

По представленію Маркса и его послѣдователей вся исторія человѣчества создавалась исключительно на почвѣ экономическихъ условий. Производство продуктовъ и ихъ обмѣнъ—вотъ единственная реальная основа, на которой рождаются правовыя и политическія учрежденія, религіозныя, философскія и инныя идеи даннаго историческаго періода. Самыя общія контуры человѣческой исторіи съ этой точки зрѣнія представляются въ такомъ видѣ²⁾.

¹⁾ Коллективизмъ. Стр. 3.

²⁾ См. подробнѣе: Каутскій. Развитие государственнаго строя на западѣ. Перев. Львовича. 1905.—Егоже Национальность нашего времени. 1905.

Какъ извѣстно первоначальная форма управленія у каждаго племени была въ полномъ смыслѣ демократической. Не имѣя никакого опредѣленнаго законодательства, руководствуясь традиціями, да указаніями стариковъ, племя само на общихъ собраніяхъ чинило судъ надъ виновными, разбирало тяжбы, устанавливало отношенія къ сосѣдямъ и т. д. На эти собранія сначала являлись и женщины и наравнѣ съ мужчинами подавали голоса. Но по мѣрѣ развитія домашней жизни и технического прогресса въ области домашнихъ работъ, женщина, съ самаго начала исторіи по какимъ то неяснымъ причинамъ избравшая себѣ завѣдываніе домою, все менѣе и менѣе имѣла времени и возможности участвовать на народныхъ собраніяхъ. Наоборотъ, присутствие мужчины дома не было обязательно. Онъ могъ отлучаться на цѣлые дни и недѣли и безъ особаго ущерба для своего хозяйства отдаваться общественной жизни, а вмѣстѣ и общественнымъ пирушкамъ. Однако это продолжалось не слишкомъ долго. Охота, пастушество и войны, — главныя занятія племени на первыхъ ступеняхъ развитія, перестаютъ удовлетворять его потребностямъ и уступаютъ все болѣе и болѣе мѣсто землѣдѣлію. Силы женщины оказались уже недостаточными для выполнения хозяйственныхъ работъ. Ей по необходимости должны были помогать и мужчины. Новый способъ производства — землѣдѣліе — произвелъ переворотъ во всемъ политическомъ и социальномъ строѣ. Привязанный къ землѣ мужчина не можетъ уже на долгое время отлучаться изъ дому. Военское право становится для него теперь воинскою повинностью, очень для него обременительною. Для него выгоднѣе пожертвовать часть своего имущества для найма себѣ защитниковъ. Такъ нарождается каста воиновъ. Точно также и общественное управленіе, законодательство и судъ, по мѣрѣ того, какъ осложнялось общество, получило для членовъ общества характеръ повинности. У массы исчезла склонность и даже возможность посѣщать общественныя собранія. У нея явилась потребность перенести на другихъ свои политическія и судебныя обязанности. Эти обязанности за извѣстное вознагражденіе, освобождавшее отъ необходимости заниматься собственнымъ хозяйствомъ, были переданы частью воинамъ, частью специальнымъ лицамъ, изъ которыхъ возникали новые классы, жречество и аристократія. Пока

каждая община производила продукты для собственного потребления, она жила обособленно от других общинъ. Но съ развитіемъ производства, когда явилась возможность излишки производства вывозить за предѣлы общины или племени, начинается объединеніе какъ сельскихъ, такъ и городскихъ общинъ. На этой почвѣ возникаютъ дѣляга государства и появляется идея національности. Но съ объединеніемъ городовъ и общинъ для населенія еще менѣе стало возможности являться на народныя собранія. Въ концѣ концовъ простые люди совершенно перестали бывать на собраніяхъ. Центральная власть совсѣмъ и не интересовалась ихъ присутвіемъ. Для нея имѣли значеніе лишь тѣ, отъ которыхъ она фактически зависѣла, дворянство и духовенство. Такъ народныя собранія превратились въ дворянскіе съѣзды. Дворянство и духовенство, экономически независимыя отъ короля, сильно ограничивали королевскую власть. Ограниченіе доходило до того, что управление страной фактически переходило въ руки представителей сильныхъ классовъ. Но тутъ на помощь королю явился капиталъ. Интересы капитала и государственной власти совпадаютъ. Государство защищаетъ производителей товаровъ и торговцевъ отъ конкуренціи иностранныхъ соперниковъ и стремится улучшить условія сбыта товаровъ на заграничныхъ рынкахъ. Чѣмъ сильнѣе государственная власть и государство, тѣмъ благоприятнѣе условія для производителей. Чѣмъ больше дѣлается территорія, занимаемая государствомъ, тѣмъ больше становятся выгоды капиталистовъ. Но чѣмъ быстрѣе развивается промышленность, чѣмъ больше овладѣваетъ она рынками внутри страны и за границей, тѣмъ болѣе увеличивается спросъ на рабочія руки, тѣмъ выше поднимается заработная плата. Такимъ образомъ и рабочій пролетаріатъ заинтересованъ въ развитіи капиталистическаго производства и усиленіи государственной власти. Послѣднее выгодно, наконецъ, и крестьянину, какъ скоро въ земледѣльческомъ хозяйствѣ получаетъ преобладаніе товарное производство. Чѣмъ выше стоитъ промышленность, чѣмъ меньше стѣснено товарное обращеніе внутри страны и за границей, тѣмъ выше также и плата, какую получаетъ крестьянинъ за свои продукты. Съ усиленіемъ государственной власти благодаря росту капиталистическаго производства, старинныя политическія и

соціальныя организаціі сами собою падають. Ихъ функціи переходять постепенно къ государству. Государственная власть получаетъ возможность вмѣсто рыцарскихъ войскъ содержать собственныя войска, судебныя и административныя обязанности передать собственнымъ чиновникамъ. Дворянство и духовенство продолжаютъ получать свои привилегіи не за свои общественныя заслуги, а по милости царя. Ихъ долгъ теперь служить государю. Вмѣстѣ съ паденіемъ дворянства и духовенства, всѣ функціи, выполняемыя прежде общинами, какъ охрана личной безопасности, проведеніе дорогъ, устройство школъ и т. д., переходять теперь къ государству. Такъ возникаетъ государственный абсолютизмъ. Капиталистическій способъ производства былъ его творцомъ. Но онъ же выковалъ и оружіе противъ него. Государственный абсолютизмъ, покровительствующій капитализму, скоро оказался разсадникомъ пролетаріата и вмѣстѣ съ тѣмъ „грандіознымъ аппаратомъ для грабежа народа“. Тѣмъ и другимъ онъ сталъ вызывать недовольство населенія. Къ низшимъ эксплуатируемымъ классамъ присоединилась и буржуазія, въ которой одни (промышленники) были недовольны стѣсненіемъ ввоза сырыхъ матеріаловъ и предметовъ первой необходимости, другіе (земледѣльцы) наоборотъ желали свободнаго ввоза фабричныхъ издѣлій. Теперь уже не государственная охрана, а свобода стала лозунгомъ для буржуазіи. Подъ давленіемъ новыхъ эконимическихъ условій абсолютизмъ начинаетъ уступать свое мѣсто демократическому правленію. Но капиталистическій способъ производства скрываетъ въ себѣ оружіе не только противъ государственнаго абсолютизма, но и противъ себя самого. Въ самой сущности его лежитъ зародышъ неминуемой его гибели, источникъ новаго способа производства и новаго общественнаго строя, именно коллективистическаго. Въ чемъ же причина гибели капитализма? Въ законъ прибавочной цѣнности.

Въ средніе вѣка повсюду было развито мелкое производство, при которомъ каждый труженникъ пользовался правомъ собственности на средства производства. Въ деревняхъ господствовало тогда земледѣліе мелкихъ крестьянъ, въ городахъ—ремесло. Орудія труда или средства производства, т. е. земля, земледѣльческія орудія и инструменты ремесленниковъ, принадлежали самимъ работникамъ и потому по

своимъ размѣрамъ были невелики и ограничены. Продукты этого труда предназначались для собственнаго потребления. Но благодаря раздѣленію труда, особенно примѣненію машины, трудъ пересталъ быть личнымъ; онъ сталъ общественнымъ. На смѣну прялки, ткацкому станку и кузнечному молоту явились прядильная машина, механической ткацкій станокъ и паровой молотъ; а вмѣсто мелкихъ мастерскихъ народились фабрики, требующія сотенъ и тысячъ людей. Со времени введенія парового плуга, жатвенныхъ машинъ и пр. надъ обработкой земли стали трудиться обширныя группы всевозможныхъ рабочихъ. Такимъ образомъ собственность по прежнему оставалась личной, а трудъ сталъ общественнымъ. Продукты труда предназначались уже не для собственнаго потребления, а для продажи.

Общественное производство, вызванное примѣненіемъ машины, чрезвычайно увеличило производительность труда. Напримѣръ жакардовскій ткацкій станокъ увеличилъ производительность работы одного ткача на 350%. Въ работѣ отдѣленія хлопка отъ смѣни одинъ человѣкъ при помощи новѣйшихъ машинъ производитъ теперь работу 1000 человѣкъ¹⁾. Машины такимъ образомъ представляютъ собою ту же рабочую силу, что и человѣкъ. Работа, производимая всѣми паровыми машинами земного шара, 10 лѣтъ назадъ равнялась работѣ 1000 милліоновъ человѣкъ²⁾. Благодаря непобѣдимой конкуренціи машинъ трудъ человѣка становится менѣе необходимымъ, какъ по количеству, такъ и по качеству. Человѣческая рабочая сила вытѣсняется нечеловѣческой рабочей силой машины. Каждое усовершенствованіе машины составляетъ гибель для цѣлаго разряда рабочихъ. Въ англійскомъ хлопчатобумажномъ производствѣ, выработывавшемъ до введенія машинъ въ періодъ времени отъ 1814 до 1822 г. только 106 т. фунтовъ пряжи и 80 т. ф. тканей, работало 445 т. человѣкъ, составлявшихъ $\frac{1}{37}$ всего населенія. Въ 1880—82 г. благодаря машинному производству 1,224 т. ф. пряжи 998 т. тканей выработало 686 т. человѣкъ, составлявшихъ $\frac{1}{50}$ народонаселенія. Производство хлопчатой бумаги повысилось такимъ образомъ на 1231%,

1) Гэдъ Коллективизмъ. Стр. 5.

2) Каутскій. Комментарій. Стр. 16.

а число людей, которые жили этимъ производствомъ, уменьшилось на 25%. Въ Соединенныхъ Штатахъ въ 1845 г. 45 т. сапожниковъ производило 70 милліоновъ паръ, а въ 1875 г. при утроившемся почти населеніи 48 т. людей всѣхъ возрастовъ и обоого пола производило 445 милліоновъ паръ¹⁾. Такимъ образомъ благодаря усовершенствованію машинъ спросъ на рабочія руки постоянно уменьшается, наоборотъ предложеніе рабочей силы, благодаря увеличенію населенія и вслѣдствіе вовлеченія въ промышленность женщинъ и дѣтей, постоянно увеличивается. Возникающая отсюда конкуренція, оставляя безъ работы цѣлыя массы людей (такъ называемую „резервную армію“), въ то же время понижаетъ и заработную плату.

Заработная плата никогда не составляетъ всей стоимости самого труда, т. е. расходуемой на него рабочей силы. Если собственный производитель пользуется всей стоимостью продуктовъ, то рабочій, продавая свою рабочую силу, получаетъ, лишь часть стоимости своего труда, и благодаря конкуренціи рабочихъ только ту часть, которая безусловно необходима для его существованія и воспроизведенія. Другая часть ея поступаетъ владѣльцу капиталисту. Если бы рабочій получалъ всю стоимость производимыхъ продуктовъ, то предпринимателю не было бы никакой выгоды продолжать свое дѣло. Это присвоеніе капиталистами неоплаченного чужого труда, это поступленіе „прибавочной цѣнности“ или прибыли въ пользу капиталистовъ и составляетъ тайну капиталистическаго производства. Въ Англии, на примѣръ, на заработную плату расходуется 71 милліардовъ при годичномъ производствѣ въ 29 милліардовъ²⁾.

Благодаря закону прибавочной цѣнности капиталъ имѣетъ естественное стремленіе къ накопленію и къ концентраціи въ немногихъ рукахъ. Чѣмъ значительнѣе капиталъ, тѣмъ больше доставляемая имъ прибыль, тѣмъ менѣе имѣетъ возможность конкурировать съ нимъ сравнительно небольшой капиталъ. Производство въ крупныхъ размѣрахъ дѣлаетъ все болѣе и болѣе затруднительнымъ, почти невозможнымъ, совместное существованіе съ нимъ мелкаго производства.

1) Гадъ. Коллективизмъ. Стр. 11.

2) Гадъ. Коллективизмъ. Стр. 12.

Тамъ, гдѣ капиталистическій способъ производства овладѣвалъ какимъ либо ремесломъ, онъ благодаря удешевленію своихъ товаровъ уничтожалъ всѣ прежнія средства производства. Послѣднія все болѣе и болѣе обезцѣнивались, и сравнительно мелкимъ собственникамъ ничего не оставалось, какъ поступить въ ряды рабочихъ. Такъ исчезаетъ постепенно средній классъ общества, служащій какъ бы буферомъ, препятствующимъ столкновенію пролетаріата съ капиталистами. Исчезаютъ мелкіе промышленники и мелкіе торговцы. Эта неизбежная, непредотвратимая никакими средствами эволюція ускоряется вслѣдствіе періодически повторяющихся экономическихъ кризисовъ, происходящихъ отъ перепроизводства товаровъ. Доведенная до крайности способность современныхъ машинъ къ усовершенствованію начинаетъ играть роль принудительнаго закона для каждого промышленника, заставляя его непрерывно улучшать свои машины и увеличивать ихъ производительную силу. Онъ спѣшитъ обратить свои капиталы въ промышленныя предпріятія, не имѣя ни желанія, ни возможности въ точности учесть будущій спросъ на свои продукты. Между тѣмъ способность рынковъ къ расширенію подлежитъ совершенно инымъ законамъ. Благодаря этому время отъ времени разражаются страшные кризисы. Торговля приостанавливается, всѣ рынки переполняются, продукты скопляются въ огромныхъ количествахъ, наличныя деньги какъ бы исчезаютъ, фабрики прекращаютъ свою дѣятельность, одно банкротство слѣдуетъ за другимъ. Въ результатъ всего бываетъ поступленіе многихъ сравнительно мелкихъ собственниковъ въ ряды пролетаріата, увеличеніе резервной арміи, голодъ, нищета и смерть, и все это, какъ ни странно, отъ избытка продуктовъ. Въ Германіи въ 1882 г. на 100 человекъ приходилось 84, 4 самостоятельныхъ предпринимателя, а въ 1895 г. только 24, 9; тоже и въ торговлѣ: число самостоятельныхъ торговцевъ упало съ 44, 6 въ 1882 г. до 36, 6 въ 1895 г. ¹⁾ Число рабочихъ, занятыхъ въ мелкихъ промышленныхъ предпріятіяхъ, составляло въ 1882 г. 59% всего числа рабочихъ, въ 1895 г. оно составляло только 46%; число же рабочихъ въ крупномъ производствѣ, напротивъ того, удвоилось. Въ Англій послѣд-

¹⁾ Бебель. Академики и социализмъ. Изд. Колоколь. 1904. Стр. 111.

ній ручной ткаць давно уже умеръ съ голоду; въ Германіи дни ручныхъ ткачей также сочтены ¹⁾. Съ такою же послѣдовательностью происходитъ поглощеніе мелкой земельной собственности крупною. Мелкіе землевладѣльцы лишены возможности пользоваться примѣненіемъ машинъ, вслѣдствіе чего трудъ ихъ обезцѣнивается, и сами они мало по малу превращаются въ пролетаріевъ. Въ Германіи въ 1882 г. сельскимъ хозяйствомъ занималось 19,225 т. человекъ; въ 1895 г. только 18,500 т.—значитъ на $\frac{3}{4}$ милліона меньше, несмотря на общій приростъ населенія въ 7 милліоновъ ²⁾.

Начавшійся процессъ концентраціи капитала и постоянный ростъ пролетаріата не могутъ идти въ безконечность. Какъ скоро капиталъ окончательно поглотитъ мелкихъ собственниковъ, между капиталистами и пролетаріатомъ неминуемо произойдетъ столкновеніе, неизбѣжнымъ слѣдствіемъ котораго будетъ экспропріація, т. е. отнятіе имущества капиталистовъ въ пользу государства. Частная собственность на средства производства, т. е. на землю и капиталъ, будетъ объявлена собственностью общественной. Каждому человѣку будетъ предоставлено право собственности лишь на средства потребленія, т. е. на продукты, необходимые для существованія. Если мы представимъ себѣ, что всѣ собственники передали государству въ качествѣ вѣчнаго вклада свои земли и капиталы, съ правомъ вмѣсто процентовъ пользоваться продуктами, причемъ количество послѣднихъ зависѣло бы не отъ величины вклада, а отъ количества труда, то мы получимъ приблизительную картину будущаго социалистическаго строя. Въ такомъ строѣ очевидно не можетъ быть мѣста теперешнему экономическому и социальному неравенству; въ немъ не будетъ ни эксплуатаціи бѣдныхъ и слабыхъ богатыми и сильными, ни раздѣленія на классы, ни кризисовъ, ни всякихъ другихъ ненормальностей капиталистическаго строя. „На мѣсто буржуазнаго общества, говорятъ Марксъ и Энгельсъ, съ его классами и антагонизмомъ, возникаетъ ассоціація, въ которой развитіе cadaго является условіемъ свободнаго развитія всѣхъ“ ³⁾. „Прекратится борьба отдѣль-

¹⁾ Каутскій. Комментарій къ положеніямъ Эрфуртскаго съѣзда. Стр. 20—21.

²⁾ Бебель. Академики и социализмъ. Стр. 10.

³⁾ Капиталъ и коммунизмъ. Стр. 30.

ныхъ индивидуумовъ за существованіе. вмѣстѣ съ тѣмъ человѣкъ, въ извѣстномъ смыслѣ, выйдетъ изъ животнаго состоянія и перейдетъ изъ животныхъ условій существованія въ истинно человѣческія условія. Лишь съ этого момента люди вполне сознательно начнутъ сами творить свою исторію, и только, начиная съ этого времени, всѣ причины общественнаго характера будутъ вызывать и желательныя человѣчеству слѣдствія. Совершится переходъ человѣчества изъ царства необходимости въ царство свободы“¹⁾. „Мы, социаль-демократы, восклицаетъ Бебель, желаемъ осуществить на дѣлѣ всеобщее братство. Идите же къ этому обездоленному народу съ проповѣдью социализма: съ идеалами равенства, свободы, знанія и полного человѣческаго существованія. Несите ему лозунгъ: *быть меловѣнкомъ*“²⁾. Такова миссія рабочаго класса. Но чтобы осуществить ее, онъ долженъ сначала приобрести политическое господство, стать факторомъ закона. Къ этому и должны быть направлены всѣ его ближайшія цѣли.

Соціалистическія партіи. Соціаль-демократія и революціонный социализмъ.

Идеи марксизма нашли себѣ добрую почву среди рабочаго и отчасти интеллигентнаго класса и создали особую политическую партію, такъ называемую социаль-демократію, которая, стараясь объединить около себя все трудящееся и эксплуатируемое населеніе, ставитъ своей задачей чрезъ пропаганду социалистическихъ идей и проведеніе нѣкоторыхъ мѣропріятій ускорить процессъ классовой борьбы и окончательную побѣду пролетаріата. Конечную цѣль социаль-демократіи, максимумъ ея программы, составляетъ уничтоженіе собственности на средства производства, т. е. на землю и капиталъ, и обращеніе ихъ въ собственность общественную. Средствомъ для такого социальнаго переворота служить „диктатура пролетаріата, т. е. завоеваніе пролетаріатомъ такой политической власти, которая позволитъ ему подавить всякое сопротивленіе эксплуататоровъ“. Сознвая однако невозможность осуществленія социалистическаго строя въ бли-

¹⁾ Энгельсъ. Отъ утопіи къ научной теоріи. Стр. 34.

²⁾ Академики и социализмъ. Стр. 24.

жайшемъ будущемъ, вслѣдствіе незавершенности капиталистическаго процесса, социаль-демократическая партія ставить своей ближайшей задачей (минимумъ программы) проведение такихъ мѣръ политическаго и экономическаго характера, которыя благопріятствовали бы развитію классовой борьбы пролетаріата съ буржуазіей.

Эти мѣры слѣдующія: отмена всѣхъ косвенныхъ налоговъ и установленіе прогрессивнаго налога на доходы и наслѣдства, восьмичасовой рабочей день для всѣхъ наемныхъ рабочихъ, еженедѣльный непрерывный отдыхъ не менѣе 42 часовъ, полное запрещеніе сверхурочныхъ работъ и ночного труда, кромѣ технически необходимаго, воспрещеніе предпринимателямъ пользоваться трудомъ дѣтей, особенныя законодательныя мѣры для охраны труда женщинъ и подростковъ, государственное страхование рабочихъ на счетъ капиталистовъ, реорганизация и расширеніе фабричной инспекціи, воспрещеніе женскаго труда въ тѣхъ отрасляхъ, гдѣ онъ вреденъ для женскаго организма, устройство яслей при заводахъ и фабрикахъ, гдѣ работаютъ женщины, и т. д.

Всѣ перечисленныя здѣсь мѣры направлены не столько къ тому, чтобы улучшить положеніе рабочихъ, сколько къ тому, чтобы, по объясненію самой программы, предохранить рабочий классъ отъ физическаго и нравственнаго вырожденія и такимъ образомъ сдѣлать его способнымъ къ освободительной борьбѣ. Положительное улучшеніе рабочихъ занимаетъ здѣсь второстепенное, подчиненное мѣсто. Оно ни въ какомъ случаѣ не должно смягчать антагонизма классовъ, замедлять ростъ капитализма и пролетаріата и тѣмъ самымъ отодвигать достиженіе главной цѣли—окончательной гибели капиталистическаго строя. Рабочій классъ не долженъ черезчуръ увлекаться частичными завоеваніями и личными улучшеніями своего быта чтобы не усыпить въ себѣ чувства классовой вражды и сознанія своего великаго призванія. Неуклонно стремясь къ своей послѣдней цѣли, социаль-демократія считаетъ себя вынужденной иногда жертвовать ближайшими интересами рабочихъ, если эти интересы не стоятъ въ строгомъ соотвѣтствіи съ ихъ главной задачей. На этой именно почвѣ возникло разногласіе въ социаль-демократической партіи по вопросу о профессиональных движеніяхъ. Въ то время какъ „меньшевики“ оказывали имъ поддержку, „большевики“ видѣли

въ нихъ уклоненіе отъ прямой задачи. Подобные конфликты въ социаль-демократіи будутъ повторяться постоянно. По той же самой причинѣ социаль-демократы всегда становятся въ обостренныя отношенія къ умѣреннымъ партіямъ, даже и тогда, когда онѣ проводятъ мѣры, повидимому, благоприятныя для рабочихъ. Но еще ярче сказалась эта тенденція въ отношеніи къ аграрному вопросу. Строго говоря, съ точки зрѣнія основныхъ принциповъ социаль-демократовъ въ ихъ программѣ не можетъ быть никакой рѣчи о крестьянахъ, какъ особомъ классѣ пролетаріата, отличномъ отъ рабочихъ. Капиталистическій процессъ, т. е. переходъ частной собственности въ немногія руки и постоянное увеличеніе пролетаріата, одинаково долженъ имѣть мѣсто какъ въ промышленномъ, такъ и въ земельномъ хозяйствѣ. Нашъ крестьянинъ, какъ бы мало ни имѣлъ онъ земли, является собственникомъ на средства производства, мелкимъ буржуа. Вслѣдствіе постепенной концентраціи земли крупными владѣльцами онъ долженъ превратиться въ батрака, т. е. въ пролетарія, и только тогда можетъ осуществиться социализація земли. Такимъ образомъ социаль-демократія не знаетъ крестьянина, какъ пролетарія, а знаетъ только рабочаго. Но въ то же время желаніе пропагандировать свои идеи и въ средѣ крестьянъ заставило ее высказаться и по аграрному вопросу. Но тутъ ждало ее большое затрудненіе. Съ одной стороны по тактическимъ соображеніямъ она не можетъ отказаться отъ мысли улучшить бытъ крестьянина, съ другой стороны тѣ мѣры, которыя прежде всего напрашиваются въ этомъ случаѣ, идутъ въ разрѣзъ съ главными задачами партіи. На самомъ дѣлѣ увеличеніе крестьянскихъ земельныхъ надѣловъ на счетъ государственныхъ и другихъ земель несомнѣнно отодвигаетъ назадъ капиталистическій процессъ въ земледѣльческомъ хозяйствѣ, замедляетъ переходъ мелкихъ землевладѣльцевъ въ пролетаріатъ. А прикрѣпленіе земли къ общинѣ, лишаящее крестьянина права продать свою землю, прямо создаетъ непреодолимыя трудности для концентраціи земли. Вотъ почему с. — д. требуютъ „отмѣны всѣхъ законовъ, стѣсняющихъ крестьянина въ распоряженіи его земель“. Вотъ почему они не сочувствуютъ дополнительнымъ надѣламъ путемъ выкупа частно-владѣльческихъ земель. Вотъ почему, наконецъ, конфискація государственныхъ,

удѣльныхъ и церковныхъ земель предлагается ими не для увеличенія крестьянскихъ надѣловъ, а для образованія „особаго народнаго фонда на культурныя и благотворительныя нужды сельскихъ обществъ“. Такое употребленіе конфискуемыхъ земель не препятствуетъ будущему превращенію мелкихъ земельныхъ собственниковъ въ пролетаріевъ. Другого отвѣта на аграрный вопросъ социаль-демократія дать не можетъ. И насъ удивляютъ попытки конституціоналистовъ-демократовъ убѣдить ее въ полезности своихъ проектовъ. Польза на ихъ языкѣ означаетъ вредъ на языкѣ социаль-демократовъ.

Вполнѣ понятно, что социаль-демократическая программа не можетъ вызвать къ себѣ сочувствія среди крестьянскаго населенія. Едвали кому можетъ улыбаться перспектива пролетарія, хотя бы и покупалось этой цѣной будущее освобожденіе человѣчества. Такимъ образомъ у крестьянъ социаль-демократамъ дѣлать нечего. вмѣсто нихъ здѣсь выступаютъ социаль-революціонеры. Не отрицая капиталистическаго процесса въ промышленной области и предоставляя рабочимъ ждать его естественнаго конца, они совершенно не раздѣляютъ надеждъ социаль-демократовъ на то, что тотъ же процессъ совершится и въ земледѣльческомъ хозяйствѣ. И это повидимому не безъ основанія. Даже самъ Каутскій, этотъ строгій марксистъ, въ послѣднемъ изданіи своего „Комментарія къ положеніямъ Эрфуртскаго съѣзда“ долженъ былъ сознаться въ поспѣшности своихъ прежнихъ выводовъ о ходѣ сельскаго хозяйства: „Лишь по одному пункту, говоритъ онъ, мнѣ пришлось нѣсколько измѣнить то, что было сказано въ предыдущихъ изданіяхъ: это относительно предположеній объ упадкѣ мелкаго сельскаго хозяйства. Мелкое крестьянское хозяйство разлагается не такъ быстро, какъ 20 лѣтъ тому назадъ; мѣстами оно даже развивается. Въ 1882 г. это еще не было такъ очевидно. По этому пункту мнѣ теперь пришлось выразиться нѣсколько осторожнѣе, чѣмъ тогда“ 1). Не вѣря въ возможность естественнаго наступленія социализации земли, революціонный социализмъ считаетъ необходимымъ насильственное, революціонное отобраніе всѣхъ частновладѣльческихъ земель и передачу ихъ въ руки трудящихся массъ, но не въ собственность лицъ,

а въ собственность общественную и „въ распоряженіе демократически организованныхъ общинъ и территориальныхъ союзовъ общинъ на началахъ уравнительнаго пользованія“.

„Въ случаѣ, если это главное и основное требованіе аграрной программы—minimum не будетъ осуществлено сразу, въ качествѣ революціонной мѣры“, партія социаль-революціонеровъ въ своей дальнѣйшей политикѣ выступаетъ за переходныя къ нему мѣры, какъ напр.: расширеніе правъ общинъ по экспроприаціи частновладѣльческихъ земель, конфискація земель монастырскихъ, удѣльныхъ кабинетныхъ и т. п., обращеніе ихъ, какъ и государственныхъ земель, на дѣло обезпеченія общинъ достаточнымъ количествомъ земли, а также на нужды разселенія и переселенія; ограниченіе платы за пользованіе землею размѣрами чистаго дохода хозяйства; обращеніе ренты путемъ спеціального налога въ доходную статью общинъ и органовъ самоуправленія и т. д. По рабочему вопросу социаль-революціонеры предлагаютъ тѣже почти требованія, что и социаль-демократы.

Такимъ образомъ революціонный социализмъ на мѣсто естественной гибели капиталистическаго строя ставитъ независимый отъ капиталистическаго процесса революціонный переворотъ. Вводя въ свою программу насильственный переворотъ съ цѣлью непосредственнаго созданія коллективныхъ формъ труда и собственности, минуя длительный процессъ капитализма, онъ теряетъ характеръ научнаго социализма, по которому преобразование социальнаго строя представляется естественнымъ и неизбежнымъ концомъ совершающагося въ настоящее время экономическаго процесса. Революціонный социализмъ становится въ аграрной своей части почти утопическимъ социализмомъ. Оставляя же въ неприкосновенности теорію капитализма въ рабочемъ вопросѣ, онъ вноситъ въ свою программу два не только противоположныхъ, но и фактически непримиримыхъ принципа. Что нибудь одно: или безъ социализаціи капитала невозможна социализація земли, или при социализаціи земли никогда не осуществится естественнымъ путемъ социализація капитала. Впрочемъ объ этомъ у насъ будетъ рѣчь впереди. Теперь отмѣтимъ лишь противорѣчивость и утопичность программы социаль-революціонеровъ.

Не имѣя нужды для достиженія своей конечной цѣли въ

превращеніи крестьянъ въ пролетаріевъ, с.-р. не видятъ особыхъ поводовъ возставать противъ частичныхъ улучшеній крестьянскаго и рабочаго быта. Поэтому они терпимѣ относятся къ другимъ политическимъ партіямъ, чѣмъ с.-д., которые даже къ с.-р. относятся иногда, какъ къ буржуазной партіи. Съ другой стороны не разсчитывая на естественную гибель капиталистическаго строя въ земледѣльческомъ хозяйствѣ и считая единственнымъ средствомъ для социализаціи земли революціонный переворотъ, с.-р. по неволѣ вынуждены придать своей тактикѣ боевой характеръ. Они призываютъ населеніе къ вооруженному возстанію и прибѣгаютъ иногда къ террористическимъ дѣйствіямъ. Ими совершены убійства министровъ Плеве, Сипягина, великаго князя Сергѣя Александровича и др. Революціонный характеръ впрочемъ принимаетъ и русская социаль-демократія. Даже грандіозныя октябрьскія забастовки не разубѣдили с.-д. въ необходимости и возможности вооруженнаго возстанія. По крайней мѣрѣ составленная комитетами большинства и меньшинства 19 окт. прокламація гласитъ: „будемъ спѣшно готовиться, товарищи, къ вооруженному возстанію. Свергнемъ вооруженною рукою царское правительство и тогда временное революціонное правительство созоветъ всенародное учредительное собраніе, которое узаконитъ наши требованія“ (*Русск. Вѣдомости*). Такою тактикой с.-д. измѣнили принципу научнаго социализма, по которому гибель буржуазнаго строя должна произойти сама собой. Однако слѣдуетъ замѣтить, что революціонныя мѣры примѣняются ими къ осуществленію собственно политической, а не социальной части ихъ программы, и притомъ не могутъ быть поставлены въ счетъ всѣмъ социаль-демократамъ. Несомнѣнно, въ числѣ обѣихъ политическихъ партій есть люди, не раздѣляющіе грубо революціонной тактики ¹⁾.

1) Социалистическое движеніе во всѣхъ культурныхъ странахъ растетъ съ удивительной быстротой. Въ Германіи, напримѣръ, партія социалистовъ въ 1881 году получила 312,000 голосовъ, въ 1890 г.—1,427,000 голосовъ, а въ 1898 г.—2,120,000 голосовъ (Бebelъ, Академики и социализмъ, стр. 7). Въ Соединенныхъ Штатахъ въ 1892 г. социалисты, принимавшіе въ первый разъ участіе въ выборахъ президента, собрали 21000 голосовъ, на выборахъ 1896 г.—36000 голосовъ, а въ 1898 г. социалистическая

Въ революціонномъ социализмѣ мы видимъ грубое отступление отъ научнаго социализма, потрясающее главнѣйшія его основы. Но и въ нѣдрахъ самого марксизма мы наблюдаемъ въ настоящее время сложную внутреннюю работу, которая съ очевидностью показываетъ, что теорію социализма, ни въ какомъ случаѣ нельзя считать чѣмъ то совершенно опредѣленнымъ, устойчивымъ и законченнымъ. Напротивъ для каждаго должно быть очевидно, что въ немъ происходитъ существенная эволюція, породившая уже разныя теченія и обѣщающая окончательный свой отвѣтъ на социальный вопросъ можетъ быть еще въ далекомъ будущемъ. Съ нѣкоторыми фазами этой эволюціи намъ необходимо познакомиться, прежде чѣмъ сдѣлать заключеніе о научномъ социализмѣ. Здѣсь лучше всего сказываются его слабыя стороны.

Социализмъ и свобода. Анархистскій социализмъ.

Какъ мы уже видѣли, Марксъ, Энгельсъ и другіе строгіе ихъ послѣдователи завѣряли, что общаанное ими царство будетъ прежде всего царствомъ свободы. Но это повидому чистое недоразумѣніе. Въ социалистическомъ строѣ государство само распределяетъ между членами не только продукты, но и самый трудъ. А это стѣсненіе для многихъ кажется такимъ деспотизмомъ, въ сравненіи съ которымъ самый неограниченный абсолютизмъ представляется свободой: абсолютизмъ угнетаетъ одну сторону человѣческаго существованія, а социалистическій деспотизмъ парализуетъ дѣйствія всего человѣка. „Личность въ социализмѣ, говоритъ Спенсеръ, не принадлежитъ болѣе себѣ и не имѣетъ права извлекать выгоду изъ своихъ способностей; она принадлежитъ государству; государство ее содержитъ, но за то и руководитъ ея трудомъ“¹⁾. Повидому между отрицаніемъ

рабочая партія располагала 82000 голосовъ. Въ 1900 г. американскій социализмъ владѣлъ 132000, въ 1902 г. 273000 голосовъ, а въ 1904 г. имѣлъ до полумилліона голосовъ. Глава республиканской партіи Маркъ Хаяна говорилъ группѣ финансистовъ: „Вы, господа, хорошо сдѣлаете, если подготовитесь къ рѣшительной битвѣ, ибо все предвѣщаетъ, что одна изъ самыхъ страшныхъ катастрофъ, какую когда-либо видѣлъ міръ, вскорѣ разразится надъ Соединенными Штатами“ (Ж. Лонге. Ростъ социализма въ Соединенныхъ Штатахъ; пер. съ франц. изд. „Новая Заря“, 1905 г., стр. 7—30).

¹⁾ Основанія социологіи. Стр. 694.

частной собственности и признаніемъ личной свободы есть глубокое противорѣчіе. Еще Прудонъ писалъ: „частная собственность есть явленіе противузаконное; ее необходимо отмѣнить. Но когда мы уничтожимъ собственность, и все будетъ принадлежать всѣмъ, т. е. государству, личность будетъ порабощена. Поэтому не слѣдуетъ уничтожать собственность. Повидимому человѣчество находится въ заколдованномъ кругу“¹⁾. Даже сами проповѣдники „рабочаго государства“ не могутъ скрыть своихъ опасеній за пѣлость свободы при социалистическомъ строѣ. „Возникаетъ опасеніе, говоритъ Менгеръ, какъ бы эта государственная форма не злоупотребила своей громадной экономической властью для порабощенія отдѣльныхъ лицъ. Не всякая экономическая выгода можетъ искупить ограниченіе индивидуальной свободы. Только тамъ, гдѣ затрогиваются важные экономическія интересы общества, можно подчинить дѣятельность гражданъ государственному принужденію. Въ противномъ случаѣ можно опасаться, что въ народномъ рабочемъ государствѣ могутъ найти широкое распространеніе индивидуалистическія теченія, подобно тому, какъ въ наше время распространеніе индивидуализма стало главной причиной распространенія социализма“²⁾. Правда, какъ теоретики, такъ и практики социализма стараются доказать въ послѣднее время, что социалистическій строй не противорѣчитъ принципу индивидуальности, что онъ будетъ оперировать не надъ людьми, а надъ вещами. Но какъ только вопросъ переходитъ на практическую почву, то ихъ успокоеніе внушаетъ мало довѣрія. Каутскій, напримѣръ, соглашаясь съ тѣмъ, что коллективистическій способъ производства не совмѣстимъ съ полной свободой труда, т. е. со свободой работать когда, гдѣ и какъ хочется, утѣшаетъ тѣмъ, что подобная свобода работника не совмѣстима со всякой плановѣрной, координированной дѣятельностью нѣсколькихъ лицъ, и что вообще съ гибелью мелкаго производства неизбежно связана и гибель свободы труда. Онъ далѣе признаетъ, что и при господствѣ крупной капиталистической промышленности рабочей сохрани-

1) Галеви. Анархизмъ и социализмъ. Перев. Дан. и Вях. 1906. Стр. 15.

2) Анархизмъ, индивидуалистическое и коммунистическое государство. Изд. „Демостъ“. 1905. Стр. 54.

нять известную долю свободы труда: онъ можетъ промѣнять одну службу на другую; въ коллективистическомъ же обществѣ лишь одинъ „работодатель“, котораго нельзя перемѣнить; но успокоиваетъ тѣмъ, что въ сущности, сколько бы рабочій не мѣнялъ фабрикъ, онъ всетаки нигдѣ не найдетъ настоящей свободы труда. И вообще, по его мнѣнію, такая зависимость можетъ показаться невыносимой какому либо либералу, адвокату или литератору (!), но она не въ тягость современному пролетарію 1). Невольно хочется спросить: и только то? Другіе социалисты, напримѣръ Жоресъ, думаютъ, что коллективизмъ является не болѣе какъ переходной ступенью. Задачей его служить созданіе въ обществѣ такой высокой моральной и интеллектуальной силы, которая мало по-малу безъ всякихъ потрясеній могла бы замѣнить принципъ принудительной солидарности, единственно возможный въ наше время, принципомъ добровольной солидарности 2). Но тутъ уже начинается чистая, хотя и благородная, утопія, и альтернатива Прудона: собственность или свобода, остается въ прежней силѣ. Опасность потерять свободу, можетъ быть самая страшная изъ опасностей, заставила многихъ социалистовъ выдвинуть на передній планъ требованіе индивидуальной свободы, что внесло въ социалистическое движеніе глубокой расколъ. Въ немъ образовалось два теченія. „Одно изъ нихъ, говоритъ Галеви, теоретическое и догматическое, упрямо отстаиваетъ абсолютную истину известныхъ принциповъ; педантичное, полное нетерпимости, оно сводитъ свою внутреннюю работу къ созданію организма, облеченнаго настолько сильною властью, насколько это возможно. Послѣ сорокалѣтнихъ колебаній и нащупываній оно наконецъ рѣшило основать въ Брюсселѣ международный комитетъ. Другое, болѣе жизненное и популярное, постоянно старается оживить инициативу и сознательность давно онѣмѣвшихъ массъ. Оно создаетъ много институтовъ: синдикаты, кооперативныя общества, народные университеты; вкладываетъ въ каждый изъ нихъ ярко выраженную идею независимости и каждый превращаетъ въ очагъ федерализма. Въмѣсто централизаціи власти оно тре-

1) Комментарій. Стр. 124—126.

2) Галеви. Анархизмъ и социализмъ. Стр. 4.

буеть раздробленія, разрушенія ея; оно отстаиваетъ автономность округовъ, общинъ, группъ, а иногда вмѣстѣ съ чистыми анархистами подходитъ къ объявленію индивидуальной независимости ¹⁾“. Въ то время, какъ одни социалисты стараются создать могучую государственную машину съ новыми Робеспьерами и Жюльями Гедями во главѣ, другіе наоборотъ, образуя союзы и синдикаты, стремятся отстоять вмѣстѣ съ экономической свободой и личную независимость. Они хотятъ жить по-человѣчески, а не стадами въ 50—100 милліоновъ. Они готовы сказать вмѣстѣ съ Прудономъ: „человѣкъ не хочетъ болѣе организоваться, не хочетъ, чтобы его превращали въ машину. У него стремленіе къ дезорганизации, къ дефатализации, если можно такъ выразиться, всего, въ чемъ онъ чувствуетъ тяжелую руку фатализма или машинизма. Въ дезорганизации цѣль борьбы, наша великая, славная задача“ ²⁾. „Нѣтъ, не будетъ у насъ общиннаго социализма“, объявилъ въ 1900 г. конгрессъ французской рабочей партіи ³⁾. Эта партія социалистовъ протягиваетъ руку анархизму и можетъ легко перейти въ него. Можно сказать, что анархизмъ есть родное дѣтище социализма. Социализмъ, желающій вмѣстѣ съ экономическимъ равенствомъ создать независимость личную, неминуемо долженъ склоняться въ анархизмъ. Хотя Марксъ въ своей „Нищетѣ философіи“ и сильно смѣялся надъ „Философіей Нищеты“ Прудона, но этотъ отецъ анархизма до сихъ поръ остается его опаснымъ соперникомъ ⁴⁾.

1) Анархизмъ. Стр. 22—23.

2) Галеви. Анархизмъ. Стр. 24.

3) *ibid.*

4) Анархизмъ, ставитъ своей задачей прежде всего огражденіе личной независимости. „Наука всемогуща, говоритъ одинъ изъ родоначальниковъ анархизма, нашъ соотечественникъ князь Крапоткинъ, человѣкъ хорошъ и легко было бы жить, если бы не совершалось одно преступленіе: земля—источникъ богатства — захвачено горстью узурпаторовъ, человѣчскій родъ оторванъ отъ природы, и теперь нужно, чтобы онъ возвратился въ свое жилище въ качествѣ господина. Но прежде всего онъ не долженъ довѣрять заботу о своихъ дѣлахъ правительству, даже демократическому. Политическіе дѣятели быстро образуютъ новый классъ узурпаторовъ. Необходимо, чтобы всякаго рода правительство перестало существовать на вѣки; необходимо, чтобы народъ пробудился разъ навсегда. Онъ самъ организуется, какъ ему нужно, по деревнямъ, по ули-

Соціалізмъ и нравственность. Этической соціалізмъ.

Эволюція марксизма идетъ не въ одномъ лишь вышеуказанномъ направленіи. Въ немъ пробита брешь и съ другой

цамъ, по квартирамъ, онъ самъ раздѣлитъ жилища, съѣстные припасы, одежду (Галеви, Анархизмъ, стр. 10). Если соціалізмъ, отвергая тысячелѣтними освященными права частной собственности, въ то же время признаетъ необходимымъ удержатъ тысячелѣтними выработанный государственный строй, то анархизмъ хочетъ построить совместную жизнь людей на совершенно новыхъ началахъ. По нему въ ней не должно быть никакой принудительной власти, принудительныхъ законовъ и суда. Всѣ части анархистской организаціи—группы, общины, провинціи и областные союзы, должны зиждиться исключительно на свободномъ договорѣ участниковъ.

Возможность такого строя анархисты оправдываютъ ссылкой на существующія и теперь отношенія, которыя не подлежатъ никакому принудительному регулированію, надр. отношенія государствъ, отношенія между представителями власти (государство и церковь, правительство и парламентъ), отношенія между супругами и вообще между членами семьи. Въ большинствѣ случаевъ столкновения, возникающія на почвѣ этихъ отношеній, разрушаются путемъ компромиссовъ, безъ всякаго вѣшняго принужденія со стороны власти и закона. Чтобы сдѣлать возможнымъ такой строй при сохраненіи частной собственности, безъ которой казалась немислимою свобода, старые теоретики анархизма допускали прямо предположенія, превосходящія утопіи древнихъ соціалистовъ. Но новый анархизмъ подвинулся къ соціализму: онъ требуетъ коммунизма. Только распредѣленіе предметовъ потребленія, пищи, одежды, жилища, производится свободно образовавшимися группами. При чемъ территориальная величина этихъ группъ, число ихъ членовъ, ихъ цѣли, опредѣляются свободнымъ рѣшеніемъ участниковъ.

Въ вопросѣ о распредѣленіи средствъ потребленія анархизмъ встрѣчается съ тѣми же затрудненіями и противорѣчіями, какъ и соціализмъ. Одни анархисты предлагали распредѣлить жизненные средства сообразно съ количествомъ затраченнаго труда, другіе представляютъ каждому пользоваться всѣми средствами по мѣрѣ потребности и лишь при ограниченности средствъ обращаться къ дѣлежу.

Легко видѣть, что, стремясь при социальномъ строѣ сохранить личную свободу, анархизмъ еще въ большей степени, чѣмъ соціализмъ превращается въ золотую сказку. Какимъ образомъ при отсутствіи государства и закона можетъ быть раздѣлена вся масса мірскихъ благъ между свободно группирующимися группами, изъ которыхъ каждая, конечно, будетъ стараться занять наиболѣе плодородныя земли, наилучшія фабрики и жилища? Какимъ образомъ безъ власти и принужденія анархистскія группы могутъ распредѣлить между членами всѣ разнообразныя работы и занятія, когда каждый при полной свободѣ выбора захочетъ конечно избрать занятіе болѣе легкое, здоровое и пріятное? Не получатъ ли сво-

стороны. Нѣтъ такой силы, которая заставила бы человѣка примириться съ фатальною ролью въ исторіи, нѣтъ и силы, которая, наполнивъ его желудокъ, усыпила бы въ немъ нравственное влеченіе и идеалы. Эти то всегда присущія человѣку силы, проснувшись въ сознаніи самихъ представителей марксизма, грозятъ разрушеніемъ самой его сердцевины.

Соціализмъ Маркса и Энгельса вообще амораленъ. Этика, философія и религія—для того и другого пережитки старой идеологіи. По Энгельсу нравственныя понятія родились на почвѣ классовой борьбы. Любовь къ ближнему по нему не болѣе, какъ старая шарманка. Равенство будетъ установлено не моралью, а революціей ¹⁾. Спасеніе человѣчеству принесетъ не любовь, а эгоизмъ. Если марксисты и не отрицали существованія благородныхъ побужденій, то они не скрывали къ нимъ своего пренебреженія, и во всякомъ случаѣ отрицали ихъ вліяніе на ходъ исторіи. Они не допускали, чтобы нравственныя добродѣтели могли хоть сколько нибудь измѣнить человѣческой строй и существованіе самихъ добродѣтелей ставили въ полную зависимость отъ экономическихъ условий. И до сихъ поръ многіе социалисты называютъ справедливость и любовь „буржуазными добродѣтелями“. Эта точка зрѣнія совершенно послѣдовательна. Но она не долго оставалась единственною.

Новѣйшее, такъ называемое этическое движеніе оказало сильное вліяніе и на социалистовъ. Оно заставило дать въ своихъ системахъ самостоятельное мѣсто нравственнымъ идеаламъ, нарушивъ такимъ образомъ исключительность экономическихъ силъ и законовъ въ исторіи человѣчества. Соціалистъ К. Шмидтъ, на примѣръ, оправдываетъ и допускаетъ самостоятельность этическихъ побужденій; онъ указываетъ слабость утилитаризма и эгоизма и доводитъ до того, что

бодные договоры въ скоромъ времени значеніе законовъ, если не формально, то фактически, какъ это всегда наблюдалось въ исторіи? Наиболѣе богатая и сильная группы не станутъ ли стремиться подчинить себя и эксплуатировать меньшія группы, и не явится ли стремленіе установить гарантирующій независимость группъ общій государственный строй? На всѣ эти вопросы тщетно мы стали бы ждать отвѣта (см. подробности. Менгеръ, Анархизмъ стр. 8--15).

(1) Т. Массарикъ. Критика Марксизма. Стр. 15.

выступает съ идеальнымъ требованіемъ личнаго самопожертвованія, не ожидая всѣхъ благъ отъ соціальныхъ институтовъ ¹⁾. „Кто въ настоящее время принимаетъ материалистическую теорію исторіи, говоритъ Бернштейнъ, тотъ обязанъ принимать ее въ ея наиболѣе разработанной, а не въ ея первоначальной формѣ, то есть, онъ обязанъ на ряду съ развитіемъ и вліяніемъ производительныхъ силъ и производственныхъ отношеній, вполне признавать и значение правовыхъ и этическихъ понятій, историческихъ и религиозныхъ традицій каждой эпохи“ и т. д. (Каутскій. Отвѣтъ Бернштейну. 1905. стр. 21). Одновременно социалисты и другихъ странъ, Жоресъ во Франціи и Баксъ въ Англии, выступили на защиту этики. Жоресъ, на примѣръ, выступая противъ Лафарга, объяснялъ историческій материализмъ въ томъ смыслѣ, что идеями справедливости и равенства человечество владѣетъ уже съ первыхъ ступеней своего развитія, и что поэтому эти идеи всегда дѣйствуютъ въ немъ, какъ самостоятельныя соціальныя силы ²⁾. Это новое теченіе произвело глубокой расколъ въ средѣ марксистовъ, породивъ разногласія не только въ теоретической, но и въ практической сторонѣ социализма. Сторонники новой, такъ называемой, критической школы марксизма, или ревизионисты, выставляютъ теперь помимо экономическихъ новые двигатели человѣческаго прогресса, — именно „этическія“ начала. Начала эти по ихъ взгляду зарождаются въ человѣческой душѣ ранѣе ея первыхъ сознательныхъ проявленій и никакимъ образомъ не могутъ быть выводимы изъ внѣшней экономической обстановки; они имѣютъ свою исторію, отличную отъ той грубой, матеріальной исторіи, которую только и признаетъ ортодоксальная школа марксизма. Не этическіе идеалы зарождаются на почвѣ существующихъ экономическихъ отношеній, а наоборотъ, какъ говорятъ критицисты вслѣдъ за Вольтманомъ, „экономическая необходимость опирается на этическія побужденія. Существующіе въ настоящее время способы производства и факты отдѣленія рабочихъ отъ производительныхъ силъ требуютъ обобществленія послѣднихъ, такъ какъ только при

¹⁾ Ibid. 16.

²⁾ Ibid.

такихъ условіяхъ можетъ быть удовлетворено требованіе моральнаго закона, согласно которому каждый членъ общества долженъ разсматриваться какъ самоцѣль, а не какъ простое орудіе“ 1). Здѣсь такимъ образомъ матеріалистическое толкованіе исторіи уступаетъ мѣсто идеалистическому міропониманію. Коллективизмъ является здѣсь не фатумомъ, не механическимъ слѣдствіемъ, экономической необходимости, а цѣлью и идеаломъ. вмѣстѣ съ этимъ подвергается сомнѣнію фатализмъ экономического развитія. Соціалисты этого направленія начинаютъ думать, что капитализмъ при своемъ дальнѣйшемъ развитіи не содержитъ въ себѣ обязательныхъ тенденцій къ „изживанію“, что приспособляемость его растетъ и положеніе трудящихся массъ улучшается, а эксплуатация труда, несмотря на несомнѣнный ростъ капиталистическаго накопленія, уменьшается 2). Отъ привнесенія въ соціализмъ этического элемента естественно измѣняются его идеалы и тактика. Онъ уже стремится къ побѣдѣ не классоваго человѣка, а общечеловѣка; онъ хочетъ „выдѣлать общечеловѣка изъ подъ толстыхъ слоевъ классовой ограниченности, покрывавшихъ идеальную его природу“. Классовая цѣль замѣняется принципомъ всеобщаго блага. Это побуждаетъ соціалистовъ этического направленія не обострять антагонизмъ классовъ, а напротивъ смягчать классовую вражду; они приглашаютъ къ сотрудничеству классы, проповѣдуютъ „соціальныи миръ“, не сочувствуютъ рѣзкимъ переворотамъ. На этомъ настаиваютъ нѣмецкіе бернштейнціи и французскіе жоресисты. Бернштейнъ, воодушевляемый идеей „соціальнаго мира“, выражаетъ свое недовольство на слишкомъ рѣзкое отдѣленіе социаль-демократовъ отъ демократическаго элемента общества. Жорестъ заявилъ, что „борьбу классовъ, которую мы фактически признали и теоретически провозгласили, эту борьбу классовъ тѣмъ менѣе мы оставили въ сторонѣ, какъ не могущую опредѣлять нашего поведенія, нашей тактики, нашей каждодневной политики“ 3). Фолькмаръ, одинъ изъ видныхъ нѣмецкихъ соціалистовъ, постоянно обнаруживаетъ стремленіе затуше-

1) Коллонтай. Къ вопросу о классовой борьбѣ. 1905 г. Стр. 14—15.

2) Ibid. 6.

3) Ibid. 15—16.

вать, задержать классовый характер рабочаго движенія, онъ готовъ проповѣдовать пролетариату умѣренность, разсудительность, взывать къ самообладанію, терпѣнію, самоотреченію и т. д. 1).

Спору ревизионистовъ и ортодоксалистовъ марксизма о значеніи классовой борьбы въ тактикѣ социализма и были посвящены главнымъ образомъ дрезденскій и амстердамскій конгрессы. Хотя на томъ и другомъ была осуждена ревизионистская тактика приспособленія и уступокъ, замѣняющая „революцію реформированіемъ буржуазнаго общества“, и хотя было рѣшено „отвергать всякія попытки къ затушевыванію все растущаго антагонизма классовъ, такъ какъ онъ облегчаютъ сближеніе съ буржуазными партіями“, однако расколъ въ социализмъ конечно не прекратился и будетъ продолжаться всегда. На амстердамскомъ конгрессѣ, бывшемъ въ августѣ 1904 г., ортодоксальная тактика была принята 25 голосами противъ 5 при 12 воздержавшихся 2).

Соціализмъ и христіанство.

Утопическій социализмъ, выросшій на идеяхъ справедливости и равенства, мечтавшій не только о социальномъ - экономическомъ, но и нравственномъ преобразованіи общества, не заключалъ въ себѣ ничего такого, что дѣлало бы его принципиально несомвѣстимымъ съ христіанскими воззрѣніями. Мало того, въ представленіи нѣкоторыхъ социалистовъ онъ прямо сливался съ христіанскою моралью и казался осуществленіемъ евангельской идеи царства Божія на землѣ. Абатъ Ламене, на примѣръ, жившій въ первой половинѣ прошлаго вѣка, на современный ему социальный строй смотрѣлъ, какъ на фактическое отреченіе отъ евангелія и Христа. Въ одной изъ его притчей семь королей, сидя передъ трономъ изъ костей, поставленномъ на ниспровергнутомъ распятіи, пьютъ человѣческую кровь и даютъ клятву ниспровергнуть религію Христа, задушить науку и мысль, развратить народы, для чего рѣшаются подкупить служителей Христа посредствомъ богатства, почестей и вліянія, чтобы они внушали народу покорность власти. Со всѣмъ жаромъ своей пылкой

1) Ibid. 16.

2) Амстердамскій конгрессъ. Рѣчи Гада, Бебеля и Вальяна. Перев. Коць. 1905. Стр. 16.

натуры выступает Ламене на защиту бѣдныхъ и угнетенныхъ, требуя радикальныхъ реформъ въ социалистическомъ духѣ. Другой аббатъ, Констанъ, видѣлъ отступничество отъ Христа не только въ государствѣ, но и въ церкви. Грязный духъ эгоистической собственности проникъ, по его словамъ, въ официальную церковь, какъ Иуда въ среду апостоловъ. Духовенство исказило смыслъ ученія Христа о нищетѣ и братствѣ и тѣмъ оттолкнуло отъ него неимущіе классы. Когда же народъ пойметъ евангеліе, онъ увѣруетъ. Общественный строй долженъ радикально измѣниться; должны исчезнуть бѣдность и неравенство. Для этого всѣ собственники должны проникнуться идеей христіанскаго самоотверженія. Въ устахъ этихъ и подобныхъ людей социализмъ былъ призывомъ къ восстановленію древней апостольской общины.

Въ совершенно иное отношеніе къ христіанству сталъ социализмъ научный. Кто хочетъ войти въ самое святилище марксизма, тотъ долженъ сложить у дверей его всякое идеалистическое и религиозное міропониманіе, отречься отъ вѣры и христіанства. Вся сила, вся непреложность марксизма покоится на убѣжденіи, что въ исторіи человѣчества всѣ факты и внѣшней, и внутренней жизни вырастаютъ исключительно на почвѣ производства, обмѣна и потребленія. И кто вздумалъ бы ввести въ исторію новый факторъ, независимый отъ экономическаго, тотъ погрѣшилъ бы противъ основной догмы научнаго социализма. Понятно конечно, что здѣсь не можетъ быть мѣста христіанству, какъ сверхъестественной религіи, и вообще какой бы то не было религіи. „Религія есть опиумъ для народа“, говорилъ Марксъ. Энгельсъ смотрѣлъ на религію, какъ на изжитый моментъ человѣчества. „Христіанство и социализмъ, писалъ Бебель священнику Гогофу, противостоятъ другъ другу, какъ огонь и вода. Такъ называемое доброе зерно, которое Вы, но не я, находите въ христіанствѣ, не есть христіанское, а общечеловѣческое. То же, что принадлежитъ собственно христіанству, его ученіе и догмы, враждебны человѣчеству“¹⁾. Особенно подробно и довольно откровенно выясненъ вопросъ объ отношеніи социализма къ христіанству и церкви въ извѣстной брошюрѣ Каутскаго: „Соціаль-демократія и католическая церковь“²⁾.

¹⁾ Христіанство и социализмъ. Женева. 1905. Стр. 24.

²⁾ Русскій переводъ въ изд. „Трудъ“. 1906. Стр. 4. 38 и д.

Онъ говоритъ здѣсь, что можно быть одновременно и вѣрующимъ и социаль-демократомъ. Но эту совмѣстимость онъ понимаетъ не въ смыслѣ возможности съ христіанской точки зрѣнія притти къ полному пониманію научнаго социализма,— послѣдній несомѣстимъ съ признаніемъ личнаго Бога,— а въ смыслѣ участія въ классовой борьбѣ пролетаріата. Онъ не скрываетъ того, что въ интересахъ социаль-демократіи было бы однимъ ударомъ покончить съ церковью; но предостерегаетъ отъ этого шага, такъ какъ, употребляя насиліе, социаль-демократія подаютъ поводъ къ репрессіямъ и противъ себя самой, и такъ какъ всякія гоненія послужать въ концѣ концовъ лишь къ усиленію католицизма, что доказалъ неудачный примѣръ Бисмарка.

Изъ сказаннаго не слѣдуетъ конечно, что всѣ социаль-демократы атеисты. Напротивъ многіе изъ нихъ люди вѣрующіе. Но они таковы потому, что или не знаютъ, или не признаютъ научнаго обоснованія своихъ социалистическихъ идей. Принимая лишь выводы научнаго социализма безъ необходимыхъ его философскихъ предпосылокъ, они въ сущности являются не столько марксистами, сколько утопистами. Съ другой стороны не можетъ быть сомнѣнія и въ томъ, что научный социализмъ широкой волной разливаютъ повсюду невѣріе, совершенно несправедливо усваяя себѣ роль воплотителя тѣхъ великихъ идей, которыя провозгласило, но не сумѣло будто бы осуществить до сихъ поръ христіанство. „Христіанская религія, писалъ Бебель Гогофу, эта религія любви, въ теченіе болѣе чѣмъ 18 столѣтій для всѣхъ вѣрующихъ и мыслящихъ иначе была религіей ненависти, преслѣдованій и притѣсненій. Ни одна религія въ мірѣ не стоила человѣчеству столькохъ слезъ и крови, какъ христіанская. Когда дѣло идетъ о войнѣ или массовомъ убійствѣ, то священники всѣхъ христіанскихъ исповѣданій и сейчасъ еще готовы дать свое благословеніе; и все духовенство одной націи воздвѣгаетъ руки къ небу, чтобы у одного и того же Бога, Бога любви, испросить уничтоженія своего врага—другой націи. Христіанство держало человѣчество въ рабствѣ и угнетеніи; оно и въ настоящее время служитъ лучшимъ орудіемъ политическаго и социальнаго гнета. Церковь и государство братски соединяются, когда дѣло идетъ объ угнетеніи народа... Ваши епископы, ваши соборные свя-

щенники, г. священникъ, не желаютъ ни равенства, ни счастья человѣчеству; они проповѣдуютъ бѣднымъ довольство настоящимъ положеніемъ, утѣшаютъ указаніемъ на небо, а сами живутъ господами. Вы, г. священникъ, обезпечены, по вашему собственному утвержденію, хуже лакея или горничной, а между тѣмъ вашъ епископъ живетъ, какъ большой господинъ, пользуется доходами и почестями. Развѣ такая религія заслужить наше уваженіе и одобреніе, та религія, которая не сумѣла убѣдить собственныхъ служителей въ необходимости исполнять такъ называемые принципы... Соціализмъ является самымъ настоящимъ народнымъ и человѣческимъ ученіемъ, потомучто онъ въ дѣйствительности желаетъ примѣнить къ жизни тѣ нравственные законы, которые для церкви въ теченіе 18 вѣковъ служили лишь вывѣской. Соціализмъ хочетъ осуществить всеобщее равенство, всеобщую любовь и всеобщее счастье“¹⁾).

Для всякаго должно быть ясно, что это драпированіе едва не въ евангельскія добродѣтели является не болѣе какъ тактическимъ приѣмомъ, несоотвѣтствующимъ основнымъ принципамъ марксизма. Пролетарій Маркса спасаетъ человѣчество въ силу естественной необходимости; онъ вынужденъ спасать его, спасая себя самого, помимо всякихъ альтруистическихъ мотивовъ. О любви въ смыслѣ самопожертвованія тутъ не можетъ быть и рѣчи. Альтруистическая мораль, по словамъ Маркса, способна распространять лишь блѣдную немочь и истерію; это слюнявое любвеобиліе. Въ марксизмѣ, по справедливому замѣчанію Зомбарта, нѣтъ ни одного грана этики. Борьба за существованіе и личные экономическіе интересы вотъ то единственное, что движетъ „спасителемъ“ человѣчества. Такова теорія. Въ дѣйствительности однако мы видимъ иногда другое. Въ сухія, бездушныя, механическія формулы марксизма соціаль-демократія влагаетъ не мало души, не мало дѣйствительныхъ идеальныхъ порывовъ, не мало искренняго и возвышеннаго желанія облагодѣтельствовать человѣчество. Но все это выходитъ изъ рамокъ научнаго соціализма и лишній разъ показываетъ, что экономическій матеріализмъ не въ состояніи дать объясненія не только всей человѣческой исторіи, но и

¹⁾ Бебель: Христіанство и соціализмъ. Стр. 17—24.

самому рабочему движению. Уже тот фактъ, что люди, воодушевленные идеалами, осуществленіе которыхъ сами они ждуть лишь въ далекомъ будущемъ, нерѣдко забываютъ о своихъ матеріальныхъ интересахъ, совершенно не поддается объясненію съ точки зрѣнія марксизма. Само собой разумѣется, что социаль-демократы во всѣхъ подобныхъ случаяхъ не стоятъ уже на строго марксистской точкѣ зрѣнія, что они превращаются въ социалистовъ утопистовъ. Соціалистическій строй для нихъ становится уже нравственнымъ идеаломъ, на достиженіе котораго человечество должно отдать всѣ лучшія свои силы.

Утопизмъ въ научномъ социализмѣ.

До сихъ поръ предметомъ нашихъ наблюденій было постоянно обнаруживающееся стремленіе социаль-демократіи выйти изъ желѣзнаго кольца бездушнаго марксизма и вернуться въ болѣе свѣтлую и живую область утопическаго социализма. Но утопическій элементъ не есть лишь такъ сказать дыханіе живой души человѣческой, сдавленной въ тискахъ научнаго социализма; онъ въ значительной дозѣ приущь и самому марксизму. Мы не будемъ говорить здѣсь, насколько твердо обстоитъ теорія капитализма. Столь сложный вопросъ выходитъ за предѣлы нашей задачи. Мы сдѣлаемъ лишь нѣсколько отрывочныхъ замѣчаній. Прежде всего справедливо указываютъ на ошибочность марксовой теоріи трудовой цѣнности. По мнѣнію Маркса, цѣнность продукта зависитъ лишь отъ истраченнаго на него труда. „Товарь, говорилъ онъ, есть простой сгустокъ безразличнаго человѣческаго труда“. На самомъ же дѣлѣ, въ капиталистическомъ строѣ цѣнность продукту придаетъ не только трудъ, но и два другихъ фактора, капиталъ и земля, вслѣдствіе своей относительной рѣдкости. Извѣстно, что существуютъ цѣнности, на которыя не потрачено никакого труда. Такимъ образомъ свою идею отрицанія частной собственности Маркъ тенденціозно внесъ уже въ изслѣдованіе капиталистическаго строя. Эта неправильность сказалась далѣе въ его теоріи поземельной ренты, теоріи заработной платы и въ законѣ прибавочной цѣнности. По нему единственнымъ источникомъ ренты и прибавочной цѣнности является эксплуатація наемнаго труда. Но какъ и въ цѣнѣ продукта онъ забывалъ

учитывать здѣсь производительную роль земли и капитала. Отсюда произошло то, что уже у самого Маркса мы находим нѣсколько противорѣчивыя понятія о прибавочной цѣнности. Если въ первомъ томѣ „Капитала“ онъ смотритъ на прибавочную цѣнность какъ на излишекъ стоимости рабочей силы, то по третьему тому прибавочная цѣнность не обуславливается одной работой; она опредѣляется капитальными затратами, вслѣдствіе чего равные капиталы могутъ приносить равную прибыль и при неодинаковомъ количествѣ рабочей силы. Если мы припомнимъ, что на законѣ прибавочной цѣнности построена у Маркса вся теорія капитализма, то вмѣстѣ съ этимъ закономъ колеблется и самая теорія. По мнѣнію Маркса и Энгельса, заработная плата исключительно опредѣляется отношеніемъ спроса и предложенія на рабочемъ рынкѣ, вслѣдствіе чего она является тѣмъ минимумомъ, который потребенъ для существованія рабочаго. Никакія усилія рабочихъ не въ состояніи измѣнить, по нимъ, этого закона политической экономіи. Здѣсь такимъ образомъ рабочій является простымъ товаромъ, а не хозяйственнымъ субъектомъ, не субъективнымъ факторомъ производства. Его свободѣ и моральнымъ свойствамъ не дается никакого мѣста. Эта односторонность въ ученіи о заработной платѣ привела Маркса и Энгельса ко многимъ социологическимъ заблужденіямъ. Однимъ изъ слѣдствій этого ученія была теорія постепеннаго обнищанія: „Съ постепенно уменьшающимся числомъ капиталистовъ магнатовъ, узурпирующихъ и монополизирующихъ всѣ выгоды процесса этого преобразования, говорилъ Марксъ, растетъ масса нужды, угнетенія, рабства, вырожденія, эксплуатаціи, но вмѣстѣ съ тѣмъ и возмущенія рабочаго класса“¹⁾. Въ настоящее время сами социалисты отказываются защищать теорію обнищанія. Точная статистика послѣдняго времени приводитъ скорѣе къ тому выводу, что всѣ классы общества вообще становятся богаче²⁾. Смотря

¹⁾ С. Прокоповичъ. Къ критикѣ Маркса. Стр. 103.

²⁾ Бернштейнъ говоритъ по этому поводу слѣдующее. „Обостреніе общественныхъ отношеній совершалось не такъ, какъ его изображаетъ „Манифестъ“. Скрывать это отъ себя не только бесполезно, но и въ высшей степени глупо. Число собственниковъ не уменьшилось, а увеличилось. Это фактъ, въ которомъ теперь нельзя уже сомнѣваться. Громадное увеличеніе общественнаго богатства сопровождается не съживающимся чис-

на исторію съ точки зрѣнія классовой борьбы, основанной на производственныхъ отношеніяхъ капиталистическаго строя,

ломъ капиталистовъ магнатовъ, но растущимъ числомъ капиталистовъ всѣхъ степеней“. См. Каутскій. Отвѣтъ Бернштейну. Перев. Гейхбарга. 1905. Стр. 102. „Можно съ увѣренностью установить, говоритъ Зомбартъ, что едва ли былъ въ исторіи человѣчества такой періодъ, когда бы уровень богатства народовъ въ цѣломъ такъ же, какъ и покупательная сила всѣхъ классовъ населенія въ отдѣльности, возросли въ такой же степени, какъ это имѣло мѣсто въ послѣднее полу столѣтіе. Съ половины XIX столѣтія населеніе вездѣ увеличилось приблизительно вдвое, и при этомъ количество благъ, потребляемыхъ этимъ удвоеннымъ населеніемъ, увеличилось еще гораздо больше. Гдѣ прежде царили нужда и нищета, тамъ теперь—какъ общее правило — добились хотя бы сноснаго существованія. Это справедливо по отношенію къ широкимъ массамъ городского и сельскаго населенія, которыя и вообще то лишь въ послѣднее время появились на рынкѣ въ качествѣ покупателей продуктовъ фабричной промышленности. Въ тѣхъ кругахъ, въ которыхъ еще при дѣдушкахъ и бабушкахъ нашихъ жилось очень и очень скудно, нынѣ царитъ зажиточность; это неоспоримо въ широкомъ среднемъ городскомъ кругу, вплоть до „образованныхъ классовъ“, до среднихъ чиновничьихъ и профессорскихъ круговъ. А тамъ гдѣ люди уже и прежде жили съ „достаткомъ“ по тогдашнимъ понятіямъ, а по нашимъ нынѣшнимъ очень ужъ просто,—теперь царятъ роскошь и великолѣпная пышность; это относится къ богатой буржуазіи и къ кругу многихъ лицъ свободныхъ профессій, высшихъ чиновниковъ, выдающихся художниковъ, врачей, адвокатовъ и т. д. Справедливость этихъ словъ можно видѣть отчасти изъ слѣдующихъ статистическихъ данныхъ.

Среднее количество потребляемаго человѣкомъ хлѣба (ржи и пшеницы) равнялось:

въ Пруссіи	{	въ 1879—84 гг.	172, 6 килогр.
		„ 1895—96 „	198, 0 „
въ Англіи	{	(пшеница) въ 1852—55 гг.	138, 3 килогр.
		„ „ 1868—75 „	153, 2 „
		„ „ 1886—90 „	160, 4 „
во Франціи	{	въ 1820—29 гг.	117 килогр.
		„ 1850—59 „	177 „
		„ 1890—94 „	206 „
Мяса съѣдалъ человѣкъ:			
въ Англіи	{	въ 1868 г.	100, 51 фунтовъ (англ.).
		„ 1891—95 г.	121, 7 „
во Франціи	{	въ 1812 г.	17, 16 килогр.
		„ 1852 „	23, 19 „
		„ 1892 „	35 „
въ Саксоніи	{	въ 1835—44 гг.	15, 8 килогр.
		„ 1897 г.	41, 2 „

(Современный капитализмъ. Перев. подъ редакціей Иванюкова 1905 г. Стр. 30—31).

Марксъ видѣлъ выраженіе этой борьбы прежде всего въ рабочемъ движеніи. Однако такое объясненіе его было дѣломъ скорѣе абстракціи, чѣмъ дѣйствительнаго изученія фактовъ. Дѣло въ томъ, что рабочее движеніе происходитъ на почвѣ не столько абстрактныхъ производственныхъ отношеній, сколько конкретныхъ экономическихъ условій. Оно стремится болѣе къ улучшенію своего быта, чѣмъ къ уничтоженію капиталистическаго строя. Вотъ почему это движеніе естественно принимаетъ форму профессиональныхъ союзовъ. Выходя изъ своей теоріи заработной платы, Марксъ и Энгельсъ не ожидали отъ профессиональныхъ союзовъ никакихъ существенныхъ улучшеній въ положеніи рабочихъ и потому смотрѣли на союзы, какъ на протестъ противъ капиталистическаго строя вообще, какъ на авангарды противукапиталистическаго движенія. Но Марксъ и Энгельсъ ошибались. Англійскіе, на примѣръ, профессиональные союзы достигли весьма значительныхъ улучшеній въ своемъ положеніи и менѣе всего проникнуты классовыми интересами. Это долженъ былъ признать въ концѣ жизни и самъ Энгельсъ. Въ 1892 г. онъ писалъ: „съ 1848 года положеніе ихъ (т. е. трэдъ-унионовъ), несомнѣнно, замѣчательно улучшилось: лучшимъ доказательствомъ этого служить то, что уже болѣе 15 лѣтъ не только хозяева довольны ими, но и сами рабочіе крайне довольны своими предпринимателями. Они составляютъ аристократію рабочаго класса; имъ удалось добиться относительно комфортабельнаго положенія, и они не хотятъ ничего лучшаго“¹⁾. Улучшеніе быта рабочихъ въ настоящее время заключается не только въ улучшеніи матеріальныхъ условій, но и въ постепенномъ введеніи конституціонныхъ отношеній въ промышленныхъ предпріятіяхъ, въ уничтоженіи неограниченной власти хозяина надъ рабочими. Наемъ уступаетъ мѣсто коллективному соглашенію; при этомъ не предприниматель, а рабочій опредѣляетъ условія труда²⁾. Замѣчательно, что при необыкновенномъ развитіи рабочихъ трэдъ-унионовъ, преслѣдующихъ исключительно профессиональныя цѣли, социаль-демократія занимаетъ въ Англій жалкое мѣсто. Номинально насчитывая въ своихъ рядахъ 10,000 членовъ,

¹⁾ С. Прокоповичъ. Къ критикѣ Маркса. Стр. 196—197.

²⁾ *ibid.* Стр. 198.

въ дѣйствительности же значительно меньше, она до сихъ поръ не имѣла ни одного представителя въ парламентъ. Находящіеся въ парламентѣ рабочіе служатъ интересамъ профессиональныхъ группъ ¹⁾. Въ новомъ англійскомъ парламентѣ въ рабочей партіи, состоящей болѣе чѣмъ изъ 40 человекъ, есть повидимому социаль-демократы, но ихъ не болѣе 5—6 человекъ; главное же, ни одинъ изъ нихъ не былъ проведенъ социаль-демократической партіей. Вождь англійскихъ социаль-демократовъ Гайндманъ не попалъ въ парламентъ (Корр. Руск. Вѣд. за 11 января). Въ своей рѣчи, произнесенной нѣсколько лѣтъ тому назадъ, этотъ ученикъ Маркса говорилъ: „социализмъ задерживается въ Англии, благодаря развитію тредъ-уніонизма. Тредъ-уніонисты узки и эгоистичны и интересуются больше увеличеніемъ своей рабочей платы или сокращеніемъ рабочаго дня, чѣмъ какимъ либо идеаломъ. Тредъ-уніонизмъ является поэтому страшной консервативной силой, которая преграждаетъ дорогу прогрессу социализма“ ²⁾. Все это признаютъ такіе строгіе марксисты, какъ Каутскій, но видятъ въ этомъ исключительное явленіе. Однако такой знатокъ рабочаго движенія, какъ социаль-демократъ Бернштейнъ, замѣчаетъ на это: „большое заблужденіе думать, что Англія въ этомъ отношеніи составляетъ исключеніе. Это же явленіе, но только въ другой формѣ, обнаруживается въ настоящее время и во Франціи. Тоже самое мы видимъ въ Швейцаріи, въ Соединенныхъ Штатахъ и до извѣстной степени въ Германіи“. Хотя между рабочей аристократіей и нижними слоями пролетаріата и существуютъ извѣстныя симпатіи, даже въ Англии, однако, между такими политическими или социальнополитическими симпатіями и экономической солидарностью еще большая разниа, уничтожить которую можетъ сильный политическій и экономическій гнетъ, но которая тѣмъ или другимъ путемъ будетъ обнаруживаться по мѣрѣ того, какъ гнетъ этотъ будетъ уменьшаться... Даже въ Германіи можно встрѣтить борьбу рабочихъ противъ рабочихъ же, борьбу, являющуюся слѣдствіемъ экономической дифференціаціи или же вытекающую изъ конфликтовъ экономическихъ интересовъ“ ³⁾.

¹⁾ Государственный строй и политическія партіи. Ред. Смирнова. Т. I. Стр. 221—223.

²⁾ Ibid. 223—224.

³⁾ Каутскій. Отвѣтъ Бернштейну. Стр. 208.

Таже тенденціозность обнаруживается и во взглядѣ Маркса на фабричное законодательство. Онъ опять смотритъ на него съ точки зрѣнія классовой борьбы. На самомъ же дѣлѣ, какъ показываетъ исторія его постепеннаго возникновенія, оно носитъ скорѣе профессиональный, чѣмъ классовый характеръ. „Мы опять видимъ, справедливо говоритъ С. Прокоповичъ, что базой рабочаго движенія являются не производственныя отношенія капиталистическаго строя, а экономическое положеніе рабочихъ въ современномъ обществѣ. Фабричное законодательство можетъ служить типичнымъ образчикомъ той реформаторской работы, которая возможна въ современномъ капиталистическомъ обществѣ. Оно показываетъ намъ, что политическая власть находится не исключительно въ рукахъ буржуазіи, что политическая власть буржуазіи уже теперь ограничивается политической силою пролетаріата“¹⁾. Итакъ конечныя цѣли социалистическаго характера были искусственно подставлены Марксомъ подъ рабочее движеніе. Какъ мы видѣли далѣе, по Марксу главное зло капиталистическаго строя заключается въ эксплуатаціи рабочихъ. Но основная причина эксплуатаціи, заключающаяся въ томъ, что рабочему принадлежитъ не весь продуктъ труда, а лишь часть его, должна остаться и при социалистическомъ строѣ. Въ третьемъ томѣ „Капитала“ Марксъ прямо говоритъ, что и въ будущемъ строѣ будетъ имѣть мѣсто прибавочная цѣнность, идущая въ пользу государства, что и тогда рабочій долженъ работать больше, чѣмъ необходимо для его потребленія. Тоже говорятъ Энгельсъ и Каутскій²⁾. Другое зло капитализма—экономическіе кризисы. Но „въ роковую неизбѣжность постепеннаго обостренія періодическихъ кризисовъ, говоритъ проф. Чупровъ, въ неотвратимую гибель капиталистическаго строя отъ грозящаго принять характеръ общаго перепроизводства, образованный экономистъ въ настоящее время уже не можетъ вѣрить“³⁾. Къ устраненію анархіи въ производствѣ есть и другія дѣйствительныя средства, помимо уничтоженія капитализма, именно производственныя коопераціи и товарищества, объединеніе промышленныхъ предприятий въ синдикаты

1) Къ критикѣ Маркса. Стр. 211.

2) Комментарій. Стр. 118.

3) Право. 1905. № 45—46.

и картели, развитие промышленной статистики, биржевой техники и т. д. Переходъ капиталистическаго строя въ социалистическій явится по Марксу результатомъ диктатуры пролетаріата. Мысль о диктатурѣ рабочаго класса вытекала у него изъ убѣжденія, что при господствѣ буржуазіи и капитализма не можетъ быть улучшенія въ положеніи рабочихъ. „Лишь пораженіе пролетаріата, говоритъ Марксъ, убѣдило его въ той истинѣ, что самое ничтожное улучшение его положенія въ рамкахъ буржуазной республики является утопией, становящейся преступленіемъ, какъ скоро дѣлаются попытки къ ея осуществленію“¹⁾. „Пока существуетъ капиталистическій способъ производства, пишетъ Энгельсъ, до тѣхъ поръ глупо разсчитывать разрѣшить квартирный вопросъ, или какой либо другой отдѣльный общественный вопросъ, касающійся рабочихъ. Разрѣшеніе всѣхъ этихъ вопросовъ лежитъ въ уничтоженіи капиталистическаго способа производства, въ экспроприаціи самимъ рабочимъ классомъ всѣхъ средствъ существованія и труда“²⁾. Современное рабочее законодательство даетъ достаточно доказательствъ того, какъ ошибались въ этомъ случаѣ Марксъ и Энгельсъ. Теперь для всякаго должно быть очевидно, что государство путемъ постепенныхъ реформъ можетъ содѣйствовать возвышенію экономическаго благосостоянія и социальнаго вліянія рабочаго класса и при капиталистическомъ строѣ, и что слѣдовательно диктатура пролетаріата не есть дѣло неизбежной необходимости. Съ другой стороны въ идеѣ о диктатурѣ пролетаріата заключается мысль объ экономическомъ всеиліи политической власти. Эта мысль, какъ совершенно справедливо замѣчаетъ Прокоповичъ³⁾, стоитъ въ противорѣчій съ матеріалистическимъ пониманіемъ исторіи. Съ точки зрѣнія Маркса никакъ нельзя допустить, чтобы не экономическія отношенія производства, а простыя политическія отношенія власти могли обусловливать собою распредѣленіе продуктовъ. „Думаютъ, говоритъ Шульце-Геверницъ, завоевать государство съ тѣмъ, чтобы передѣлать его на свой ладъ. Какъ будто это осуществимо при помощи какого ни-

¹⁾ Прокоповичъ. Къ критикѣ Маркса. Стр. 239.

²⁾ *ibid.*

³⁾ Къ критикѣ Маркса. Стр. 248.

будь переворота, как будто степень влияния въ государствѣ не зависитъ исключительно отъ распредѣленія экономической силы между различными классами общества“¹⁾. Эрфуртская программа говоритъ: „борьба рабочаго класса противъ капиталистической эксплуатаціи необходимо должна быть борьбою политической. Рабочій классъ не можетъ вести своей экономической борьбы, не можетъ развивать своей экономической организаціи, не имѣя политическихъ правъ“. Сторонникъ Бернштейна, социаль-демократъ Вольтманъ, совершенно справедливо упрекаетъ составителей программы въ наивности. Положеніе должно было бы гласить, по нему, какъ разъ обратное, именно: „борьба рабочаго класса противъ капиталистической эксплуатаціи необходимо является экономически-политической борьбой. Рабочій классъ не можетъ завоевать себѣ безъ экономической организаціи ни политическихъ правъ, ни политическаго влияния“²⁾. Итакъ, что нибудь одно: или не добившись экономического влияния, пролетаріатъ никогда не достигнетъ и политической власти, или по мѣрѣ усиленія экономического влияния и организаціи пролетаріата будетъ крѣпнуть его политическая власть, а вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшаться эксплуатація и антагонизмъ классовъ. Въ послѣднемъ случаѣ диктатура пролетаріата будетъ замѣнена постепеннымъ реформированіемъ общества. Особенно неудобоваримымъ для марксизма является аграрный вопросъ. По теоріи капитализма крестьянство должно погибнуть въ борьбѣ съ крупнымъ землевладѣніемъ. А между тѣмъ въ послѣднія десятилѣтія даже въ наиболѣе промышленныхъ странахъ наблюдается замѣчательная устойчивость мелкаго крестьянскаго хозяйства. Этотъ фактъ должны были признать и марксисты, объясняя его тѣмъ, что само крупное землевладѣніе нуждается въ собственникахъ крестьянахъ для своего существованія. Если прежде вслѣдъ за Марксомъ и Энгельсомъ Каутскій говорилъ о неизбежной гибели мелкаго крестьянства, то въ послѣднемъ изданіи своего комментарія онъ уже пишетъ: „концентрація капитала не уничтожаетъ вполне мелкихъ хозяйствъ, а скорѣе создаетъ вмѣсто старыхъ новыя“. Но вполне понятно, что завершеніе

1) *ibid.* Стр. 246.

2) Каутскій. Отвѣтъ Бернштейну. Стр. 199.

капиталистическаго процесса едва ли возможно безъ уничтоженія крестьянства, что послѣднее всегда будетъ служить препятствіемъ для перехода къ коллективистическому строю. „Въ одномъ наши французскіе товарищи правы, писалъ Энгельсъ въ 1894 г.: противъ воли мелкаго крестьянина во Франціи невозможенъ никакой прочный политическій переворотъ“¹⁾. Эта безвыходность марксизма въ аграрномъ вопросѣ породила революціонный социализмъ, принципиально отказавшійся въ этомъ вопросѣ отъ точки зрѣнія научнаго социализма. Всѣ эти и многія другія соображенія, о которыхъ мы не имѣемъ мѣста говорить, ставятъ гипотезу Маркса подъ очень большое сомнѣніе.

Но допустимъ, что Марксъ правъ, что гибель капитализма неизбежна. Что даетъ человѣчеству осуществленіе конечной цѣли социализма? Вѣдь въ политическую программу она вносится не потому, что осуществленіе ея неизбежно въ силу естественной необходимости, а потому, что она желательна, составляетъ идеаль, достиженіе котораго хотять ускорить. Что же въ немъ заманчиваго? Какимъ образомъ устроится человѣчество въ будущемъ социалистическомъ строѣ? Можетъ ли дать онъ человѣчеству счастье, равенство и прочія блага? На всѣ эти вопросы основатели научнаго социализма очень мудро отказывались отвѣчать, говоря, что невозможно предвидѣть формъ будущаго строя. Однако это не мѣшало имъ довольно смѣло заявлять, что, если и неизвѣстно, какъ и что именно будетъ, то во всякомъ случаѣ будетъ очень хорошо. Но разумѣется, такой отвѣтъ не могъ удовлетворить не только людей, не раздѣляющихъ теоріи марксизма, но и самихъ социалистовъ. Это обстоятельство заставило теоретиковъ социализма хотя въ приблизительныхъ чертахъ намѣтить картину „государства будущаго“. Картины при этомъ получаются весьма различныя. Но всѣмъ имъ присущъ тотъ самый утопизмъ, который мы видѣли въ старомъ социализмѣ, и который покоится болѣе на фантазій, чѣмъ на дѣйствительномъ изученіи человѣческой природы и исторіи. На первый и главный вопросъ о правѣ собственности въ будущемъ государствѣ социалистами дается да-

¹⁾ Крестьянскій вопросъ во Франціи и Германіи. Перев. Величкиной. 1905. Стр. 38.

леко не одинаковый отвѣтъ. По словамъ Каутскаго, переходъ въ коллективистическій строй ни въ какомъ случаѣ не можетъ знаменовать собою экспроприаціи мелкихъ ремесленниковъ и мелкихъ крестьянъ. Экспроприація будетъ направлена на крупное производство ¹⁾. Но очевидно, такое представленіе дѣла подрываетъ въ корнѣ основной принципъ социализма. Последовательно проведенный социалистическій строй можетъ имѣть лишь тотъ видъ, въ какомъ рисуетъ его Менгеръ ²⁾. По нему членъ рабочаго государства сохраняетъ право собственности лишь на предметы потребленія, назначенные для уничтоженія полнаго (напр. пищевые продукты) или постепеннаго (напр. одежда). При этомъ государство, заинтересованное въ правильномъ употребленіи продуктовъ, принимаетъ мѣры противъ возможнаго мотовства и другихъ злоупотребленій; особенно же оно должно ограничить право распоряжаться вещами, наблюдая, чтобы всевозможные подарки не порождали зависимости одного лица отъ другого. На предметы пользованія, напр.: домъ, мебель, книги, часы и т. д., государство даетъ членамъ лишь право пользованія съ тѣмъ однако, чтобы приносимые ими плоды, напримѣръ овощи на землѣ около дома, принадлежали не лицу, а государству, и подлежали особой описи. Средства же производства, съ помощью человѣческаго труда или безъ него создающія новыя блага (земля, фабрики, желѣзныя дороги и т. д.), должны принадлежать единственно государству. На совершенно естественный вопросъ, не превратится ли тогда государственная власть въ настоящую тираннію и жизнь гражданина въ истинную муку, Менгеръ говоритъ, что этого не случится, такъ какъ государственная власть въ рабочемъ государствѣ совершенно преобразуется: она будетъ руководиться не интересами власти, а пользой и интересами гражданъ. Все это мы слышали давнымъ давно отъ Сенъ-Симона, Фурье, Овена и другихъ утопистовъ. Такою же утопичностью страдаютъ и отвѣты на вопросы: какъ будутъ распределены потребительныя блага, поровну или сообразно съ качествомъ и количествомъ труда? Найдутся ли въ первомъ случаѣ охотники на неприятный и тяжелый

¹⁾ Комментарій. Стр. 111—118. и ириварФ си тсодной яививатсодЛ (

²⁾ Новое ученіе о государствѣ. Пер. Жбанкова. 1905 г. Стр. 96—112. 3081

трудъ и сохранится ли равенство во второмъ случаѣ? На это Каутскій отвѣчаетъ, что вопервыхъ заинтересованность каждаго въ производствѣ зависитъ не только отъ его участія въ оплатѣ труда, а отъ многихъ причинъ, какъ то: чувства долга, честолюбія, соревнованія, привычки и т. д., и во-вторыхъ неравенство въ доходахъ совмѣстимо съ коллективистическимъ строемъ, въ которомъ „равенство явится не результатомъ насильственного уравнианія, вводимаго путемъ принужденія, а цѣлью или тенденціею естественнаго хода развитія“¹⁾: Мы видимъ здѣсь тѣже надежды на нравственное перерожденіе, на которыя рассчитывали и утописты. На сцену являются здѣсь и чувство долга и непринудительное, т. е. нравственное, равенство. И все это при отрицаніи всякихъ другихъ факторовъ исторіи кромѣ экономическаго, душу котораго составляетъ выгода. Подобно утопистамъ, коллективисты представляютъ дѣло такъ, какъ будто человѣчество, проснувшись на другой день послѣ революціи, увидитъ себя въ первобытной невинности, чуждымъ властолюбія, деспотизма, лжи, лѣни, эгоизма, зависти и всѣхъ прочихъ пороковъ, портящихъ ему жизнь въ капиталистическомъ строѣ. Располагая такими средствами, экономистъ X напр. вѣка могъ бы нарисовать столь же очаровательную картину и капиталистическаго строя. Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что и въ социалистическомъ обществѣ останется и неравенство въ доходахъ, и несоотвѣтствіе между потребностями и потребленіемъ, и зависимость трудящихся отъ хозяевъ, хотя бы они и были представителями государства, и различія классовъ и всѣ прочіе духовные факторы неравенства и угнетенія. Слишкомъ наивно предполагать, что чисто механическимъ путемъ, безъ нравственной борьбы можно спасти человѣчество, что оно застынетъ на одной точкѣ и не пойдетъ снова по тому же пути разъединенія и борьбы.

Соціальная политика.

Соціализмъ съ своимъ безусловнымъ отрицаніемъ экономической свободы, съ стремленіемъ подчинить государству всякое производство и распредѣленіе продуктовъ, а вмѣстѣ

¹⁾ Комментарій. Стр. 120.

съ тѣмъ и личную жизнь индивида, является противоположностью другой крайности въ политической экономикѣ, такъ называемаго манчестерства, требующаго безусловной свободы экономической дѣятельности, полного невмѣшательства государства въ хозяйственную жизнь. Исходя изъ основныхъ воззрѣній А. Смита, манчестерцы думали, что неограниченная свобода конкуренціи и личный интересъ—единственно вѣрные руководители человѣка въ области хозяйства, способные устранить всякія неустройства въ экономической жизни и принести всеобщее благоденствіе. При всей своей противоположности обѣ эти социальноекономическія теоріи имѣють глубокое сходство: обѣ онѣ одинаково утопичны. Какъ социализмъ покоится на вѣрѣ, что естественный порядокъ вещей самъ собою приведетъ человечество къ полному примиренію его противорѣчивыхъ интересовъ, какъ только наступитъ коллективистическій строй, такъ и манчестерство въ естественномъ ходѣ вещей, въ свободной игрѣ личныхъ интересовъ видитъ залогъ гармоническаго развитія общественной жизни. И социализмъ, и манчестерство одинаково зиждутся не на точномъ изученіи міра и человѣка, а на оптимистической вѣрѣ въ естественную гармонию и потому одинаково дѣлають почти излишними вмѣшательство разума и воли. Но если въ социализмѣ разрѣшеніе социальной проблемы покупается цѣной свободы и индивидуальности, то въ манчестерствѣ сохраненіе полной свободы, какъ показала исторія, приобрѣталось цѣной безчеловѣчной эксплуатаціи, нищеты и безправія. Поэтому ни тотъ, ни другой способъ разрѣшенія социального вопроса ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть признанъ удовлетворительнымъ. Безусловное преимущество имѣетъ путь, который дѣлаетъ возможнымъ устраненіе социального зла, не уничтожая индивидуальной свободы. Это путь социальной политики.

Уже историческая школа, основанная въ 40-хъ годахъ прошлаго столѣтія В. Рошеромъ, обстоятельно раскрыла положеніе, что хозяйственная дѣятельность человѣка определяется не однимъ стремленіемъ къ богатству и выгодѣ, но и многими другими мотивами, что на ряду съ эгоизмомъ въ человѣкѣ живетъ чувство общности и симпатіи, проявляющееся въ созданіи семьи, общины и государства. Будучи одной изъ сторонъ народной жизни, хозяйство на-

родовъ есть результатъ множества разнообразныхъ условій не только экономическихъ, но научныхъ, моральныхъ, религиозныхъ, политическихъ возрѣній и учреждений. Народное хозяйство подчинено извѣстнымъ естественнымъ законамъ, но не безусловно. Оно можетъ быть направляемо къ тѣмъ или другимъ цѣлямъ общественнымъ разумомъ и общественной волей. Развивая далѣе эти взгляды исторической школы, группа экономистовъ, такъ называемыхъ социалистовъ на каедрѣ: Brentano, Шмоллеръ, Шефле, Вагнеръ и др., старались особенно раскрыть значеніе нравственнаго элемента въ социально-экономической жизни. По мнѣнію Шмоллера, на примѣръ, процессъ историческаго развитія общественно-хозяйственной жизни выражается въ постепенномъ подчиненіи началамъ права и морали всѣхъ естественно сложившихся отношеній и неравенствъ. Такъ, природа создала различіе расъ, подчиненіе слабаго сильному, рабство и т. д., но право и мораль сглаживаютъ эти естественныя различія. Формы распредѣленія продуктовъ и собственность, хотя и основываются въ извѣстной мѣрѣ на неизмѣнныхъ фактахъ, данныхъ отъ природы, но въ гораздо бѣльшей степени являются продуктомъ нравственнаго развитія и прогресса и измѣняются подъ вліяніемъ новыхъ моральныхъ возрѣній и новыхъ правовыхъ отношеній ¹⁾. Отсюда естественно вытекаетъ необходимость нравственнаго воздѣйствія на направление экономической жизни, необходимость „соціальной политики“, т. е. такого законодательства, которое ставило бы предѣлы личному произволу и регулировало бы хозяйственныя отношенія. Представители социально-этического направления, въ 1872 г. составивъ изъ себя особое ученое общество, названное „союзомъ соціальной политики“, не ограничиваясь одной теоретической стороною дѣла, ставили себѣ задачей содѣйствовать и практическому осуществленію своихъ взглядовъ. При этомъ одни изъ нихъ видѣли средство къ улучшенію положенія рабочаго класса въ самопомощи рабочихъ, другіе—въ принудительной дѣятельности государства („государственный социализмъ“). По мнѣнію послѣднихъ политико-экономистовъ, государство въ цѣляхъ достиженія

¹⁾ А. Чупровъ. Очерки исторіи политической экономіи. Москва. 1904. Стр. 74.

нравственно-культурныхъ идеаловъ обязано не только ограждать и защищать гражданъ, но и помогать имъ, особенно слабымъ и бѣднымъ. Они признають за государствомъ право и обязанность регулировать юридическія отношенія, вытекающія изъ начала частной собственности и договора, и тѣмъ охранять слабые классы отъ эксплуатаціи сильныхъ.

Къ тому же приблизительно выводу пришли социаль-политики, стоявшіе на почвѣ христіанства. Разница была лишь въ томъ, что въ то время какъ первые исходили изъ общихъ этическихъ началъ, христіанскіе социаль-политики строили свои идеалы на опредѣленныхъ христіанскихъ принципахъ. Особенною опредѣленностью возрѣній отличаются социаль-католики. Ихъ задача реставрировать общество въ духъ христіанства, осуществить въ социальномъ строѣ истинно-христіанскіе идеалы. Въ программѣ итальянскихъ социаль-политиковъ, выработанной въ 1894 г. Тониоло, мы читаемъ: „необходимо постоянно имѣть въ виду, какъ высокій и свѣтлый идеалъ, какъ высшую и конечную цѣль нашихъ стремленій, восстановление прекраснаго и неизбежнаго зданія христіански-католическаго социальнаго порядка съ него вѣчными творческими принципами, возвышенными идеалами, несокрушимыми основами и чудеснымъ историческимъ развитіемъ“. Законы этого порядка, по словамъ программы, даны въ *Corpus juris canonici*. Водвореніе опредѣленнаго социальнаго строя необходимо во-первыхъ какъ цѣль, такъ какъ христіанство, одобряя одни социальныя отношенія, осуждаетъ другія (напр. противорѣчіе интересовъ), и во-вторыхъ какъ средство, такъ какъ опредѣленный христіанскій строй является лучшей, чѣмъ другіе, гарантіей роста христіанскаго сознанія¹⁾. Протестантскіе социаль-политики въ отличіе отъ католиковъ стараются построить свою социальную программу не на одномъ только откровеніи, но и на изслѣдованіи экономическихъ данныхъ. Пасторъ Пеге, напр., видя задачу христіанской партіи въ томъ, „чтобы осуществить и примѣнить въ экономической и социаль-политической жизни народа все нравственное и религіозное содержаніе христіанскаго ученія“, въ то же время считаетъ необ-

1) Зомбартъ. Идеалы социальной политики. Пер. Теплова. 1905. Стр. 26-27.

2) Ibid. Стр. 29—30.

ходимымъ, считаются прежде всего съ экономическими фактами и принципами политической экономіи. „Партія христіанскихъ социалистовъ“, основанная придворнымъ проповѣдникомъ пасторомъ Штекеромъ въ 1878 году, объявляя, что она „стоитъ на почвѣ христіанской вѣры и любви къ королю и отечеству“, требовала отъ государства коренныхъ реформъ: обязательныхъ цеховъ, пользующихся государственными пособиями, рабочаго законодательства, надзора за фабриками, нормировки рабочаго дня, страховыхъ кассъ, прогрессивнаго налога на доходы и наслѣдства ¹⁾.

Подъ вліяніемъ этихъ движеній и отчасти въ цѣляхъ ослабленія социализма принципъ соціальной политики былъ официально провозглашенъ германскимъ правительствомъ въ 1881 г. Известное посланіе императора устанавливало принципъ долга государства по отношенію къ „его нуждающимся членамъ, не какъ простое проявленіе гуманности и христіанства“, а какъ „задачу государственно-охранительной политики“ ²⁾. Здѣсь такимъ образомъ соціальная политика представляется требованіемъ не только этики и христіанской морали, но и общественнаго блага, залогомъ благополучія и цѣлости государства. „Это было, говорить Сеньобосъ, развитіемъ современной идеи о государствѣ, выводимое изъ христіанской морали“ ³⁾. Таково происхожденіе этой идеи или нѣтъ, во всякомъ случаѣ такое представленіе о задачахъ государства стало въ настоящее время господствующимъ. Даже тѣ соціаль-политики, которые требуютъ, чтобы соціально-политическіе идеалы не заимствовались изъ религіи и этики, а были автономны, противъ указаннаго конкретнаго ихъ содержанія не дѣлаютъ возраженій.

Итакъ соціальная политика—вотъ тотъ путь, по которому твердымъ, хотя и медленнымъ, шагомъ слѣдуетъ идти къ разрѣшенію соціального вопроса. Что этотъ путь не есть утопія, это неопровержимо доказано тѣми крупными плодами, которыхъ достигла она не смотря на свою молодость. Въ этомъ случаѣ достаточно припомнить налоговый законъ

¹⁾ Ш. Сеньобосъ. Политическая исторія современной Европы. Изд. тов. Знаніе“. 1903. II. Стр. 440.

²⁾ Ibid. Стр. 436.

³⁾ Ibid.

въ Пруссіи, страхованіе рабочихъ въ Германіи, аграрную реформу въ Ирландіи. Этимъ испытаннымъ путемъ слѣдуетъ идти къ устраненію социальнаго зла и въ Россіи. На первой очереди при этомъ должны стоять заботы государства о малоземельномъ крестьянствѣ и рабочемъ классѣ.

Аграрный вопросъ 1).

„Положеніе“ 19 февраля 1861 г., имѣвшее первоначально своею цѣлью создать для крестьянъ не только правовую, но и экономическую независимость, не достигло своей цѣли благодаря тѣмъ ограниченіямъ, которыя были внесены въ него стараніями помѣщиковъ, не желавшихъ разстаться ни съ землей, ни съ дешевой рабочей силой. То подъ давленіемъ помѣщиковъ, то вслѣдствіе чрезвычайной высоты выкупныхъ платежей, то подъ влияніемъ слуховъ о предстоящемъ будто бы переходѣ всей земли въ руки крестьянъ, послѣдніе сами, яко бы добровольно, отказывались иногда отъ узаконенныхъ, безъ того уже урѣзанныхъ надѣловъ. Было много и такихъ, которые, польстясь на дарственную землю подъ усальбу, совсѣмъ отказывались отъ надѣловъ, такъ какъ продажная цѣна на землю была въ то время разъ въ пять ниже оцѣнки правительства. Вслѣдствіе указанныхъ и нѣкоторыхъ другихъ причинъ земельная обеспеченность помѣщичьихъ крестьянъ при ихъ освобожденіи не только не повысилась, но прямо понизилась. По даннымъ П. Семенова у крестьянъ шести губерній осталось лишь $\frac{4}{5}$ находившейся въ ихъ пользованіи земли ²⁾. По расчету проф. Серебрякова въ 8 центральныхъ губерніяхъ осталось необеспеченными землей 11% крестьянъ и 54% скудно-обеспеченными, принимая за скудное обезпеченіе надѣлъ ниже 2 десятинъ. Особенно обидно было положеніе помѣщичьихъ крестьянъ. Въ то время какъ средній надѣлъ для 50 губерній Европейской Россіи въ 1860 году у бывшихъ государ-

1) Для обстоятельнаго знакомства съ аграрнымъ вопросомъ можно рекомендовать превосходный сборникъ „Аграрный вопросъ“, изд. кн. Долгорукова и Петрукевича. Въ немъ помѣщены статьи Герценштейна, Долгорукова, Мануилова, Петрукевича, Чупрова и др.

2) Цифры мы заимствуемъ частью у Мануилова, частью у Герценштейна.

ственныхъ крестьянъ составлялъ 6,7 дес., у бывшихъ удѣльныхъ 4,9 дес., у бывшихъ помѣщичьихъ онъ равнялся лишь 3,2 дес. Если уже въ то время чувствовался недостатокъ въ земельной обеспеченности крестьянъ, то въ наше время благодаря громадному приросту населенія онъ сталъ можно сказать прямо вопіющимъ. За сорокъ лѣтъ населеніе 50 губерній съ 50 милліонами душъ возросло до 86 мил. Если въ 1860 г. средній надѣлъ на душу мужского пола составлялъ 4,8 дес., то въ 1900 г. онъ понизился до 2,6 дес. Въ нѣкоторыхъ западныхъ, среднеземледѣльческихъ и малороссійскихъ губерніяхъ надѣлъ опускается до 1,7 и даже до 1,2 дес. Въ Курской губерніи напр. средній крестьянинъ, получившій въ 1861 г. надѣлъ въ $2\frac{2}{3}$ дес. на душу, въ настоящее время имѣетъ не болѣе 1 дес.; о крестьянахъ же, получившихъ низшіе или даровые надѣлы, и говорить нечего. Въ Симбирской губерніи у бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ душевой надѣлъ съ 2,6 дес. сократился до 0,9 д. Насколько мало обезпечиваетъ крестьянина даже средній надѣлъ, можно видѣть изъ слѣдующихъ данныхъ. Комиссія по оскудѣнію центра пришла къ выводу, что при продовольственной нормѣ въ 20 пуд. хлѣба на душу, и кормовой въ 40 п. овса на 1 лошадь, приходится при среднемъ урожаѣ на одну душу обоего пола продовольственныхъ полевыхъ продуктовъ 16,6 пуд., а кормовыхъ на рабочую лошадь 23,6 пуд. Въ Сводѣ трудовъ мѣстныхъ комиссій по землевладѣнію высчитано, что общій доходъ средняго крестьянскаго двора исчисляется въ 98 р. 56 к.; для того же, чтобы прокормиться и одѣться крестьянской семьѣ, необходимо въ годъ 158 р. 88 к. Но что же сказать о крестьянахъ съ низшими надѣлами? Естественнымъ слѣдствіемъ крайняго малоземелья крестьянъ являются обнищаніе деревни, хроническія голодовки и аграрные безпорядки. Лишь сытая пошлость можетъ видѣть причину послѣднихъ исключительно въ крестьянской распущенности и въ бездѣйствіи власти. „Что же достигнуть строгіе законы, говоритъ проф. Мануиловъ, если существующая земельная тѣснота *вынуждаетъ* крестьянъ расширять площадь своего землепользованія во что бы то ни стало? Можно ли ожидать непоколебимаго уваженія къ чужой собственности отъ человѣка, который стоитъ передъ дилеммой: голодать или захватить чужое?“ Очевидно,

дѣло не можетъ продолжаться такимъ образомъ. Государство обязано придти на помощь сословію, составляющему $\frac{4}{5}$ населенія. Этого требуютъ его собственные интересы. Какими же средствами располагаетъ государство къ поднятію крестьянскаго хозяйства? Такихъ средствъ не мало, но большая часть ихъ оказывается палліативами, не способными устранить главное зло. Таковымъ прежде всего является крестьянскій банкъ. Имѣя характеръ коммерческаго предпріятія, заботясь болѣе о томъ, чтобы не потерпѣть убытковъ, а не о надѣленіи землей дѣйствительно малоземельныхъ, онъ обслуживаль до сихъ поръ главнымъ образомъ интересы наиболѣе зажиточнаго крестьянства. Изъ семи мил. дес., купленцыхъ имъ для крестьянъ въ теченіе 20 лѣтъ, большая часть пріобрѣтена или отдѣльными наиболѣе обеспеченными крестьянами или товариществами зажиточныхъ крестьянъ съ исключеніемъ бѣднѣйшихъ, особенно нуждающихся въ землѣ. Кромѣ того производя покупку на почвѣ свободнаго соглашенія, онъ содѣйствовалъ сильному повышенію цѣнъ на землю, а при расширеніи своей дѣятельности можетъ довести ихъ до чрезмѣрныхъ предѣловъ. Другое средство къ поднятію крестьянскаго благосостоянія указываютъ въ развитіи сельско-хозяйственной техники (интенсификаціи). Путемъ рациональной обработки земли можно увеличить урожайность хлѣбовъ въ нѣсколько разъ. Въ западныхъ странахъ урожайность превосходитъ нашу въ 2, 3 и даже болѣе разъ. „Обычные наши урожаи на крестьянскихъ земляхъ въ 35—40 пудовъ ржи на десятину, говоритъ проф. Чупровъ, до такой степени ничтожны, что самыхъ примитивныхъ, всѣмъ доступныхъ улучшеній довольно для того, чтобы поднять урожай на половину противъ нынѣшняго его уровня. По многочисленнымъ наблюденіямъ агрономовъ, одного лучшаго подбора сѣмянъ почти что достаточно для полученія такой прибавки. Но вѣдь техника располагаетъ несравненно болѣе могущественными средствами. Урожай въ 30 квинталовъ ржи на гектаръ, или въ 200 пудовъ на десятину, считается въ мѣстностяхъ съ широкимъ примѣненіемъ искусственныхъ туковъ дѣломъ довольно зауряднымъ“¹⁾. Но не говоря уже о томъ, что культура сельскаго

¹⁾ Аграрный вопросъ. Стр. 43.

хозяйства, требующая высокаго поднятія какъ общаго, такъ и техническаго образованія народа, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть дѣломъ ближайшаго будущаго,—на это въ Германіи и Франціи потребовалось цѣлое столѣтіе,—она невозможна безъ извѣстнаго минимума земельной площади. „Есть извѣстный minimum хозяйственной площади, говорить В. Постниковъ, ниже котораго крестьянское хозяйство не можетъ опускаться, потому что оно становится тогда невыгоднымъ и даже невозможнымъ“¹⁾. Благодаря крайнему малоземелью нашъ крестьянинъ вынужденъ запахивать возможно большую часть надѣла въ ущербъ кормовымъ угодьямъ, чѣмъ лишаетъ себя возможности поддерживать скотоводство въ размѣрѣ, необходимомъ для удобренія. Въ то время какъ въ частныхъ имѣніяхъ пахотной земли въ 50 губерніяхъ за 1890 г. было лишь 31,2⁰/₀, у крестьянъ ея было 59,4⁰/₀. Предлагають для увеличенія крестьянскихъ надѣловъ употребить государственныя и удѣльныя земли. Но этого слишкомъ недостаточно. Изъ 124 милл. десятинъ государственной земли въ Европейской Россіи 120 милл. дес. составляютъ лѣсныя пространства, расположенныя къ тому же преимущественно въ Архангельской, Вологодской, Вятской и Костромской губерніяхъ. Площадь оброчныхъ статей равна лишь 4 милл. дес. Но большая часть этихъ земель уже теперь находится въ арендѣ у крестьянъ. Изъ 7,3 мил. дес. удѣльной земли 4,5 милл. дес. находятся въ семи сѣверныхъ губерніяхъ: изъ остальныхъ 3 милл. дес. болѣе 1 милл. дес. расположено въ Самарской губерніи, 0,8 милл. дес. въ Симбирской; въ остальныхъ же губерніяхъ—самое незначительное количество. Къ тому же земли эти покрыты большею частью лѣсами, а оброчныя статьи находятся уже въ арендѣ.

Если всѣ указанныя палліативы не въ состояніи удовлетворительно разрѣшить аграрнаго вопроса, то другія мѣры, предлагаемыя для этой цѣли, страдаютъ противоположнымъ недостаткомъ. Въ корнѣ устраняя повидимому все зло крестьянскаго малоземелья, онѣ въ тоже время совершенно не считаются съ наличными условіями, современными понятіями и классовыми интересами, рассчитывая сразу пере-

¹⁾ Ibid. Стр. 48.

создать современный строй и изменить существующія правовыя понятія. Къ такимъ совершенно утопическимъ мѣрамъ слѣдуетъ отнести прежде всего проектъ націонализаціи земли, т. е. отнятіе земли въ собственность государства съ предоставленіемъ ея въ распоряженіе тѣхъ, кто ее обрабатываетъ. Эта мѣра была бы величайшею несправедливостью по отношенію къ землевладѣльцамъ. Нѣтъ никакой возможности разграничивать собственность на землю и собственность на капиталъ, такъ какъ та и другая покоится на одинаковыхъ правахъ, та и другая въ равной степени не есть продуктъ собственного труда. Было бы поэтому въ высшей степени несправедливо отнять земли и оставить капиталъ, такъ какъ земля получила теперь значеніе товара и капитала. „Тѣ, которые допускаютъ переходъ земли въ руки государства безъ выкупа, говоритъ проф. Герценштейнъ¹⁾, совершенно упускаютъ изъ виду, что земля въ настоящее время подлежитъ продажѣ, какъ всякое другое имущество, и что многіе изъ нынѣшнихъ владѣльцевъ пріобрѣли свои имѣнія путемъ покупки. Поэтому лишеніе ихъ благопріобрѣтеннаго имущества было бы несправедливостью, которую съ точки зрѣнія современныхъ правовыхъ нормъ нельзя было бы оправдать. Съ другой стороны нельзя игнорировать и того, что конфискація ихъ безъ вознагражденія владѣльцевъ нанесла бы огромный ущербъ ихъ кредиторамъ, т. е. многочисленному разряду лицъ, помѣщающихъ свои сбереженія въ закладныхъ листахъ земельныхъ банковъ... Тотъ, кто владѣетъ капиталомъ во всѣхъ его видахъ, по прежнему сохранить свое имущество, тотъ же, который имѣетъ землю или помѣстилъ свое имущество подъ залогъ земли, долженъ будетъ разстаться съ нимъ“. Существуетъ впрочемъ такой проектъ націонализаціи земли, который, не отнимая земли у прежнихъ ея владѣльцевъ и повидимому не нарушая справедливости, въ то же время открываетъ полный доступъ къ землѣ всякому, желающему обрабатывать ее. Этотъ проектъ принадлежитъ извѣстному американскому публицисту Генри Джорджу. Весь смыслъ его проекта выражается въ слѣдующихъ словахъ: „намъ нѣтъ нужды прямо лишить лендлорда его владѣній; достаточно будетъ извести его налогами“²⁾.

¹⁾ Аграрный вопросъ. Герценштейнъ. 1905 г. Стр. 76—77.

²⁾ Метень. Соціализмъ въ Англии. Стр. 203.

Съ этою цѣлью Джорджъ предлагаетъ, уничтоживъ всѣ другіе налоги, обложить землю такимъ налогомъ, который поглотилъ бы годовой чистый земельный доходъ и равнялся бы арендной платѣ. Въ такомъ случаѣ земля перестанетъ сама по себѣ давать прибыль; послѣдняя будетъ лишь результатомъ труда. Это заставитъ землевладѣльцевъ отказаться отъ пользованія землей, которую они не обрабатываютъ, и откроетъ доступъ къ ней всѣмъ желающимъ работать. „Обложите землю соотвѣтственно ея полной стоимости, говоритъ Джорджъ, и отъ права собственности не останется и слѣда: самый богатый землевладѣлецъ окажется не въ состояніи владѣть пустоющей землей“¹⁾. Въ такомъ случаѣ не возникаетъ никакого вопроса и о вознагражденіи, такъ какъ нельзя вознаграждать человѣка за то, что онъ сдѣланъ плательщикомъ налога. У насъ въ Россіи популяризаторомъ этого проекта явился Л. Толстой, который считаетъ его справедливымъ, практичнымъ и удобопримѣнимымъ²⁾. Но онъ совсѣмъ не таковъ въ дѣйствительности. Для всякаго ясно, что обложеніе земли налогомъ, равнымъ арендной платѣ, есть замаскированная конфискація земли, уничтоженіе всякой ея цѣнности. Въ то время какъ земельные собственники были бы лишены дохода, приносимаго землей, капиталисты продолжали бы пользоваться доходами съ капитала. Несправедливость остается тоже, что и при прямой экспроприаціи земли. Кромѣ того, противъ проекта Джорджа говоритъ и много практическихъ соображеній. Въ Англіи, гдѣ вся земля принадлежитъ сравнительно незначительному количеству владѣльцевъ и, гдѣ крестьяне являются простыми сельскими батраками, не имѣющими даже собственныхъ хижинъ³⁾, проектъ Джорджа можетъ еще вызвать сочувствіе народной массы. Русскіе крестьяне, имѣющіе земельную собственность, конечно не согласятся на конфискацію земли, въ какой бы она ни предлагалась формѣ. Не согласятся они и на земельный налогъ, равный арендной платѣ, и освобождающій отъ налога капиталистовъ. Да и

¹⁾ Герценштейнъ. Аграрный вопросъ. Стр. 41.

²⁾ Великій грѣхъ. Изд. Посредника. 1905. Стр. 20. 41.

³⁾ Въ 1875 г. изъ 36 милл. народонаселенія лишь 1 милл. владѣлъ землей, причемъ у 852 тысячъ владѣльцевъ было меньше одного акра земли. См. Соціализмъ въ Англіи. Стр. 155.

независимо отъ этого, указанная реформа принесла бы мало пользы крестьянамъ. Имъ пришлось бы платить за землю приблизительно тоже, что платять они и теперь, арендуя ее у помѣщиковъ. И не все ли равно въ сущности, кому приходится имъ платить арендную плату, государству или собственникамъ? Сомнительно наконецъ и то, чтобы эта реформа могла облегчить доступъ къ землѣ для бѣднаго люда. Такъ какъ по проекту Джорджа не полагается никакихъ ограниченій въ размѣрѣ участковъ, сдаваемыхъ въ пользованіе, то земля скорѣе перейдетъ къ богатымъ, чѣмъ къ бѣднымъ, потому что первые съ помощью капитала и техническихъ примѣненій могутъ получить большую прибыль. Полная свобода капитала, при существованіи одного лишь налога на землю, должна создать, какъ правильно предполагаетъ Герценштейнъ, фермерство, т. е. крупное капиталистическое хозяйство. Всѣ означенныя особенности проекта Джорджа дѣлаютъ его мало осуществимымъ, несправедливымъ и нецѣлесообразнымъ.

Единственно вѣрнымъ и дѣйствительнымъ средствомъ въ борьбѣ съ малоземельемъ и необезпеченностью крестьянъ остается признать принудительное отчужденіе частновладельческихъ земель съ вознагражденіемъ ихъ владѣльцевъ по справедливой цѣнѣ. Эта мѣра не нарушаетъ, а только ограничиваетъ права собственности. Такое ограниченіе правъ собственности по современнымъ понятіямъ составляетъ неотъемлемое право государства, разъ оно требуется общественной пользой или государственной необходимостью. 17-й пунктъ деклараціи правъ челоѣка и гражданина гласитъ: „такъ какъ право собственности ненарушимо и священно, то никто не можетъ быть лишенъ своей собственності, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда этого требуетъ общественная польза, законнымъ порядкомъ удостовѣренная, и не иначе, какъ подъ условіемъ предварительной уплаты справедливаго вознагражденія“¹⁾. На этомъ основаніи государство отчуждаетъ земли при проведеніи желѣзныхъ дорогъ, устройствѣ крѣпостей и т. д. На этомъ же основаніи оно въ правѣ прибѣгнуть къ принудительному выкупу для дополнительнаго

¹⁾ Еллинекъ. Декларация правъ челоѣка и гражданина. Русск. пер. подъ ред. Вормса. 1906. Стр. 31.

надѣленія малоземельныхъ крестьянъ. Этого требуетъ общественная польза. „Въ правильномъ разрѣшеніи аграрнаго вопроса, говоритъ проф. Мануиловъ, заинтересована вся страна. Въ Россіи, гдѣ $\frac{4}{5}$ населенія принадлежатъ къ крестьянству, связанному съ землей, всѣ стороны государственной жизни находятся въ тѣсной зависимости отъ положенія крестьянской массы. Если она хронически не доѣдаетъ, живетъ въ условіяхъ, недостойныхъ человѣческаго существованія, и не видитъ никакихъ шансовъ для подъема своего благосостоянія, то правильное и мирное развитіе страны въ цѣломъ становится невозможнымъ. Народная нищета служитъ почвой, на которой развиваются бактеріи, подтачивающія государственный организм: крестьянская изба становится очагомъ эпидемій, а самъ крестьянинъ, живя впроголодь, является плохимъ плательщикомъ налоговъ и скуднымъ покупателемъ издѣлій промышленности; если онъ забить и смиренъ, его ждетъ вырожденіе, а при нѣкоторомъ развитіи самосознанія и запасѣ энергіи онъ стремится силою добиться того, что считаетъ своимъ правомъ“ (1). „Для законодательной власти при осуществленіи какихъ бы то ни было реформъ, говорилъ проф. Хвостовъ на совѣщаніи по аграрному вопросу, не можетъ быть вопроса о неприкосновенности права вообще и права собственности въ частности, ибо всякая крупная реформа неизбежно связана съ ломкой дѣйствовавшего ранѣе нея права. Примѣромъ можетъ служить хотя бы и реформа 1861 г., когда рѣзко были нарушены имущественныя права помѣщиковъ... Законодательная власть руководится не формальнымъ правомъ, источникомъ котораго она сама является, а справедливостью и соображеніями государственной необходимости“ (2). Съ практической стороны указанная мѣра не представляетъ особенныхъ затрудненій вслѣдствіе громадной задолженности частнаго землевладѣнія. Къ 1 іюля 1904 г. за исключеніемъ долга крестьянскому банку задолженность землевладѣльцевъ равнялась 1727 милл. рублей. Большая часть этого долга можетъ быть переведена на отчуждаемую землю, что избавитъ государство отъ выпуска большого количества процентныхъ бумагъ. По расчету

1) Аграрный вопросъ. Стр. 63.

2) Ibid. Стр. 310.

Мануилова, если изъ частновладѣльческихъ земель, равняющихся для 50 губерній за исключеніемъ слѣсныхъ пространствъ 55 милліонамъ дес., выкупить 21—23 милл. дес., то это увеличило бы надѣлы малоземельнаго населенія въ 1½ раза ¹⁾.

Послѣ всего сказаннаго намъ не трудно оцѣнить достоинство политическихъ программъ со стороны ихъ аграрной политики. Очевидно, что наиболѣе правильное рѣшеніе аграрнаго вопроса даетъ программа конституціоналистовъ-демократовъ, предлагающая увеличеніе площади землепользованія для безземельныхъ, малоземельныхъ крестьянъ и другихъ мелкихъ хозяевъ-землевладѣльцевъ государственными, удѣльными и пр. землями, а также путемъ отчужденія для той же цѣли за счетъ государства въ потребныхъ размѣрахъ частновладѣльческихъ земель съ вознагражденіемъ нынѣшнихъ владѣльцевъ по справедливой (не рыночной) оцѣнкѣ. Принудительное отчужденіе допускаетъ и „Союзъ 17 октября“, но лишь въ крайнемъ случаѣ, при недостаточности другихъ мѣръ. Эта оговорка даетъ партіи право откладывать аграрную реформу въ далекое будущее. Мѣра, выставляемая соціально-революціонерами, по своей утопичности, непримѣнимости къ современнымъ правовымъ понятіямъ и къ экономическимъ условіямъ русскаго крестьянства, не можетъ быть признана удовлетворительной. Наоборотъ, крайняя правая страдаетъ противоположнымъ недостаткомъ. Въ аграрномъ вопросѣ она проводитъ принципъ манчестерства. Такъ „Союзъ землевладѣльцевъ“, уже послѣ 17 октября поставившій своей задачей стремиться законными средствами къ возстановленію самодержавія во всей его неприкосновенности, по аграрному вопросу высказывается слѣдующимъ образомъ: „крестьянское малоземелье является неизбѣжнымъ послѣдствіемъ обязательнаго надѣленія крестьянъ землею, создавшаго то ошибочное предположеніе, будто государство обязано обезпечивать землю все населеніе страны. Дальнѣйшее расширеніе площади крестьянскаго землевладѣнія должно совершаться не иначе, какъ естественнымъ экономическимъ путемъ,—путемъ приобрѣтенія въ собственность, исключительно по свободному согла-

¹⁾ Ibid. Стр. 66—69.

шенію, съ устраненіемъ всякаго понужденія всѣхъ свободныхъ казенныхъ, удѣльныхъ и частныхъ земель“. При этомъ онъ заявляетъ: „Союзъ землевладѣльцевъ долженъ стать тѣмъ органомъ, чрезъ посредство котораго многострадальный народъ-земледѣлецъ выскажетъ свои вѣковыя нужды и свою, продуманную въ тиши полей, глубокую государственную думу“ (*Моск. Вѣд.* 1905, 18 ноября). Читатель безъ всякаго нашего поясненія пойметъ внутреннюю связь монархизма и манчестерства нашихъ крупныхъ землевладѣльцевъ и по достоинству оцѣнить ни то наивное, ни то слишкомъ политичное—желаніе выступить въ качествѣ печальниковъ многострадальнаго народа. Для насъ важно здѣсь то, что „Союзъ землевладѣльцевъ“ устраняетъ всякое вмѣшательство государства въ положеніе малоземельныхъ крестьянъ, рекомендуя ему лишь „твердую и неуклонную защиту права собственности“, и считаетъ состояніе батрачества вполне нормальнымъ для крестьянъ. Монархическая партія, настаивая на полной неприкосновенности имущественныхъ правъ, видитъ средство къ улучшенію крестьянскаго быта лишь въ интенсификаціи хозяйства и въ переселеніи крестьянъ. Всѣ правыя партіи такъ или иначе считаются съ малоземельемъ и бѣдностью нашихъ крестьянъ и указываютъ различныя средства къ улучшенію ихъ положенія. Прогрессивная экономическая партія предлагаетъ: упорядоченіе земельныхъ владѣній въ цѣляхъ распространенія мелкаго хуторскаго и кооперативнаго хозяйства, увеличеніе въ тѣхъ же цѣляхъ площади землепользованія, учрежденіе государственнаго банка поземельнаго кредита и т. п.; партія представителей промышленности и торговли проектируетъ содѣйствіе государства къ уничтоженію череполосицы, къ созданію хуторскаго хозяйства и къ развитію земледѣльческихъ кооперацій, увеличеніе площади землепользованія безземельныхъ и малоземельныхъ посредствомъ содѣйствія образованію на свободныхъ казенныхъ земляхъ мелкихъ хуторскихъ хозяйствъ, созданіе государственнаго поземельнаго банка и т. д.; партія правового порядка желаетъ дополнительнаго надѣленія малоземельныхъ крестьянъ землею со справедливымъ вознагражденіемъ лицъ и вѣдомствъ, отъ которыхъ переходила бы къ нимъ земля. Но всѣ эти мѣры при незначительности казенныхъ земель пригодныхъ для пользованія, и при условіяхъ свободной про-

даже не могут оказать действительной помощи нуждающемуся населению. Судьба послѣдняго будетъ зависеть не только оттого, способно ли оно купить и арендовать или нѣтъ, но и отъ воли землевладельцевъ, хотя бы тѣхъ, которые желали бы видѣть въ крестьянахъ дешевыхъ батраковъ. Радикалы предлагаютъ путемъ экспроприации казенныхъ и части частновладельческихъ земель образовать земельный фондъ для отдачи земель въ арендное пользованіе лично обрабатывающимъ землю. Эта мѣра есть шагъ къ націонализации земли по проекту Джорджа и, какъ мы уже видѣли, будетъ служить интересамъ скорѣе зажиточныхъ, чѣмъ бѣдныхъ крестьянъ.

Рабочій вопросъ¹⁾.

Главное зло въ жизни пролетаріата составляетъ не столько его бѣдность, сколько другія своеобразныя особенности его положенія. Не имѣя никакой собственности, кромѣ своей рабочей силы, онъ вынужденъ продавать эту послѣднюю и только такимъ путемъ снискивать себѣ пропитаніе. Съ прекращеніемъ работы исчезаетъ для него и источникъ существованія. Эта необезпеченность существованія, порождаемая не только случайными обстоятельствами, болѣзнь, увѣчьемъ, старостью, но и простымъ капризомъ хозяина, ставитъ его къ послѣдному въ положеніе тяжелой личной зависимости. Продавая лишь рабочую силу, рабочій въ действительности почти продаетъ себя самого. Но худшее можетъ быть еще не въ этомъ. Вынужденный проводить на фабрикѣ или заводѣ столько времени, сколько позволяютъ его физическія и духовныя силы, онъ является въ домъ лишь для того, чтобы возстановить свои силы и потому лишенъ всякой возможности руководить семьей, воспитывать дѣтей и испытывать на себѣ благотворное вліяніе мирной семейной обстановки. Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ этого является постепенное разрушеніе основъ семейной жизни, огрубѣніе и порча нравовъ. Разрушеніе семьи и порча нравовъ среди рабочихъ идетъ впрочемъ и болѣе прямымъ путемъ. Для

¹⁾ Обстоятельное знакомство съ сущностью рабочаго вопроса даетъ книга В. Зомбарта „Рабочій вопросъ въ промышленности“. Перев. Высоккой—Ермоловой. 1905.

увеличенія заработка рабочій вынужденъ посылать на работу жену и даже дѣтей. Не окрѣпшія еще физически, они цѣлые дни проводятъ въ той же негигіенической и развращающей обстановкѣ, что и ихъ родители. Тамъ среди чужихъ людей, ничѣмъ съ ними несвязанныхъ, кромѣ общей работы, вдали отъ матери и отца, лишеныя свѣта, воздуха и близости къ природѣ, получаютъ они свое физическое и нравственное воспитаніе. Всѣ эти особенности въ положеніи рабочаго пролетаріата, съ какой бы мы стороны ни смотрѣли на нихъ, представляютъ собою явныя ненормальности, несовмѣстимыя съ человѣческимъ достоинствомъ и требующія ихъ устранения. Такъ самъ собою возникаетъ рабочій вопросъ.

Соціальная политика выработала два пути къ разрѣшенію рабочаго вопроса: самопомощь рабочихъ и государственное вмѣшательство. Первая заключается въ образованіи профессиональных союзовъ, второе въ законодательной охранѣ труда.

Профессиональные союзы имѣютъ своею цѣлью охрану интересовъ рабочаго класса въ границахъ капиталистическаго строя. Отсюда профессиональное рабочее движеніе должно быть рѣзко отличаемо отъ социалистическаго движенія. „Только грубое невѣжество или злой умыселъ, говорить Зомбартъ, можетъ не признавать этого различія обоихъ видовъ рабочаго движенія основнымъ, дѣйствительнымъ и опредѣляющимъ“¹⁾. Смыслъ и цѣль профессиональных союзовъ заключается въ слѣдующемъ: Рабочая сила есть въ сущности товаръ. Стоимость ея зависитъ отъ состоянія рабочаго рынка, т. е. отъ количества спроса и предложенія. Чѣмъ больше предложенія рабочей силы, тѣмъ меньше наемная плата. Отсюда въ интересахъ рабочаго класса воспрепятствовать излишнему предложенію рабочей силы. Средствомъ для этого служить пріисканіе работы для безработныхъ въ мѣстахъ, гдѣ чувствуется нужда въ нихъ, и матеріальная поддержка безработныхъ, дающая имъ возможность выжидать болѣе благоприятныхъ условій для своего найма. Однако такое уравниваніе спроса и предложенія труда не исключаетъ еще эксплуатаціи рабочихъ. Дѣло въ томъ;

1) Рабочій вопросъ въ промышленности. Стр. 36.

что въ договорѣ предпринимателя съ рабочими сильнѣйшей стороной всегда является капиталистъ, такъ какъ онъ имѣетъ менѣе нужды пустить въ оборотъ свой капиталъ, чѣмъ рабочій продать свой трудъ. Необходимость продать его во что бы то ни стало составляетъ слабую сторону рабочаго класса и источникъ его эксплуатаціи. Чтобы договоръ былъ заключенъ при нормальныхъ условіяхъ, необходимо съ одной стороны заставить предпринимателя болѣе дорожить рабочей силой, съ другой стороны по возможности обезвредить для каждаго рабочаго отказъ отъ невыгодныхъ условій эксплуататора. Средствомъ для этого являются такія товарищескія организации, въ которыхъ каждый стоялъ бы за всѣхъ и всѣ за одно, въ которыхъ группа рабочихъ образуетъ какъ бы одно лицо. Лишь въ такомъ случаѣ рабочіе становятся въ нормальное положеніе свободно договаривающейся стороны и могутъ гарантировать себя отъ эксплуатаціи предпринимателя. Для подкрѣпленія своихъ требованій, когда послѣднія не удовлетворяются предпринимателями, рабочіе объявляютъ стачку или забастовку. Но это крайнее средство. Главная цѣль союзовъ оказывать нравственное давленіе на предпринимателей, которыхъ уже одна возможность стачки дѣлаетъ болѣе уступчивыми по отношенію къ рабочимъ. Само собой разумѣется, что стачки сами по себѣ, когда онѣ протекаютъ мирно, ничего не заключаютъ въ себѣ противнаго нравственнымъ или правовымъ нормамъ. Если каждый въ отдѣльности воленъ отказаться отъ невыгодной работы, то очевидно можетъ сдѣлать это и цѣлая группа рабочихъ. Исключеніе составляютъ лишь тѣ забастовки, которыя наносятъ ущербъ не только предпринимателю, но и обществу или государству. Но и въ этихъ случаяхъ за нихъ должны отвѣчать столько же рабочіе, сколько и предприниматели. Профессиональные рабочіе союзы имѣютъ чрезвычайно важное значеніе, служа противовѣсомъ эксплуататорскимъ стремленіямъ предпринимателей, въ значительной степени парализующимъ ненормальности капиталистическаго строя. И лишь правительство, стоящее на службѣ у буржуазіи, можетъ относиться къ нимъ враждебно. Правительство же, не только гуманное, но и просто стоящее на высотѣ пониманія своихъ чисто государственныхъ задачъ, всячески должно содѣйствовать развитію профессиональнаго движенія, находя

въ немъ сильную нравственную поддержку въ крайне сложномъ дѣлѣ примиренія классовыхъ интересовъ. Всякому извѣстно, что этого нельзя сказать о нашемъ правительствѣ ¹⁾. Однако профессиональные союзы не получили еще такого развитія ни въ одномъ государствѣ, а тѣмъ болѣе въ Россіи, чтобы быть въ силахъ разрѣшить рабочій вопросъ. На помощь имъ должно придти государство. Только оно при помощи специального законодательства можетъ поставить въ нормальныя отношенія договаривающіяся стороны и спасти рабочій классъ отъ эксплуатаціи предпринимателей ²⁾. Соответственно указаннымъ выше ненормальностямъ въ положеніи промышленнаго пролетаріата государственное попеченіе о немъ должно выразиться въ запрещеніи работать определеннымъ категоріямъ рабочихъ, дѣтямъ, подросткамъ, женщинамъ во всѣхъ или только отдѣльныхъ производствахъ, въ ограниченіи рабочаго времени, въ определенныхъ постановленіяхъ относительно фабричной гигиены и „фабричной нравственности“, въ государственномъ страхованіи рабочихъ на случай болѣзни и старости, въ попеченіи о безработныхъ, въ квартирной реформѣ и т. д.

Съ указанной точки зрѣнія тѣ мѣры къ улучшенію рабочаго быта, какія предлагаютъ социалистическія программы, заслуживаютъ полнаго вниманія. Существенный недостатокъ этихъ программъ заключается въ томъ, что онѣ цѣвятъ лишь тѣ реформы, которыя косвенно готовятъ социальную революцію, и не сочувствуютъ тѣмъ, которыя улучшаютъ положеніе рабочихъ въ предѣлахъ признанія капиталистическаго строя и права собственности. Онѣ отрицательно относятся поэтому къ профессиональнымъ союзамъ, поскольку требованіемъ нормальной платы они выражаютъ законное признаніе капитала, а также къ рабочимъ коопераціямъ, стремящимся превратить рабочихъ въ собственниковъ. Второю недостаткомъ социалистическихъ программъ тотъ, что онѣ требуютъ немедленнаго проведенія рекомендуемыхъ ими

¹⁾ Объ отношеніи нашего правительства къ стачкамъ см. въ книгѣ Прокоповича: Къ рабочему вопросу въ Россіи. 1905. Стр. 45—76.

²⁾ Доказательствомъ непрочности побѣдъ, достигаемыхъ путемъ стачекъ, можетъ служить напр. тотъ фактъ, что въ январѣ на нѣкоторыхъ московскихъ фабрикахъ рабочій день съ 10 часовъ увеличился опять до 11 ч. (*Русск. Вѣд.* 17 янв.).

мѣръ, что по современнымъ экономическимъ условіямъ прямо невозможно. Еслибы какое государство рѣшилось осуществить все эти требованія, то оно сдѣлало бы свою промышленность неспособной къ иностранной конкуренціи, привело бы ее къ банкротству и осудило бы рабочихъ на безработицу¹⁾. Отсюда, если нѣкоторыя мѣры къ охранѣ труда, напр. государственное страхованіе, учрежденіе фабричной инспекціи при участіи выборныхъ отъ рабочихъ, могутъ быть введены немедленно, то другія, напр. повсемѣстное введеніе 8-часового рабочаго дня и запрещеніе дѣтскаго труда, должны осуществляться съ нѣкоторою постепенностью. Первый изъ указанныхъ недостатковъ устраняетъ уже радикальная программа, не ставящая себѣ конечныхъ цѣлей социализма. Но ей присущъ второй недостатокъ, именно нежеланіе считаться съ дѣйствительностію. Лишь конституціонно-демократическая партія устраняетъ оба недостатка социалистическихъ программъ, съ одной стороны ратуя за свободу рабочихъ союзовъ и за право стачекъ, съ другой стороны требуя постепеннаго введенія 8-часоваго рабочаго дня тамъ, гдѣ немедленное осуществленіе этой нормы невозможно, и развитія охраны труда и дѣтей. Что касается партій, стоящихъ вправо, то ихъ программы по рабочему вопросу отличаются неполнотою и неопредѣленностью. Прогрессивная экономическая партія ничего не говоритъ въ своей программѣ о maximum рабочаго дня, о запрещеніи ночного труда, объ участіи выборныхъ отъ рабочихъ въ фабричной инспекціи, объ уголовной отвѣтственности за нарушеніе законовъ объ охранѣ труда и т. д. Партія правового порядка говоритъ лишь вообще о возможномъ сокращеніи рабочаго дня, объ обязательномъ страхованіи рабочихъ и лучшемъ устройствѣ условій ихъ жизни. „Союзъ 17 октября“ ставитъ въ свою программу мѣры по обезпеченію рабочихъ и ихъ семей на случай болѣзни, инвалидности и смерти, мѣры къ постепенному осуществленію страхованія рабочихъ и къ ограниченію рабочаго времени для женщинъ и дѣтей.

¹⁾ Объ этомъ см. въ „Вопросахъ рабочаго вопроса въ Россіи“, Стр. 45—50. Прологовъ: Къ рабочему вопросу въ Россіи, 1905. Стр. 45—50.

*) Необходимость международныхъ соглашеній для охраны труда вызвало учрежденіе въ 1900 г. „Международнаго общества законодательной охраны труда“, имѣющее свои секціи во всехъ промышленныхъ странахъ.

Слѣдуетъ замѣтить, что неопредѣленность программы составляетъ въ ней громадный недостатокъ. Она даетъ возможность представителямъ партіи впасть въ нее произвольное содержаніе и главное скрывать свои истинные интересы и цѣли. Партія представителей промышленности и торговли, хотя и предлагаетъ различныя государственныя мѣры въ интересахъ рабочихъ, однако настаиваетъ на томъ, чтобы продолжительность рабочаго дня и другія условія труда при свободѣ союзовъ, стачекъ и забастовокъ устанавливались по взаимному соглашенію предпринимателей и рабочихъ. Партія желаетъ, слѣдовательно, устранить вмѣшательство государства въ условія договора, считая достаточными для защиты интересовъ рабочихъ союзы и стачки. Но легко понять, что послѣдніе могутъ быть парализованы подобными же союзами предпринимателей. Что касается программъ „Союза землевладѣльцевъ“ и монархической партіи, то рабочей вопросъ въ нихъ совсѣмъ отсутствуетъ. И это вполне естественно. Проводя принципъ манчестерства въ аграрной области, эти партіи изъ послѣдовательности не могутъ настаивать на вмѣшательствѣ государства и въ рабочемъ вопросѣ.

Налоговый вопросъ.

Русская финансовая система, какъ впрочемъ и большинство иностранныхъ финансовыхъ системъ, отдаетъ рѣшительное предпочтеніе косвенному обложенію передъ прямымъ. Въ росписи на 1906 годъ, напримѣръ, косвенные налоги, не считая колоссальнаго питейнаго сбора, составляютъ почти 425 милл. р., тогда какъ прямыхъ налоговъ лишь 148 милл. рублей. Въ началѣ 90-хъ годовъ прошлаго столѣтія наше министерство финансовъ выработало и представило на разсмотрѣніе государственнаго совѣта проектъ подоходнаго обложенія, но новый министръ финансовъ С. Ю. Витте взявъ законопроектъ, какъ несовершенный, обратно и для восполненія государственнаго бюджета началъ усиливать косвенное обложеніе, главнымъ образомъ на предметы массоваго потребленія. Естественнымъ слѣдствіемъ такой системы было то, что главная тяжесть налоговъ падала на трудящееся населеніе¹⁾. Если ранѣе мы говорили объ эксплуатаціи бѣднаго

¹⁾ Въ Клискомъ уѣздномъ комитетѣ о нуждахъ сельско хозяйственной промышленности было высчитано, что самая бѣдная крестьянская семья

населенія классомъ имущихъ, то въ данномъ случаѣ имѣеть мѣсто эксплуатаціи его самимъ государствомъ. Въмѣсто того, чтобы притти на помощь нуждающейся массѣ, государство сознательно ее разоряеть.

Истинные принципы налоговой системы выяснены въ настоящее время настолько, что почти не вызываютъ споровъ. Считается установленнымъ положеніе, что настоящимъ источникомъ налога долженъ быть доходъ, и по возможности чистый доходъ. Отсюда самой правильной формой обложенія является прямой подоходный налогъ. Косвенный налогъ, назначаемый преимущественно на предметы потребления, мотивируется обычно тѣмъ соображеніемъ, что по размѣру потребления можно судить о количествѣ доходовъ потребителей. Въ одномъ изъ своихъ докладовъ графъ Витте въ бытность свою министромъ финансовъ писалъ: „косвенное обложеніе въ каждый данный моментъ обильнѣе оплачивается тою частью населенія, которая обладаетъ наиболѣе покупною способностью, а слѣдовательно, и вообще распределяется между плательщиками въ извѣстномъ соотвѣтствіи съ ихъ платежными силами“. Но очевидно, что это заблужденіе. Бѣдная семья, состоящая изъ большаго количества членовъ, потребить конечно больше соли, чѣмъ одинъ богатый человекъ. Если и можно судить объ относительной зажиточности человекъ, то лишь по потребленію предметовъ второстепенной важности и особенно предметовъ роскоши. Вотъ почему, если желательно, чтобы вообще косвенные налоги уступали мѣсто прямымъ, то еще болѣе желательно постепенное уничтоженіе налоговъ на предметы потребления народныхъ массъ.

Если обложенію долженъ подлежать по возможности чистый доходъ, то само собою разумѣется, при обложеніи не должна ставиться въ счетъ та часть дохода, которая необходима для удовлетворенія первѣйшихъ жизненныхъ потребностей. Отсюда должны быть освобождены отъ налога тѣ минимальные доходы, которые расходуются на самыя крайнія нужды, причеь этотъ минимумъ (экзистенциминимумъ)

съ годовымъ доходомъ въ 200—240 р. уплачиваетъ косвенныхъ налоговъ 29 р. 50 к. Въ балашовскомъ уѣздѣ Саратовской губерніи на каждый крестьянскій дворъ приходится доходу въ среднемъ 114 р. 35 к., а всѣхъ налоговъ 58 р. 21 к.

долженъ сообразоваться конечно съ мѣстными условіями и среднимъ уровнемъ потребностей среднихъ и низшихъ классовъ. По той же самой причинѣ обложеніе дохода должно быть не только пропорціональнымъ, но и прогрессивнымъ; т. е. увеличивающимся въ извѣстной возрастающей прогрессіи по мѣрѣ увеличенія абсолютныхъ размѣровъ дохода. Уплата налога въ 5 рублей для получающаго 100 р. въ годъ затруднительнѣе уплаты налога въ 50 р. для получающаго 1000 р. Чѣмъ меньше доходъ, тѣмъ большій процентъ его расходуется на предметы самой первой необходимости. По вычисленію Пфейфера, лица, получающія 300 талеровъ, тратятъ на предметы первой необходимости 251 тал., т. е. 84% всего дохода, а лица, получающія 25000 тал., тратятъ на нихъ 7196 тал., т. е. 28% дохода. Такимъ образомъ справедливый налогъ долженъ быть не пропорціональнымъ, а прогрессивнымъ.

Предпочтеніе прямого прогрессивнаго обложенія косвенному является въ настоящее время столь общепризнаннымъ, что его должны были признать въ той или другой мѣрѣ большая часть политическихъ партій. Съ особенною рѣшительностью дѣлаютъ это партіи социалистическія и радикальная, требующія уничтоженія косвенныхъ налоговъ (с. р.: за исключеніемъ налоговъ на предметы роскоши) и установленія единаго прогрессивнаго налога на доходы и наслѣдства. Нѣтъ сомнѣнія, что требованіе это идеально справедливо; но по современнымъ экономическимъ условіямъ оно еще въ теченіе весьма продолжительнаго времени безусловно неосуществимо. Предметомъ реальной политики налоговая реформа можетъ быть лишь въ томъ видѣ, въ какомъ предлагаютъ ее конституціоналисты-демократы. Развитіе прямого обложенія на счетъ косвеннаго, общее пониженіе косвеннаго обложенія, постепенная отмѣна косвенныхъ налоговъ на предметы потребленія народныхъ массъ и реформа прямыхъ налоговъ на основѣ прогрессивнаго обложенія доходовъ, имущества и наслѣдствъ,—все это такія справедливыя мѣры, которыя могутъ быть осуществляемы уже съ текущаго года. Еще осторожнѣе ставятъ вопросъ партія прогрессивная экономическая и „Союзъ 17 октября“. Въмѣсто постепенной отмѣны они требуютъ постепеннаго пониженія косвеннаго обложенія предметовъ первой необходимости. Едва ли можно

оправдать чѣмъ нибудь эту осторожность. Что можетъ быть опаснаго для государственныхъ финансовъ въ отменѣ, на примѣръ, налога на соль, спички и т. д.? Партія представителей промышленности и торговли, хотя и требуетъ организациі системы налоговъ въ соотвѣтствіи съ платежной силой плательщика на основѣ прогрессивности, однако ясно не выражаетъ никакихъ желаній на счетъ косвенныхъ налоговъ. Партія монархическая высказывается за принципъ сообразованія налоговъ со средствами плательщиковъ, но ничего не говоритъ о прогрессивномъ обложеніи. Партія правоваго порядка ограничивается лишь заявленіемъ о необходимости облегченія бремени налоговъ, упадающихъ на крестьянство.

Заключеніе.

Подведемъ итоги сказанному. Въ рѣшеніи социальнаго вопроса различными политическими партіями мы наблюдали три теченія. Одни партіи (соціалистическія) считаютъ невозможнымъ разрѣшеніе социальной проблемы въ границахъ существующаго капиталистическаго строя. Отсюда всѣ ихъ усилія направлены не на улучшеніе въ положеніи бѣдныхъ классовъ, а на подготовленіи скорѣйшей гибели капитализма и на ускореніи социальной революціи. Реформы, направленные ко благу народныхъ массъ, онѣ считаютъ съ одной стороны бесполезными, съ другой стороны опасными, поскольку задерживается ими борьба классовъ. Главная цѣль парламентарской дѣятельности ортодоксальныхъ социалъ-демократовъ заключается въ пропагандированіи социалистическихъ идей. Лишь въ послѣднее время правая вѣтвь ихъ, ревизионисты или социалисты-радикалы, стала проводить тактику уступокъ и постепенныхъ реформъ ¹⁾, но и она въ силу своего тяготѣнія къ конечнымъ социалистическимъ цѣлямъ нерѣдко страдаетъ утопичностью и тенденціозностью своихъ требованій. Другія партіи, какъ напр. „Союзъ землевладельцевъ“, партія монархическая и партія представителей промышленности и торговли, склонны проводить принципъ манчестерства, представляя рѣшеніе социального вопроса главнымъ образомъ естественному ходу вещей. На путь социаль-

¹⁾ О тактикѣ социалъ-демократіи см. въ книгѣ Севьбоса: Политическая исторія современной Европы. Т. II. Стр. 615—619.

ной политики становятся партіи правового порядка, прогрессивная экономическая, „Союзъ 17 октября“ и конституціонно-демократическая. Но программы первыхъ трехъ партій страдаютъ отчасти нѣкоторою неопредѣленностью и неполнотою, отчасти палліативностью предлагаемыхъ ими мѣръ. Наиболѣе удачное рѣшеніе социальнаго вопроса для ближайшаго будущаго даетъ партія конституціонно-демократическая ¹⁾.

Связь социальнаго и политическаго строя.

Въ одну изъ добрыхъ минутъ надменный Людовикъ XIV воскликнулъ: „еслибы на то милость Божія, я попытался бы до такой степени водворить счастье въ моемъ государствѣ, что не было бы воистину болѣе ни бѣднаго, ни богатаго, такъ какъ навѣки исчезли бы между людьми всякія различія“.

¹⁾ Къ конституціонно-демократической партіи близко подходитъ недавно образовавшаяся въ Петербургѣ новая политическая партія „демократическихъ реформъ“. Особенно подробно разработана новой партіей аграрная программа. Партія признаетъ необходимымъ надѣленіе крестьянъ землею до нормъ высшаго или указаго надѣла 1861 г., а, гдѣ возможно, то и выше этой нормы; сверхъ государственныхъ и удѣльныхъ земель на увеличеніе крестьянскаго землевладѣнія должны пойти въ нужномъ размѣрѣ и частновладѣльческія, отчуждаемая за счетъ государства; оцѣнка этихъ земель должна производиться путемъ капитализаціи изъ 5% или 6% нормальной доходности ихъ въ данной мѣстности при условіи самостоятельнаго веденія хозяйства. Для частнаго землевладѣнія устанавливается низшій и высшій размѣръ; имѣнія, не достигающія извѣстной нормы (норма эта различна для отдѣльныхъ мѣстностей, но во всякомъ случаѣ не выше 100 дес.), не подлежатъ отчужденію, если въ нихъ ведется самостоятельное хозяйство и если они не служатъ препятствіемъ для сосѣднихъ крестьянскихъ хозяйствъ; имѣнія же выше извѣстной максимальной нормы могутъ подлежать отчужденію независимо отъ потребности поселянъ данной мѣстности; не подлежатъ отчужденію, во съ особаго въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ разрѣшенія закона, имѣнія съ образцовымъ хозяйствомъ, имѣющія культурное значеніе.

Въ программѣ по рабочему вопросу отличія новой партіи отъ конституціонно-демократической сводятся къ тому, что, признавая за рабочими право стачекъ, она въ то же время оговариваетъ въ примѣчаніи, что „вопросъ о возможности отступленія въ законодательномъ порядкѣ отъ этого общаго правила въ отношеніи нѣкоторыхъ видовъ стачекъ оставляется открытымъ“. Кромѣ того партія демократическихъ реформъ не включаетъ въ свою программу 8-ми часового рабочаго дня даже съ тѣми оговорками, которыя приняты конституціоналистами-демократами, а говоритъ лишь о „возможно большемъ сокращеніи рабочаго дня въ зависимости отъ техническихъ условій производства“ (*Русск. Вѣд.* 19 янв.).

чія по имуществу, по призванію или по уму“. Исторія знаетъ не мало такихъ трогательныхъ словъ, но, увы, большею частью только словъ. У того же Людовика XIV въ дѣйствительности оказалось больше умѣнья разорить государство, чѣмъ осчастливить народъ. Однако было бы большой несправедливостью винить лишь самихъ монарховъ за то, что они много говорили, но мало дѣлали для счастья народа. Еслибы неограниченные монархи попристальнѣе посмотрѣли на тѣ основы, на которыхъ покоились ихъ троны, они увидѣли бы, что среди этихъ основъ капиталъ во всѣхъ его видахъ и разнаго рода привилегіи составляютъ едва ли не центральное мѣсто. Естественно поэтому, что въ тотъ самый моментъ, когда монархъ собирался бы объявить войну капиталу и привилегированности въ защиту сѣдныхъ и слабыхъ, онъ почувствовалъ бы, какъ колеблется его тронъ, и какъ онъ самъ слабѣетъ. Идти противъ господствующихъ классовъ и буржуазіи для монарха почти тоже, что рубить сукъ, на которомъ сидишь. Неудивительно поэтому, что тотъ, кто говорилъ: „государство—это я“, въ тоже время снималъ шляпу и унижался въ своемъ версальскомъ дворцѣ передъ евреемъ Самуиломъ Бернаромъ, тогдашнимъ Ротшильдомъ, чтобы выпросить у него заемъ. Правда, монархи вступали иногда въ борьбу съ господствующими классами, но это дѣлали они не ради низшихъ классовъ, а въ своихъ собственныхъ интересахъ, и часто, чтобы примирить съ собою сильныхъ, отдавали имъ въ жертву слабыхъ.

Вполнѣ понятно, что тѣ соціальныя реформы, которыя направлены къ возможному уравнию классовъ, не подъ силу такъ называемымъ неограниченнымъ монархамъ, какъ бы сильно ни были они проникнуты желаніями добра. Соціальная политика возможна лишь тамъ, гдѣ къ власти призванъ весь народъ, всѣ классы. Демократическія соціальныя реформы требуютъ болѣе или менѣе демократическаго государственнаго строя. Вотъ почему чѣмъ радикальнѣе соціально - экономическія реформы, требуемыя тѣми или другими политическими партіями, тѣмъ болѣе демократическій характеръ носятъ ихъ политическіе идеалы. Если умѣренныя партіи довольствуются конституціонной монархіей, то крайнія требуютъ демократической республики. Только въ послѣдней онѣ видятъ всѣ гарантіи для будущей побѣды

пролетаріата. Напротивъ, партіи, имѣющія свою цѣлью отстоять привилегированность господствующихъ классовъ, чувствуютъ тяготѣніе къ монархическому абсолютизму.

Впрочемъ связь социальныхъ реформъ съ политическимъ строемъ въ указанномъ нами смыслѣ не слѣдуетъ преувеличивать. Исторія оставляетъ въ настоящее время внѣ всякаго сомнѣнія тотъ фактъ, что конституціонная монархія можетъ вступить на путь социальныхъ реформъ съ неменьшимъ, выражаясь скромно, успѣхомъ, чѣмъ республика. Примѣромъ этого можетъ служить Англія и Германія. На амстердамскомъ конгрессѣ германскій социаль-демократъ Бебель, отвѣчая на рѣчь французскаго социалиста Жореса, говорилъ между прочимъ. „Конечно, Германія — страна реакціонная, феодальная, полицейская страна, съ наихудшимъ правительствомъ во всей Западной Европѣ. И мы знаемъ это очень хорошо, такъ какъ кому же, какъ не намъ, приходится ежедневно бороться съ этимъ режимомъ; и мы нисколько не нуждаемся въ томъ, чтобы иностранцы приходили указывать намъ, въ какихъ плачевныхъ условіяхъ мы находимся... Какъ бы сильно мы ни завидовали вамъ, французы, вашей республикѣ, и какъ бы мы ни желали ея для насъ, мы не стали бы разбивать изъ за нея свои головы: не стоитъ того... Монархія не такъ плоха и буржуазная республика тѣмъ болѣе не такъ ужъ хороша, какъ вы ихъ воображаете. Даже въ нашей Германіи, въ царствѣ милитаризма, аграріевъ и буржуазіи, имѣются учрежденія, которыя для вашей буржуазной республики являются пока еще идеаломъ. Взгляните на законодательство о налогахъ въ Пруссіи и другихъ союзныхъ государствахъ и сравните его съ французскимъ. Я не знаю въ Европѣ другой страны съ такой несчастной, такой реакціонной, такой эксплуататорской системой налоговъ, какъ Франція. Въмѣсто этой системы высасыванія, съ бюджетомъ въ 3½ миллиарда фр., мы имѣемъ по крайней мѣрѣ прогрессивный налогъ на доходы и наслѣдства. А когда рѣчь идетъ объ осуществленіи требованій рабочаго класса, буржуазная республика выдвигаетъ всѣ свои силы противъ рабочихъ. Гдѣ видѣли вы болѣе циничное, болѣе скотское, болѣе мерзкое обращеніе съ рабочими, чѣмъ въ великой заокеанской буржуазной республикѣ, являющейся идеаломъ для столькихъ людей?.. Я завидую вашей республикѣ исключительно

изъ за всеобщаго избирательнаго права при выборахъ во всѣ учрежденія. Но я говорю вамъ, не скрывая: еслибы мы имѣли такое широкое и свободное избирательное право, какъ вы, мы показали бы вамъ совсѣмъ иное, чѣмъ вы показали намъ до сихъ поръ“¹⁾. Противъ справедливости этихъ словъ едвали можно возразить что нибудь. Такимъ образомъ на почвѣ однихъ социальныхъ требованій строить политическіе идеалы невозможно. Они отличались бы въ такомъ случаѣ крайнею неопредѣленностью и неустойчивостью. У нихъ есть свой самостоятельный критерій, который заключается въ болѣе или менѣе опредѣленныхъ юридическихъ принципахъ. Къ разсмотрѣнію послѣднихъ мы и переходимъ.

Монархическій абсолютизмъ.

Въ неограниченной монархіи вся государственная власть, законодательная, исполнительная и судебная, совмѣщается въ рукахъ одного человѣка и зависитъ отъ его только воли. Всякій чиновникъ отъ министра до полицейскаго по идеѣ является простымъ исполнителемъ монаршей воли. „Еслибы это было возможно, говоритъ Майеръ, въ силу человѣческой природы, онъ все дѣлалъ бы самъ. Такъ остается по крайней мѣрѣ принципъ, что ни одинъ предметъ государственнаго управленія не изъять изъ области его непосредственной дѣятельности“²⁾. Сосредоточивая въ своемъ лицѣ всю государственную власть, монархъ не имѣетъ надъ собой никакой другой власти, никакого обязательнаго закона, такъ какъ источникомъ законовъ является онъ самъ. Онъ руководится лишь собственнымъ усмотрѣніемъ и никому не обязанъ давать отчета. Онъ отвѣтственъ лишь передъ Богомъ, да совѣстью. Конечно „праву съ этимъ нечего дѣлать“, замѣчаетъ Майеръ. Въ неограниченной монархіи нельзя себѣ и представить такого закона, который былъ бы обязателенъ для самого монарха. Какъ скоро тотъ или другой законъ начинаетъ мѣшать извѣстнымъ цѣлямъ, онъ замѣняетъ его другимъ. „Абсолютный монархъ, говоритъ Шульце, только до тѣхъ поръ связанъ закономъ, пока законъ существуетъ,

¹⁾ Амстердамскій конгрессъ. Рѣчи Геда, Бебеля и Вальяна. Стр. 7—8.

²⁾ Политическій строй современныхъ государствъ. Сборникъ статей. Т. I. стр. 20.

а такъ какъ законъ въ его власти, то слѣдовательно только до тѣхъ поръ, какъ онъ самъ этого захочетъ¹⁾. Законы священны для монарха, пока не отмѣнены; но въ отмѣнѣ закона никто и ничто ограничить его не можетъ. Правда и въ абсолютной монархіи различаются законы и правительственныя распоряженія. Но, во-первыхъ, отличаясь по своему происхожденію, они одинаково обязательны для подданныхъ; а между тѣмъ личными распоряженіями монархъ всегда можетъ отмѣнить дѣйствіе извѣстнаго закона. Во-вторыхъ, и законы въ собственномъ смыслѣ выражаютъ собою волю монарха. Онъ выслушиваетъ мнѣніе законо-совѣщательнаго учрежденія, но это мнѣніе для него необязательно.

За невозможностью для монарха осуществить принципы абсолютизма собственными силами, является нужда въ посредствующихъ органахъ. Все эти органы по идеѣ суть орудія монаршей власти. По отношенію къ подданнымъ они представляютъ самого государя и въ предѣлахъ своихъ полномочій они юридически неограничены. Правда, административный законъ возлагаетъ извѣстныя обязательства на каждаго чиновника, но онъ обязываетъ его по отношенію лишь къ высшей власти, а не по отношенію къ подданнымъ. Для послѣднихъ онъ оказывается въ положеніи „государя въ миниатюрѣ“ или „маленькаго регента“, по выраженію одного нѣмецкаго писателя. Подданные обязаны повиноваться его мѣропріятіямъ безъ разсужденій. Разница лишь въ томъ, что на него можно жаловаться высшему чиновнику, который также въ предѣлахъ своихъ правъ можетъ сдѣлать все, что хочетъ²⁾. Такимъ образомъ и бюрократія подобно монарху оказывается внѣ закона, надъ закономъ. Будучи по идеѣ лишь орудіемъ монаршей власти, на практикѣ она становится болѣе или менѣе самостоятельною властью. Стремясь къ неограниченному господству въ административной области, бюрократія намѣренно скрываетъ отъ монарха истинное положеніе вещей, представляетъ его въ тенденціозномъ освѣщеніи, выгодномъ для ея интересовъ и власти. Велѣдствіе этого самъ монархъ, юридически будучи неограниченнымъ, фактически становится въ зависимость отъ бюрократіи. Смотря

1) Ibid. Стр. 31.

2) Ср. ibid. Стр. 23.

на все ея глазами, онъ невольно диктуетъ то, что ей угодно. Такимъ образомъ монархъ остается часто номинальною властью, а вся реальная власть переходитъ къ бюрократіи. Самодержавная монархія превращается тогда въ самодержавную бюрократію.

Само собою разумѣется, что рядомъ съ неограниченными правами одного не можетъ быть мѣста какимъ нибудь неприкосновеннымъ правамъ другого. Разъ объемъ правительственной власти неограниченъ, у подданныхъ не можетъ быть правъ по отношенію къ этой власти. У такой власти можно лишь просить, но нельзя требовать. Въ случаѣ ея незаконнаго распоряженія подданный не можетъ обратиться къ суду, но можетъ жаловаться лишь по начальству, т. е. тѣмъ же органамъ, отъ которыхъ исходитъ незаконное распоряженіе. Монархъ можетъ предоставить населенію извѣстную свободу, но лишь въ той степени, какая ему въ данную минуту желательна, при чемъ за нимъ всегда сохраняется право измѣнить или отмѣнить тѣ или другія гражданскія права. Такимъ образомъ права эти являются не правами собственно, а свободными дарами монарха. Итакъ подданный въ абсолютной монархіи въ сущности безправенъ. Онъ несетъ обязанности по отношенію къ правительственной власти, но не имѣетъ въ отношеніи къ ней никакихъ правъ, такъ какъ она внѣ закона и надъ закономъ. Произволъ съ одной стороны и безправіе съ другой—это необходимые атрибуты монархическаго абсолютизма. Еще Кантъ назвалъ абсолютную монархію государствомъ произвола. А императоръ Александръ въ отвѣтъ на льстивыя похвалы м-ше Сталь благодѣтельному деспотизму сказалъ: „да, сударыня, но это только счастливая случайность“.

Суверенитетъ народа.

Абсолютизмъ монарха, какъ политическій идеалъ, покоится на одномъ изъ трехъ представленій. Монархъ представляется стоящимъ 1) надъ государствомъ, 2) внѣ государства или 3) составною частью государства ¹⁾. Въ первомъ случаѣ онъ является божествомъ или намѣстникомъ божества, во вто-

¹⁾ Еллинекъ. Право современнаго государства. Стр. 447.

ромъ—собственникомъ государства¹⁾ въ третьемъ—представителемъ государства. Легко видѣть, что всѣ эти идеи не выдерживаютъ здоровой критики. Не говоря уже о томъ, что грубое понятіе о государствѣ, какъ собственности монарха, безусловно несомвѣстимо съ представленіемъ о государствѣ, какъ совокупности личностей, и религиозное представленіе о монархической власти есть очевидно остатокъ самообожанія языческихъ государей. Библия же, какъ мы говорили уже въ предисловіи, не признаетъ неограниченныхъ правъ за царскою властью и скорѣе склонна смотрѣть на монархію, какъ на форму государственнаго устройства, наименѣе соотвѣтствующую ея религиознымъ и нравственнымъ идеаламъ²⁾. Что касается болѣе естественнаго и болѣе распространеннаго въ настоящее время представленія о монархѣ, какъ представителѣ государства или народа, то оно скрываетъ въ себѣ то самое, что силится отрицать. Въ какой бы формѣ ни мыслилась эта представительная роль монарха, во всякомъ случаѣ основой и источникомъ его власти является не самъ монархъ, а то, что онъ представляетъ, т. е. государство или народъ. Утверждая свою власть на волѣ народа и въ тоже время ставя ее внѣ зависимости отъ народа, монархическій абсолютизмъ содержитъ въ себѣ внутреннее непримиримое противорѣчіе. „Если даже понимать абсолютную монархію въ самомъ благородномъ смыслѣ слова, говорить (фонъ-Трейчке, въ формѣ просвѣщеннаго абсолютизма, гдѣ одинъ человѣкъ стоящій во главѣ, только для того снабженъ громадною властью, чтобы тѣмъ энергичнѣе содѣйствовать благосостоянію народа, то и здѣсь очень скоро выясняется необходимость править не только для народа, но и при помощи народа, такъ, чтобы населеніе тѣмъ или другимъ путемъ принимало участіе въ управленіи государствомъ“³⁾.

Для того, чтобы уяснить себѣ, кому именно принадлежитъ въ государствѣ первоначальная верховная власть, или су-

¹⁾ Людовикъ XIV говорилъ: „все, находящееся на протяженіи нашихъ государствъ, какой бы природы оно ни было, все принадлежитъ намъ на одинаковомъ основаніи“.

²⁾ См. нашу статью „Библия и царская власть“ въ Богъ Вѣсти. 1905. Ноябрь.

³⁾ Политическій строй. Стр. 1.

веренитеть, извѣстный американскій государствовѣдъ Вудро Вильсонъ вмѣсто всякихъ отвлеченныхъ разсужденій рекомендуетъ обратиться къ простому примѣру. Въ Англіи суверенитеть приписывается обыкновенно законодательной власти—парламенту, дѣйствующему съ согласія короля. Все, что предписывается парламентскимъ актомъ, получаетъ силу закона, хотя бы онъ противорѣчилъ принципамъ конституціоннаго права. Такова теорія. Но представьте себѣ, что парламентъ въ одинъ прекрасный день вздумалъ нарушить эти принципы. Нѣтъ сомнѣнія, что его постановленіе было бы отвергнуто народомъ и не получило бы силы закона, а члены парламента, виновные въ немъ, были бы немедленно исключены изъ него. Отсюда ясно, что даже парламентъ не полный властелинъ; его постановленія имѣютъ силу постольку, поскольку они толкуютъ волю народа или по крайней мѣрѣ не противорѣчатъ ей ¹⁾. Тоже самое конечно слѣдуетъ сказать и о монархѣ. Его неограниченная власть, признаваемая юридически, фактически связана такъ или иначе волей народа. Если бы монархъ рѣшился идти противъ воли всего народа, онъ могъ бы быть лишенъ своей власти. Такимъ образомъ очевидно, что первоначальная верховная власть принадлежитъ собственно народу. Государи же и парламенты являются лишь органами ея. Суверенитеть, какъ говорятъ теперь, *принадлежитъ* государству или народу и лишь *осуществляется* парламентомъ и монархомъ ²⁾.

Избирательное право.

Если суверенитеть принадлежитъ народу, то законодательство должно быть выраженіемъ воли народа. Однако народъ не имѣетъ физической возможности непосредственно осуществлять свою власть. Онъ можетъ это дѣлать лишь чрезъ посредство своихъ представителей. Такъ какъ въ свободномъ государствѣ, говоритъ Монтескье, всякій человекъ, который почитается имѣющимъ свободную душу, долженъ управ-

¹⁾ Государство, Стр. 534—535.

²⁾ Третья статья деклараціи правъ гласитъ: „основа всякаго верховенства по самому существу своему покоится въ народѣ. Никакое учрежденіе и никакое лицо не могутъ осуществлять власти, которая не исходитъ отъ него именно“.

лать самъ собою, то весь народъ въ цѣломъ долженъ обладать законодательною властью; но такъ какъ это невозможно въ большихъ государствахъ и сопряжено съ многими неудобствами въ маленькихъ, то нужно, чтобы народъ дѣлалъ чрезъ своихъ представителей все то, чего онъ не можетъ дѣлать самъ“¹⁾). Изъ того, что представители народа призваны осуществлять не свои собственные права, а полномочія, полученныя отъ народа, т. е. отъ всей совокупности составляющихъ государство лицъ, само собою вытекаютъ слѣдующіе выводы.

1. Какъ активное (право избирать), такъ и пассивное (право быть избираемымъ) избирательное право ни въ какомъ случаѣ не должно связываться съ какими-либо сословными и имущественными ограниченіями. Всякое ограниченіе подобнаго рода дѣлаетъ народныхъ представителей выразителями интересовъ не цѣлаго народа, не всей совокупности гражданъ, а только имущихъ и господствующихъ классовъ, что противорѣчитъ идеѣ народнаго представительства. Имущественный цензъ сохранился въ настоящее время лишь въ очень немногихъ государствахъ: въ Венгріи, Кроаціи, Швеціи, Люксембургѣ, Сербіи и отчасти въ Англии, гдѣ онъ сводится къ требованію самостоятельнаго домохозяйства. Нельзя признать справедливымъ и требованіе ослѣдствіемъ избирателя, вошедшее въ нашъ избирательный законъ, такъ какъ оно является замаскированнымъ имущественнымъ цензомъ. Оно тѣмъ болѣе нежелательно у насъ въ Россіи, гдѣ значительная часть населенія, одна съѣтомъ, другая зимой, живетъ отхожимъ промысломъ. По петербургской переписи 1890 г. въ числѣ жителей Петербурга оказалось 51.779 мужчинъ старше 16 лѣтъ, поселившихся въ столицу въ годъ переписи. По статистикѣ 80-хъ годовъ въ Тверской губерніи изъ 100 наличныхъ работниковъ 40 находили себѣ занятіе въ отхожихъ промыслахъ. Такимъ образомъ нашъ избирательный законъ, требующій ослѣдствія въ одинъ годъ для горожанъ, долженъ лишитъ избирательнаго права довольно значительную часть трудового населенія. Во избѣжаніе массовыхъ передвиженій избирателей изъ одного округа въ другой, на опасность которыхъ указывалъ

1) Духъ законовъ. Кн. IX. Гл. Минденъ языкъ, умотъ ондодонъ, гмод

напр. М. Ковалевскій, достаточно установить окончательное составленіе избирательныхъ списковъ за 2—3 недѣли до выборовъ. Едва ли можно указать какія либо серьезныя принципиальныя причины къ устраненію отъ выборовъ и женщинъ, хотя повсюду за исключеніемъ нѣкоторыхъ американскихъ штатовъ, Новой Зеландіи и Южной Австраліи женщина до сихъ поръ еще приравнивается въ этомъ отношеніи къ дѣтямъ и умалишеннымъ. Всѣ доводы противъ избирательнаго права женщинъ, какъ справедливо замѣтилъ знаменитый защитникъ женскихъ правъ Д. С. Милль, сводятся къ однимъ междометіямъ. Если избирательное право не мѣшаетъ мужчинамъ посвящать своимъ занятіямъ почти все свое время, то нѣтъ поводовъ опасаться, что оно отвлечетъ женщину отъ ея дѣла. Съ другой стороны, если въ женщинѣ дѣйствительно хотятъ видѣть товарища мужа, его надежнаго совѣтника, то странно отстранять ее отъ вопросовъ общественной и государственной жизни. Думать же, что нравственное вліяніе женщины на общественную жизнь не можетъ быть полезно, думать такъ, во-первыхъ, несправедливо, во-вторыхъ непоследовательно, разъ ей ввѣряется нравственное воспитаніе будущихъ поколѣній. Единственно законнымъ слѣдуетъ признать устраненіе отъ выборовъ лицъ, не достигшихъ извѣстнаго возраста, гарантирующаго умственную и нравственную зрѣлость, лишенныхъ гражданской правоспособности по суду или вслѣдствіе болѣзни и пожалуй состоящихъ на военной службѣ. Въ большей части странъ (во Франціи, Англии, Греціи, Италіи, Португаліи, Сѣверо-Американскихъ Штатахъ и др.) для избирателей требуется 21-лѣтній возрастъ, въ Австріи—24 года, въ Бельгіи, Германіи, Пруссіи и др. 25 л., въ Даніи даже 30 лѣтъ. По нашему закону необходимъ 25-лѣтній возрастъ. Нельзя сказать, чтобы требованіе такого возраста гармонировало съ общимъ закономъ, признающимъ совершеннолѣтними и способными къ военной службѣ всѣхъ гражданъ, достигшихъ 21 года. Надо имѣть въ виду отличительныя черты возраста отъ 21 до 25 лѣтъ, чтобы понять, что теряетъ государство, и что приобретаетъ правительство, устраняя отъ выборовъ молодыхъ людей.

2. Принципъ единаго національнаго суверенитета требуетъ собственно, чтобы каждый депутатъ избирался всѣмъ народомъ, подобно тому, какъ избирается президентъ Соединен-

ныхъ Штатовъ, и лишь въ силу физической необходимости избраніе представителей производится группами лицъ, по округамъ. Однако эти группы дѣйствуютъ отъ имени всего народа, и депутаты, избранные ими, являются представителями отнюдь не этихъ группъ, но всей націи. Отсюда понятно, что депутатъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть разсматриваемъ, какъ представитель мѣстныхъ интересовъ, выразитель классовыхъ или корпоративныхъ желаній, защищающій лишь выгоды избранной его группы. Онъ получаетъ полномочія отъ всей націи и потому долженъ представлять ея интересы. Поэтому депутаты не могутъ быть избираемы группами, объединенными классовыми и экономическими интересами, напр. рабочими синдикатами, классами землевладѣльцевъ и т. д. Классовые выборы, противорѣча принципамъ національнаго суверенитета, въ тоже время нарушаютъ равенство избирательнаго права. Такъ какъ избирательное право есть принадлежность лица, а отнюдь не имущества, то всѣ граждане должны имѣть безусловно одинаковое право выбора, точно такъ же, какъ они имѣютъ одинаковое право на свободу вѣры, слова и т. д. Отсюда каждое лицо должно имѣть не только одинъ, но и одинаковый голосъ. Если 100 землевладѣльцевъ избираютъ одного депутата и 1000 крестьянъ тоже одного депутата, то очевидно голосъ землевладѣльца равенъ 10 голосамъ крестьянъ. Точно также, если въ выборѣ одного и того же депутата участвуютъ 10 землевладѣльцевъ, имѣющихъ по 500 десятинъ земли, 10 уполномоченныхъ отъ ста мелкихъ землевладѣльцевъ и 10 уполномоченныхъ отъ 10000 крестьянъ, то, очевидно, голосъ одного крупнаго землевладѣльца будетъ равносильенъ 1000 крестьянскихъ голосовъ¹⁾. Послѣдній случай имѣетъ мѣсто въ нашемъ избирательномъ законѣ. Его цѣль поддержаніе политическаго вліянія господствующихъ классовъ. Она очень откровенно указывается въ самой объяснительной запискѣ къ закону. „При данной системѣ, читаемъ мы здѣсь, группы населенія доходятъ до Государственной Думы въ томъ же примѣрно численномъ соотно-

¹⁾ По нашему подсчету изъ 5826 выборщиковъ для 51 губ. 2530 избираются съѣздами уполномоченныхъ отъ волостей т. е. крестьянъ, свыше 1950—съѣздами землевладѣльцевъ и ок. 1340—городскими избирателями.

шеніи, въ какомъ степень вліянія этихъ классовъ проявляется въ дѣйствительной жизни“. Подъ „степенью вліянія“ слѣдуетъ разумѣть конечно состоятельность и привилегированность извѣстныхъ классовъ. Нашъ законъ слѣдовательно обслуживаетъ преимущественно интересы богатыхъ и привилегированныхъ особъ.

3. Равенство избирательнаго права требуетъ непосредственнаго участія каждаго гражданина въ выборѣ депутата. Если всѣ граждане имѣютъ одинаковое право въ избраніи народнаго представителя, то нѣтъ основаній лишать ихъ возможности лично осуществлять это право, разъ этому не препятствуетъ физическая невозможность. Непрямая подача голосовъ, вводя третьихъ лицъ между населеніемъ и депутатами, искусственно преломляетъ такъ сказать народную волю и въ тоже время нарушаетъ равенство между избирателями, придавая преувеличенное значеніе избирателямъ второй и третьей степени. Страдая принципиальными недостатками, косвенные выборы и практически оказываются мало цѣлесообразными. Тамъ, гдѣ примѣняются они, какъ показалъ опытъ, въ выборщики попадають обыкновенно тѣ лица, которыя обѣщаютъ голосовать за извѣстныхъ депутатовъ. Съ другой стороны косвенные выборы даютъ больше возможности для злоупотребленій со стороны администраціи и состоятельныхъ лицъ, такъ какъ легче склонить въ пользу того или другаго кандидата незначительное количество выборщиковъ, чѣмъ массу избирателей. Вотъ почему прямые выборы приняты въ настоящее время большей частью государствъ, Англіей, Франціей, Бельгіей, Германіей, Швейцаріей, Италіей, Венгріей, Даніей, Испаніей и др.; косвенные же практикуются въ немногихъ нѣмецкихъ государствахъ и частью въ Австріи, Швеціи, Кroatіи и Румыніи. Нашъ избирательный законъ, устанавливающій двухстепенные, трехстепенные и даже четырехстепенные выборы, какъ и въ другихъ отношеніяхъ, вмѣсто того, чтобы воспользоваться опытомъ другихъ странъ, повторяетъ ихъ прежнія ошибки.

4. Къ указаннымъ нормамъ избирательнаго права присоединяется еще чисто практическое, но весьма важное требованіе тайной подачи голосовъ, гарантирующее независимость экономически-подавленныхъ массъ избирателей. Тайное голосованіе примѣняется теперь повсюду, кромѣ Венгріи

и Давидъ. Всѣ вышеизложенныя нормы избирательнаго права приняты въ формулу всеобщей, прямой, равной и тайной подачи голосовъ. Что касается теперь отношенія нашихъ политическихъ партій къ избирательному вопросу, то всѣ главныя партіи (умѣренно-прогрессивная, конституціонно-демократическая, партія свободомыслящихъ и крайнія) настаиваютъ на всеобщей, прямой, равной и тайной подачѣ голосовъ. Партія правоваго порядка и торгово-промышленная ничего не говорятъ объ избирательномъ правѣ, прогрессивно-экономическая и „Союзъ 17 октября“ ограничиваются лишь требованіемъ общаго избирательнаго права. Само собою разумѣется, что въ программахъ монархическихъ партій не можетъ быть никакой рѣчи объ избирательномъ правѣ.

Одна палата или двѣ?

Принципъ народнаго суверенитета требуетъ повидимому одной палаты. На самомъ дѣлѣ, если законодательство есть проявленіе единой народной воли, то нельзя давать послѣдней одновременно два противорѣчивыхъ выраженія. Нельзя себѣ представить, чтобы въ двухъ законодательныхъ собраніяхъ народъ въ одно и тоже время говорилъ и да, и нѣтъ, т. е. имѣлъ двѣ воли. Къ этому теоретическому доводу въ пользу одной палаты присоединяется и то практическое соображеніе, что система двухъ палатъ служитъ обыкновенно тормазомъ для политическаго и соціальнаго прогресса, то замедляя вотированіе законовъ, то препятствуя проведенію важныхъ реформъ и т. д. Нельзя сказать однако, чтобы эти доводы были слишкомъ убѣдительны. Върняя законодательную власть двумъ палатамъ, народъ выражаетъ свою волю не порознь въ каждой изъ нихъ, а въ ихъ гармоническомъ единеніи, въ ихъ взаимномъ согласіи. Слѣдовательно и здѣсь воля народная—одна, одно и представительство народнаго суверенитета. Что касается задерживающаго вліянія второй палаты, то его признать необходимо; но оно приноситъ въ результатъ больше пользы, чѣмъ вреда. При одномъ собраніи даже и мало обдуманная и ошибочная рѣшенія могли бы немедленно получить силу закона и принести государству непоправимый вредъ. Перерѣшенія палаты, вызванныя

сознаіемъ ошибки, внося неустойчивость въ жизнь государства, въ то же время служатъ къ ослабленію авторитета законодательнаго собранія. Система двухъ палатъ является хорошимъ средствомъ противъ законодательнаго увлеченія и гарантируетъ отъ опасныхъ промаховъ. Особенно полезна она тамъ, гдѣ народъ не имѣетъ еще политической зрѣлости и уравновѣшанности. Помимо этого существованіе двухъ палатъ имѣетъ свой *raison d'être* и съ точки зрѣнія принципа обособленія властей, о которомъ мы скажемъ ниже. Законодательная власть по самой природѣ своей сильнѣе всѣхъ другихъ властей. Посредствомъ законовъ она регулируетъ ихъ дѣятельность, а чрезъ вотированіе налоговъ можетъ совсѣмъ пріостановить ее. И какъ это бываетъ всегда, будучи доминирующей въ государствѣ, она стремится еще болѣе расширить поле своей дѣятельности и своихъ правъ. „Замѣчено, говоритъ Story, что законодательная власть постоянно расширяетъ во всѣхъ направленіяхъ сферу своей дѣятельности и втягиваетъ всю власть въ свой стремительный водоворотъ. Если законодательная власть находится безраздѣльно въ одномъ собраніи, то на практикѣ не существуетъ болѣе никакихъ ограниченій для безпредѣльнаго проявленія этой власти; нѣтъ больше никакихъ преградъ для какой бы то ни было узурпаціи съ ея стороны, которую она будетъ стараться оправдывать необходимостью или высшими соображеніями общественнаго блага“¹⁾. Что подобныя опасенія не плодъ одного воображенія, въ этомъ легко убѣдиться, припомнимъ исторію французскаго Конвента и англійскаго Долгаго парламента. Система двухъ палатъ умѣряетъ силу законодательной власти, обеспечиваетъ извѣстную независимость исполнительной власти и въ тоже время служить буферомъ при неизбѣжныхъ столкновеніяхъ между ними, предохраняя государство отъ опасныхъ переворотовъ. „Необходимость двухъ палатъ, говоритъ Брайсъ, стала теперь аксіомой политической науки“²⁾. Двухпалатная система принята почти во всѣхъ представительныхъ государствахъ. Все это однако нисколько не говоритъ за то, что верхняя

1) А. Эменъ. Общія основанія конституціоннаго права. Перев. подъ ред. В. Дерюжинскаго. 1898. Стр. 56.

2) *ibid.*

палата должна формироваться именно такимъ образомъ, какимъ она формируется въ настоящее время. Принципъ народнаго суверенитета требуетъ, чтобы она состояла изъ выборныхъ членовъ. Для приданія же ей большей устойчивости можно установить болѣе зрѣлый возрастъ для ея членовъ, болѣе продолжительный срокъ полномочій и т. д.

Вполнѣ понятно, что социалистическія партіи, мечтающія о мирной революціи рабочаго класса, и радикалы, имѣющіе тяготѣніе къ социалистическимъ идеаламъ, естественно должны настаивать на однопалатной системѣ. Вторая палата, хотя бы она состояла изъ выборныхъ представителей, должна казаться имъ лишнимъ препятствіемъ, нежелательнымъ тормазомъ при осуществленіи ихъ конечной цѣли. Всѣ прочія партіи, стоящія на почвѣ конституціи, требуютъ двухпалатной системы, одобренной и признанной долговременнымъ опытомъ Западной Европы. Исключеніе составляютъ партія конституціонно-демократическая и партія свободомыслящихъ, оставляющія вопросъ о двухъ или одной палатѣ открытымъ. Это служитъ очевиднымъ признакомъ присутствія въ этихъ партіяхъ радикальнаго элемента.

Референдумъ и народная инициатива.

Если физически невозможно прямое участіе народа въ законодательномъ творествѣ по примѣру древнихъ демократій, гдѣ законы постановлялись на общенародныхъ собраніяхъ, то нельзя ли предоставить народу право окончательной санкции выработанныхъ законодательнымъ собраніемъ проектовъ? Мысль о всенародномъ голосованіи по крайней мѣрѣ важнѣйшихъ законовъ была примѣнена на практикѣ во Франціи, Америкѣ и особенно Швейцаріи. Во Франціи прямое голосованіе нѣсколько разъ практиковалось въ отношеніи къ конституціонному законодательству, однако всякій разъ неудачно. Двѣ конституціи, утвержденныя народнымъ голосованіемъ, совсѣмъ не были приведены въ дѣйствіе, третья (1870 г.) просуществовала лишь 3 мѣсяца. Въ Америкѣ прямое голосованіе примѣняется лишь въ отдѣльныхъ штатахъ, но въ пересмотрѣ федеральной конституціи народъ не участвуетъ. Родиной прямого законодательства слѣдуетъ считать Швейцарію, гдѣ оно существуетъ не только

въ отдѣльных кантонахъ, но и въ союзномъ правленіи. Развившись изъ стариннаго обычая для рѣшенія важнѣйшихъ вопросовъ созывать общенародныя собранія или спрашивать все населеніе, оно выражается здѣсь въ настоящее время въ двухъ формахъ, въ формѣ референдума и народной инициативы. Первый состоитъ въ томъ, что проектъ законодательнаго собранія представляется на судъ всего народа, который выражаетъ свое одобреніе или неодобреніе по большинству голосовъ, вторая даетъ право извѣстному количеству гражданъ требовать опроса всего народа относительно той или другой предлагаемой ими реформы. Что касается результатовъ прямого законодательства, то въ общемъ ихъ слѣдуетъ признать скорѣе удовлетворительными. „Семнадцать лѣтъ состою я въ числѣ представителей швейцарскаго народа, говоритъ Курти, и я убѣжденъ, что референдумъ лишь мало добрыхъ намѣреній помѣшалъ намъ осуществить, но, несомнѣнно, предотвратилъ не одно зло тѣмъ, что стоялъ передъ нами въ качествѣ предостереженія“¹⁾. Эменъ, вообще довольно скептически относящійся къ референдуму, долженъ былъ признать, „что народъ чаще всего высказываетъ себя вообще мудрымъ, далекимъ отъ крайнихъ тенденцій и экономичнымъ въ отношеніи къ общественнымъ средствамъ“²⁾. Правда, указываютъ на два вредныя слѣдствія прямого законодательства, именно на постепенное уменьшеніе количества голосующихъ, что свидѣтельствуешь повидимому о развивающемся индифферентизмѣ народа, и на паденіе авторитета законодательныхъ собраній, что въ свою очередь можетъ вредно отозваться на качествѣ ихъ работы³⁾. Но оба эти опасенія повидимому напрасны⁴⁾. Во всякомъ случаѣ опытъ Швейцаріи все болѣе и болѣе привлекаетъ къ себѣ симпатіи Западной Европы. Даже Лордъ Сольсбери въ 1894 г. говорилъ въ одной рѣчи: „референдумъ есть во всякомъ случаѣ честная процедура. Я думаю, что онъ вполне оправдалъ ожиданія—въ Швейцаріи подѣ очень широкой формой, а въ Соединенныхъ Шта-

1) История народнаго законодательства и демократіи въ Швейцаріи. Перев. Львовича. 1900. Стр. 238.

2) Общія основанія конст. права. Стр. 220.

3) Ibid.

4) Курти. Указ. соч. Стр. 237.

тахъ—подъ формой очень ограниченной. Я ни въ какомъ случаѣ не расположенъ сказать что-нибудь противъ него. Я думаю, что въ формѣ, подь которой онъ существуетъ въ Соединенныхъ Штатахъ, онъ рѣшительно полезенъ для хорошаго правленія и для устойчивости страны“¹⁾. Однако референдумъ имѣеть гораздо больше враговъ, чѣмъ друзей. Обыкновенно находятъ, что огромное большинство народа, будучи способно выбирать представителей и такимъ образомъ направлять законодательство, въ тоже время не способно произвести должную оцѣнку законовъ. Ему недостаеть для этого, какъ говоритъ Сэйсъ, двухъ необходимыхъ условий: образованія, чтобы понимать проекты, и досуга, чтобы ихъ изучать²⁾. Другіе прибавляютъ къ этому, что толпа вслѣдствіе именно того, что она толпа, вообще неспособна на обдуманное рѣшеніе. Лишь немногіе размышляютъ и высказываютъ свои взгляды, громадное же большинство принимаетъ рѣшеніе другихъ по мотивамъ, ничего общаго съ дѣломъ не имѣющимъ.

Едва ли можно возражать въ принципѣ противъ громадной важности и законности референдума. Не легко доказать и его практическую непримѣнимость вообще. Но что можно сказать съ увѣренностью, думается намъ, такъ это то, что въ странѣ, гдѣ народъ до послѣдняго момента совершенно не зналъ ни политической, ни гражданской свободы, не успѣлъ еще развить въ себѣ чувства законности и права, едва ли можно сразу давать ему столь отвѣтственную роль. Въ 1879 году подь вліяніемъ возмутительнаго убійства, взволновавшаго все населеніе Швейцаріи, народъ потребовалъ восстановленія смертной казни, запрещенной конституціей 1874 года³⁾. Если подобные случаи возможны у политически зрѣлаго народа, цѣлыми вѣками воспитывавшаго въ себѣ чувство права и законодательной отвѣтственности, то понятно, какою опасностью можетъ грозить право референдума и народной инициативы при первомъ выступленіи народа въ роли политическаго дѣятеля. Вотъ почему требованіе референдума крайними партіями надо признать преждевременнымъ.

1) Эссенъ Указ. соч. Стр. 221.

2) Ibid. Стр. 195.

3) Курти. Указ. соч. Стр. 227—228.

Отношеніе законодательной власти къ исполнительной.

Представьте себѣ какую-нибудь сложную машину, которая непрерывно дѣйствуетъ, на которую всѣ любятъ, но механизма которой никто въ точности не знаетъ. Нѣчто подобное представляетъ собою англійская конституція. По общему мнѣнію она даетъ наиболѣе удачное разрѣшеніе политической проблемы, настолько удачное, что всѣ существующія конституціи Старога и Новаго свѣта въ ней имѣютъ свои корни, а между тѣмъ до сихъ поръ сущность ея въ значительной степени остается секретомъ. Фактическая сторона ея, т. е. извѣстныя права и отношенія палатъ, короля, министровъ и т. д., извѣстны теперь едва ли не всякому образованному человѣку, но какой рациональный принципъ лежитъ въ основѣ ея, самые выдающіеся умы расходились въ этомъ вопросѣ до противоположности. Если Монтескье и вся огромная масса его приверженцевъ скрытую пружину англійской конституціи видѣли и видятъ въ принципѣ раздѣленія властей, то такой тонкій знатокъ англійскаго государственнаго права, какъ Беджготъ, находитъ ее наоборотъ въ сліяніи ихъ.

Въ основѣ ученія Монтескье о раздѣленіи властей лежала мысль о необходимости ограниченія одной власти другою. „Вѣчный опытъ показываетъ, говоритъ онъ, что всякій человѣкъ, имѣющій власть, склоненъ злоупотреблять ею: онъ въ этомъ направленіи идетъ до тѣхъ поръ, пока не встрѣтитъ границъ. Кто бы повѣрилъ этому? Но сама добродѣтель нуждается въ границахъ. Для того, чтобы нельзя было злоупотреблять властью, потребно такое положеніе вещей, при которой одна власть удерживала бы другую власть“¹⁾. Такое ограниченіе властей достигается ихъ раздѣленіемъ. „Когда въ одномъ и томъ же лицѣ или въ одной и той же коллегіи, разсуждаетъ Монтескье, законодательная власть соединена съ исполнительной, тогда нѣтъ свободы, такъ какъ можно опасаться, что такой монархъ или такой сенатъ будутъ издавать тиранническіе законы, чтобы тираннически приводить ихъ въ исполненіе. Не существуетъ свободы и тогда, когда власть судить не отдѣлена отъ власти законодатель-

1) Духъ законовъ. Кн. IX. Гл. IV.

ной и исполнительной. Если бы она была присоединена къ законодательной власти, то власть надъ жизнью и свободой гражданъ была бы произвольна, ибо судья былъ бы законодателемъ. Если бы она была присоединена къ исполнительной власти, то судья имѣлъ бы силу притѣснителя. Наконецъ, все погибло бы, если бы одинъ и тотъ же человекъ или одинъ и тотъ же корпусъ сановниковъ, или знатныхъ, или народа, отправлялъ всѣ три власти—власть создавать законы, власть приводить въ исполненіе общественныя рѣшенія и власть судить преступленія или споры частныхъ лицъ“⁽¹⁾).

Теорію Монтескье, не смотря на ея огромный успѣхъ и громадное политическое вліяніе, нѣкоторые оспариваютъ какъ съ теоретической, такъ и съ исторической стороны. Ему возражали, что отправленіе всѣхъ функций обязательно требуетъ единства направленія и сконцентрированной отвѣтственности; но ни того, ни другого не можетъ быть при раздѣленіи властей. Да и фактически такое раздѣленіе неосуществимо. Всегда и вездѣ какая-нибудь власть, обыкновенно законодательная, беретъ верхъ надъ всѣми остальными и даетъ имъ направленіе. Но всѣ эти и подобныя возраженія направлены собственно противъ абсолютнаго раздѣленія властей, противъ ихъ полной уравниваемости, къ чему дѣйствительно былъ склоненъ Монтескье. Но ни необходимость единства дѣятельности, ни доминирующая роль законодательной власти не говорятъ противъ такого раздѣленія властей, которое требуетъ, чтобы онѣ были ввѣрены разнымъ органамъ и притомъ независимымъ, чтобы ни одна изъ этихъ властей не могла смѣнить органъ другой власти. Такая независимость властей, не нарушая единства ихъ направленія, даетъ имъ возможность взаимно контролировать другъ друга и служить надежной защитой гражданской и политической свободы.

Въ такомъ именно обособленіи властей и заключается главное условіе правового порядка. Правовой строй, въ которомъ правительственная власть имѣетъ не только права, но и обязанности по отношенію къ подданнымъ, и наоборотъ подданные имѣютъ не одни обязанности, но и права въ

(1) Духъ законовъ, Кн. XI, Гл. VI.

отношеніи къ правительству, такой строй очевидно возможенъ лишь въ томъ случаѣ, если исполнительная власть подчинена закону, если она не можетъ его ни измѣнить, ни отмѣнить. Но это въ свою очередь предполагаетъ, что законодательная и исполнительная власти не соединены въ одномъ лицѣ или въ одной коллегіи, а обособлены, и притомъ такъ, чтобы исполнительная власть являлась подчиненною по отношенію къ законодательной. Но одного обособленія исполнительной власти отъ законодательной недостаточно для осуществленія полнаго правопорядка. Исполнительная власть своими распоряженіями и дѣйствіями можетъ идти въ разрѣзъ съ законами, парализовать и нарушать ихъ. Единственной гарантіей подзаконности правительственной власти можетъ быть лишь отвѣтственность ея передъ судебною властью за всякое незаконное распоряженіе и дѣйствіе. Но эта гарантія можетъ быть дѣйствительна лишь въ томъ случаѣ, если судебная власть обособлена отъ исполнительной и подобно ей подчинена законодательной власти.

Если разсматривать съ точки зрѣнія принципа обособленія властей существующія конституціи, то ихъ можно свести къ двумъ главнымъ типамъ. Одинъ изъ нихъ, такъ называемый дуалистическій типъ, свойственный Соединеннымъ Штатамъ, Пруссіи и большей части германскихъ государствъ, болѣе строго проводитъ указанный принципъ. Исполнительная власть здѣсь независима отъ законодательной. Министры являются простыми агентами короля или президента, который избираетъ ихъ и увольняетъ по своему желанію. Законодательное собраніе не можетъ ни выразить имъ порицанія, ни смѣстить ихъ. Правда, министры должны давать объясненія, когда того пожелаетъ предствительное собраніе; но эти объясненія не могутъ имѣть для нихъ какого-нибудь ошутительнаго результата. На всѣ запросы собранія министры могутъ сказать подобно Бисмарку: „мы министры короля, а не ваши“, наше намѣреніе и долгъ выполнять волю короля, а не вашу. Но съ другой стороны и исполнительная власть не принимаетъ участія въ законодательствѣ и не имѣетъ законодательной инициативы. Впрочемъ въ качествѣ отступленія отъ общаго принципа подъ влияніемъ англійской конституціи президенту Соединенныхъ

Штатовъ предоставлено право veto. Онъ можетъ отказаться отъ обнародованія принятаго закона. Въ такомъ случаѣ послѣдній снова поступаетъ на разсмотрѣніе палаты, и если за него выскажутся двѣ трети каждой палаты, то президентъ обязанъ обнародовать его. Это veto соотвѣтствуетъ очевидно роспуску палаты въ Англіи. Въ Пруссіи и Германіи мы видимъ еще больше отступленій такого рода. Король прусскій принимаетъ участіе въ законодательныхъ вопросахъ и имѣетъ неограниченное право роспуска ландтага. Онъ можетъ распустить его даже ранѣ начала сессіи, если составъ ландтага кажется ему нежелательнымъ.

Другой типъ конституціи, называемый парламентарнымъ и принятый въ настоящее время по образцу Англіи въ большей части европейскихъ государствъ, смягчаетъ раздѣленіе властей. Правда и здѣсь законодательная и исполнительная власти юридически отдѣлены другъ отъ друга, и каждая имѣетъ свой особый и независимый органъ. И здѣсь исполнительная власть ввѣряется монарху (или президенту), который отъ своего имени въ предѣлахъ закона править страню. Ему формально предоставлено и право избранія и увольненія министровъ. Итакъ мы видимъ здѣсь повидимому тоже раздѣленіе властей, что и въ дуалистической конституціи. На самомъ же дѣлѣ это не такъ. Право назначенія министровъ обставлено здѣсь такими условіями, что главѣ исполнительной власти приходится обыкновенно лишь утверждать кандидатовъ, желательныхъ законодательному собранію. Происходитъ это оттого, что министры являются здѣсь политически отвѣтственными передъ законодательнымъ собраніемъ, т. е. несутъ отвѣтственность передъ нимъ не только за нарушеніе законовъ, но и за вредную для государства политику. Политическая отвѣтственность министровъ сама собою вызываетъ необходимость полной солидарности ихъ съ направленіемъ большинства законодательнаго собранія. При отсутствіи такой солидарности министры лишаются поддержки парламента, теряютъ его довѣріе и волей-неволей должны уступать свое мѣсто другимъ. Въ случаѣ ихъ упорства представительное собраніе можетъ вынудить ихъ къ выходу въ отставку посредствомъ отказа въ годовомъ бюджетѣ. Благодаря этимъ условіямъ главѣ исполнительной власти остается поручать образованіе ка-

бинета лидеру господствующей партии. Образованный таким образом кабинет дѣйствуетъ всегда сообща и несетъ коллективную отвѣтственность за каждого министра. Недовѣріе, выраженное парламентомъ одному министру въ дѣлахъ общей политики, влечетъ обыкновенно отставку всего кабинета. Эта зависимость министровъ отъ законодательной власти распространяется косвеннымъ образомъ и на главу исполнительной власти. Самъ по себѣ глава правительства не отвѣтственъ. „Король не можетъ быть не правъ“, это одинъ изъ основныхъ принциповъ англійской конституціи. „Еслибы королева, говоритъ Дайси, сама прострѣлила голову первому министру, никакой судъ въ Англій не могъ бы преслѣдовать ее за это“¹⁾. Но вмѣстѣ съ тѣмъ отсюда естественно вытекаетъ положеніе, что никто не въ правѣ ссылаться на повелѣніе короля въ оправданіе своихъ дѣйствій. Всякій, совершающій поступокъ по приказу короля, лично несетъ за него отвѣтственность. Изъ этой идеи возникъ ставшій обязательнымъ обычай, чтобы каждый актъ короля совершался непременно при участіи одного изъ министровъ, который лично и отвѣчаетъ за него. „Король никогда не можетъ дѣйствовать одинъ“, стало общимъ правиломъ. Здѣсь мы видимъ весьма удачное рѣшеніе трудной проблемы объ отвѣтственности исполнительной власти. Оставить ее внѣ отвѣтственности значитъ ничѣмъ не гарантировать исполненіе законовъ и политическую свободу гражданъ. Исторія знаетъ не мало примѣровъ, когда главы исполнительной власти, особенно монархи, нарушали конституціонные законы. Съ другой стороны подчинить исполнительную власть отвѣтственности передъ законодательнымъ собраніемъ значитъ лишить ее самостоятельности и дать поводъ постоянно колебать необходимое для правильного теченія государственной жизни довѣріе къ монарху или президенту. Уже простая критика дѣйствій того и другого вызываетъ опасное волненіе въ народѣ, а низложеніе главы государства равносильно революціи. Это вѣрно не только по отношенію къ монарху, но даже и относительно президента республики, обыкновенно несмѣняемому до истеченія срока его полномо-

¹⁾ Основы государственнаго права Англій. Перев. Полторацкой. 1905. Стр. 29.

мочій. Отвѣтственность министровъ въ связи съ обязательнымъ участіемъ ихъ въ каждомъ актѣ главы исполнительной власти даетъ остроумный выходъ изъ указаннаго затрудненія. Но не уничтожается ли такимъ образомъ самостоятельность исполнительной власти? Въ конечномъ итогѣ глава правительства оказывается повидимому совершенно номинальною властью. Она вся въ рукахъ законодательнаго собранія, дѣйствующаго чрезъ посредство изъ его же нѣдръ извлекаемаго кабинета. „Король, какъ сказалъ Тьеръ еще въ 1829 г., царствуетъ, но не управляетъ“. Онъ служитъ, какъ выражаются нѣкоторые, декоративнымъ украшеніемъ англійской конституціи; онъ составляетъ, по выраженію Беджгота, церемоніальный элементъ ея. Все это однако не совсѣмъ вѣрно. Правительственная власть, хотя и подчинена здѣсь законодательной, тѣмъ не менѣе не сливается съ нею. Во-первыхъ, юридически кабинетъ избирается королемъ, и если фактически онъ намѣчается всегда парламентомъ, то это въ значительной степени объясняется существованіемъ въ англійскомъ парламентѣ лишь двухъ партій, и при томъ замѣчательно организованныхъ. Беджготъ рассказываетъ, что одинъ изъ государственныхъ дѣятелей Англій, взглянувъ на членовъ палаты общинъ, безпрекословно повинующихся своимъ вождямъ, замѣтилъ: „вотъ лучшее парламентское мясо Европы“. Не будь столь хорошо организованнаго и единомысленнаго большинства въ парламентѣ, право короля обнаружилось бы конечно болѣе реально. Во-вторыхъ, всѣ акты исполнительной власти обязательно подписываются королемъ. Если онъ не рѣшится на категорическій отказъ, ибо тогда министерство можетъ подать въ отставку, что при поддержкѣ министерства парламентомъ равносильно разрыву короля съ парламентомъ, то онъ можетъ оказать нравственное воздѣйствіе на министра, прежде чѣмъ согласится подписать извѣстный актъ. Вліяніе короля можетъ быть особенно сильно при смѣнѣ министерства, когда нарушается прежнее соотношеніе силъ въ парламентѣ ¹⁾. Если наконецъ королю покажется, что законодательное собраніе навязываетъ ему политику нежелательную въ интересахъ народа, онъ

¹⁾ Ср. Беджготъ. Государственный строй Англій. Перев. Прейсъ. 1905. Гл. III.

можетъ апеллировать къ самимъ избирателямъ посредствомъ роспуска палаты. Это право въ высшей степени важно. Оно ослабляетъ силу законодательной власти, которая безъ этого условія могла бы уничтожить независимость исполнительной власти и принять деспотическій характеръ. Все это въ связи съ несмѣняемостью главы правительства говоритъ за то, что исполнительная власть въ Англіи ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть признана функціей законодательнаго собранія.

Какой же изъ двухъ видовъ конституціи слѣдуетъ признать наиболѣе цѣлесообразнымъ? Дать безспорный отвѣтъ на этотъ вопросъ едва ли возможно, хотя европейскіе авторитеты рѣшительно склоняются въ пользу парламентарнаго правленія. Дѣло въ томъ, что какъ парламентарный, такъ и дуалистическій типъ конституціи имѣетъ свои достоинства и свои недостатки. Первый хорошо функционируетъ лишь тамъ, гдѣ парламентъ состоитъ изъ двухъ хорошо сплоченныхъ партій. При существованіи же многочисленныхъ партій, при отсутствіи устойчиваго и объединеннаго большинства онъ неизбѣжно связанъ съ постоянными министерскими кризисами, нарушающими спокойное теченіе государственной жизни и лишаящими кабинетъ возможности твердо и успѣшно проводить опредѣленную политику. Поучительный примѣръ въ этомъ смыслѣ даетъ Франція. Состоя изъ самыхъ разнообразныхъ партій, отъ монархистовъ до социалистовъ включительно, палата депутатовъ, не имѣетъ возможности выдѣлить изъ себя ни сплоченнаго большинства, ни объединенной оппозиціи. Въслѣдствіе этого добиться солидарности съ большинствомъ палаты для кабинета вещь почти невозможная. Достаточно незначительнаго повода, чтобы кабинетъ потерялъ довѣріе палаты. Отсюда постоянная смѣна министерствъ. Напримѣръ съ 1879 по 1889 г. смѣнилось 14 кабинетовъ. Постоянная смѣна министерствъ и борьба въ палатѣ вызвали тогда въ народѣ такое отвращеніе къ парламентарскому управленію, что на общихъ выборахъ 1885 г. онъ избралъ болѣе число монархистовъ и готовъ былъ видѣть своего спасителя въ Буланже. Столь же часты были министерскіе кризисы во Франціи и въ послѣдующее время ¹⁾.

¹⁾ О смѣнѣ министерствъ во Франціи см. у Лоуэлла. Правительства и политическія партіи. Пер. Полторацкой. 1905. Стр. 45—85.

Легко понять, какъ вредно должны были отзываться они на ходъ государственной жизни. „Результаты получались похожие на тѣ, говорить Лоуэлль, какихъ достигъ бы человекъ, вырывающій свои посѣвы ранѣе, чѣмъ они созрѣютъ и снова засѣвающій свое поле уже другими растеніями“¹⁾. Съ другой стороны и дуалистическое правленіе имѣетъ свои недостатки. Почти освобождая отъ отвѣтственности министерство, оно создаетъ возможность юридически неразрѣшимыхъ конфликтовъ между законодательной и исполнительной властью. Когда исполнительная власть выходитъ изъ границъ своихъ полномочій, у законодательнаго собранія не бываетъ дѣйствительнаго и въ то же время безопаснаго средства противъ ея злоупотребленій. Такимъ средствомъ считается обыкновенно право утвержденія или неутвержденія бюджета. Не утверждая бюджета, законодательное собраніе лишаетъ правительство право взимать налоги и расходовать государственныя суммы и тѣмъ ставитъ его въ безвыходное положеніе. Однако средство это нельзя считать особенно удобнымъ. Во-первыхъ, не безъ основанія отрицаютъ за народнымъ представительствомъ право неутвержденія бюджета въ такомъ именно смыслѣ. Большая часть ежегоднаго бюджета состоитъ изъ налоговъ, установленныхъ прежними законами. Предоставить собранію право неутвержденія всего бюджета значить дать ему право собственной властью, безъ согласія короля, отмѣнить законъ. Вотъ почему бюджетное право законодательнаго собранія проводится въ конституціяхъ съ известными ограниченіями. Во-вторыхъ, неутвержденіе бюджета слишкомъ опасное и обоюдоострое средство. Оно можетъ грозить опасностью самому государству. Наконецъ, исполнительная власть имѣя на своей сторонѣ силу, можетъ и пренебречь неутвержденіемъ бюджета, какъ это было въ Пруссіи, когда Бисмаркъ, не обращая вниманіе на неутвержденіе росписи, спокойно продолжалъ править страной. Другихъ же средствъ у законодательной власти противъ злоупотребленій правительства нѣтъ. Гдѣ глава исполнительной власти получаетъ свои полномочія лишь на опредѣленный срокъ, тамъ эти конфликты не могутъ быть особенно опасными, такъ какъ самый актъ переизбранія пре-

¹⁾ ibid. Стр. 92.

зидента является какъ бы судомъ надъ нимъ. Но въ монархіи, гдѣ глава государства несмѣняемъ, они могутъ угрожать, если не существованію, то неприкосновенности конституціоннаго строя ¹⁾. Примѣръ этого мы видимъ въ Пруссіи и Германіи, гдѣ деспотизмъ конституціоннаго правительства вошелъ уже въ поговорку. На этомъ основаніи можно, повидимому, думать, что дуалистическій строй болѣе примѣнимъ къ республикѣ, чѣмъ къ монархіи.

Вопросъ о парламентскомъ и дуалистическомъ строѣ конституціи составляетъ главнѣйшій пунктъ разногласія нашихъ конституціонныхъ партій въ ихъ собственно политической программѣ. Стоя на почвѣ манифеста 17 октября, всѣ онѣ признаютъ за народнымъ представительствомъ право обязательнаго участія народнаго представительства въ законодательствѣ, въ установленіи государственной росписи и налоговъ и въ контролѣ надъ исполнительной властью. Но вопросъ объ отвѣтственности министровъ, т. е. объ отношеніи исполнительной власти къ законодательной, рѣшается ими неодинаково. Одни партіи, напр. конституціонно-демократическая, умѣренно-прогрессивная, партія свободомыслящихъ, требуютъ полной отвѣтственности министровъ передъ народнымъ представительствомъ, отвѣтственности не только за законность, но и за цѣлесообразность ихъ дѣйствій. За народными представителями признается въ такомъ случаѣ право не только простаго запроса, но и интерпелляціи, ставящей вопросъ о довѣріи представительнаго собранія къ кабинету и связанной съ отставкой послѣдняго въ случаѣ его несолидарности съ большинствомъ собранія ²⁾. Другія партіи, напр. „Союзъ 17 октября“, торгово-промышленная партія, признавая за народнымъ представительствомъ право дѣлать запросы министрамъ, въ тоже время считаютъ по-

¹⁾ См. подробнѣе: Политическій строй современныхъ государствъ. Т. I. Стр. 177—187. Дэйси, Основы гос. права Англіи, стр. 488—503. Веджготъ, Госуд. строй Англіи, стр. 61—93.

²⁾ Запросы предлагаются министрамъ съ ихъ согласія съ цѣлью полученія свѣдѣній. Отвѣчать на рѣчь министра можетъ лишь инициаторъ запроса. Интерпелляціи же имѣютъ цѣлью призвать къ отвѣтственности кабинетъ и заставить палату сказать свое мнѣніе о его дѣятельности, поставивъ вопросъ объ одобреніи или довѣріи. См. Лоуэлль, Правительство и пол. партіи. Стр. 78.

слѣднихъ фактически и юридически отвѣтственными не передъ собраніемъ, а передъ монархомъ. Собраніе можетъ обсуждать дѣйствія министровъ, но не въ правѣ ставить вопроса объ одобреніи и довѣріи. Первыя партіи стоятъ такимъ образомъ за парламентскій строй, существующій напр. въ Англіи, вторая—за дуалистическій строй, свойственный напр. Пруссіи.

Монархія и республика.

Какъ мы видѣли, составляющее сущность конституціоннаго строя обособленіе исполнительной власти отъ законодательной и теоретически и фактически возможно какъ въ республикѣ, такъ и въ монархіи. Хотя монархъ и участвуетъ одновременно въ отправленіи обѣихъ властей, однако этимъ не нарушается ихъ самостоятельность и независимость. Законодательная власть осуществляется въ монархіи, какъ говорятъ, королемъ въ парламентѣ, т. е. королемъ и палатами, исполнительная—королемъ въ кабинетѣ, т. е. королемъ и министрами, причемъ король въ кабинетѣ подчиненъ королю въ парламентѣ, т. е. дѣйствуетъ лишь въ согласіи съ волей народнаго представительства. Такимъ образомъ конституціонный или правовой строй одинаково возможенъ какъ при республиканскомъ, такъ и при монархическомъ правленіи.

Указываютъ однако на внутреннее противорѣчіе въ самомъ принципѣ конституціоннаго монархизма. „Всякая попытка примиренія между національнымъ суверенитетомъ и монархіей, говоритъ Эсменъ, заключаетъ въ себѣ, на мой взглядъ, слѣдующую ошибку. Суверенитетъ народа предполагаетъ не только то, что всякая власть исходитъ отъ народа, и что этотъ послѣдній передаетъ только ея отправленіе, но и то, что всѣ, получившіе власть, отвѣтственны за употребленіе, которое они изъ нея сдѣлаютъ. Это очевидная аксіома... Но прямая и формальная отвѣтственность, путемъ уголовнаго преслѣдованія или отмѣны полномочія, въ отношеніи къ тѣмъ, которымъ ввѣрены атрибуты суверенитета, большею частью неосуществима, а очень часто была бы даже вредна. Для представителей народа существуетъ только одна отвѣтственность, которая вытекаетъ изъ ограниченности срока ихъ полномочій“ ¹⁾. Все это однако не совѣмъ точно. Сама по

¹⁾ Общія основы конституціоннаго права. Стр. 145.

себѣ срочность полномочій не составляетъ еще въ собственномъ смыслѣ отвѣтственности. Какъ извѣстно, глава исполнительной власти въ республикѣ не подлежитъ смѣщенію до истеченія срока своихъ полномочій. Къ нему тоже приложимъ принципъ: онъ не можетъ быть неправъ. Съ логической и юридической точки зрѣнія это такая же въ сущности непослѣдовательность, такое же нарушение „аксіомы“, какъ и пожизненная безотвѣтственность монарха. На самомъ дѣлѣ, почему бы не предавать президента суду за всякое нарушение закона, разъ по идеѣ онъ несетъ отвѣтственность передъ народомъ? Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что то уклоненіе отъ строгаго проведенія принципа отвѣтственности, какое дается въ несмѣстимости президента, является въ высшей степени цѣлесообразнымъ; оно предупреждаетъ опасныя потрясенія въ государствѣ и обезпечиваетъ необходимую устойчивость въ теченіи государственной жизни. Но эти же самыя соображенія могутъ оправдывать и несмѣняемость монарха. Не обосновательно Дайси видитъ особенное преимущество англійской конституціи въ томъ, что вѣдѣнія англійскаго парламента исходятъ изъ совмѣстно дѣйствующихъ трехъ его элементовъ. „Это обстоятельство, говоритъ онъ, не допускаетъ тѣхъ посягательствъ на неприкосновенность общаго права, какія могли производить монархи-деспоты, напр. Людовикъ XIV, Наполеонъ I или Наполеонъ III, при помощи ордонансовъ или декретовъ, и какія дѣлали, принимая внезапныя рѣшенія, различныя учредительныя собранія Франціи, особенно знаменитый Конвентъ“¹⁾. Что же касается опасенія вредныхъ послѣдствій отъ безотвѣтственности короля, то, какъ мы видѣли на примѣрѣ Англій, при строго проведенномъ конституціонномъ принципѣ они не могутъ имѣть мѣста. Это сторона дѣла юридическая. Но есть въ немъ другая сторона, имѣющая несравненно большее значеніе въ нашемъ вопросѣ.

Республика невозможна и даже положительно вредна тамъ, гдѣ народъ въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ воспиталъ въ себѣ глубочайшее чувство почти религіознаго почтенія и преданности къ монарху. Невозможна она потому, что никакія силы въ мірѣ не могутъ сразу вытравить изъ народнаго сердца

¹⁾ Основы государственнаго права Англій. Стр. 393.

мистическое преклоненіе передъ монархомъ, а пока этого не случится, никакая власть, помимо монаршей, не будетъ мыслиться народомъ властью законной. „Монархическія традиціи, справедливо говорить В. Гессенъ, необыкновенно сильны и живучи. До тѣхъ поръ, пока въ сознаниіи народныхъ массъ монархъ остается живымъ олицетвореніемъ государственной идеи, республика, какъ таковая, невозможна; ибо республика будетъ мыслиться какъ анархія, до тѣхъ поръ пока государство мыслится, какъ монархъ“¹⁾. Республика и вредна, такъ какъ она разрушаетъ тотъ прочный фундаментъ, на которомъ покоится въ глазахъ народа нравственный авторитетъ власти и закона. Превосходныя строки въ этомъ отношеніи находимъ мы у Беджгота въ его интереснѣйшихъ главахъ о монархіи. „Почему монархія—правленіе сильное, всего лучше объясняется тѣмъ, что она—понятное правленіе. Природа конституціи, дѣйствія собранія, игра партій—все это сложные факты: понять ихъ трудно, а дать имъ ложное истолкованіе легко. Но единая дѣйствующая воля, единый повелѣвающій разумъ—это доступныя идеи, и если ихъ хоть разъ разъяснить, овѣ никѣмъ и никогда уже не забываются. Если вы предложите народной массѣ вопросъ: „Хотите ли вы, чтобы вами управлялъ король, или чтобы у васъ было конституціонное правленіе?“, то вопросъ сведется вотъ къ чему: хотите ли вы, чтобы вами управляли понятнымъ вамъ способомъ, или тѣмъ способомъ, котораго вы не понимаете? Французскому народу представили на выборъ: „кого вы хотите въ правители, Людовика Наполеона или Собраніе?“—Народъ отвѣтилъ: „мы хотимъ, чтобы нами правилъ одинъ человекъ, котораго мы можемъ себѣ представить, а не многіе, которыхъ мы не можемъ себѣ представить“... Англійскій народъ согласенъ съ присягой на подданство и говорить, что его долгъ повиноваться „королевѣ“, но относительно обязанности повиноваться законамъ безъ королевы у него только смутное представленіе... Мистическое благоговѣніе, религіозная преданность, присущія истинной монархіи—непроизвольныя чувства, и никакое законодательство не можетъ вызвать ихъ въ народѣ искусственно. Эти полусыновнія чувства—явленіе столь же непроизвольное въ

¹⁾ Политическій строй соврем. государствъ. Т. I. Стр. 146.

жизни государства, какъ и настоящія сыновнія чувства въ частной жизни. Сдѣлать монархію такъ же невозможно какъ выбрать себѣ отца“¹⁾. Если это справедливо въ отношеніи къ англійскому народу, имѣвшему достаточно времени, чтобы привыкнуть къ всемогущему парламенту, который, по выраженію Делольма, „не можетъ только превратить женщину въ мужчину и мужчину въ женщину“, то что же сказать о русскомъ народѣ, который до сихъ поръ не зналъ никакой другой власти, кромѣ власти имъ чтимаго царя? Надо совершенно не имѣть ни историческаго, ни психологическаго чутья, чтобы мечтать о созданіи республики въ Россіи, что дѣлаютъ наши крайнія партіи.

Судебная власть.

Исполнительная власть по самой идеѣ своей можетъ дѣйствовать лишь въ границахъ закона. Въ этомъ заключается главная сущность правового строя и единственное условіе политической свободы народа. Но что же гарантируетъ законность дѣйствій исполнительной власти, какая сила сдерживаетъ ее въ стремленіи выйти изъ предѣловъ закона? Такой силой можетъ быть лишь судебная власть. Ея прямая задача охранять неприкосновенность закона среди какъ частныхъ, такъ и должностныхъ лицъ. Само собой очевидно отсюда, что судебная власть ни въ какомъ случаѣ не можетъ соединяться съ исполнительной; она должна имѣть самостоятельный и независимый органъ. Обособленность судебной и исполнительной власти, провозглашенная еще Монтескье подъ вліяніемъ англійскаго права, получила всеобщее признаніе во всѣхъ конституціонныхъ странахъ. Но понята была она далеко не одинаково. Въ то время какъ въ Англии и Америкѣ обособленіе судебной власти отъ исполнительной означаетъ независимость судей отъ администраціи, во Франціи, какъ и въ другихъ континентальныхъ странахъ, оно выражаетъ независимость администраціи отъ судей. Тамъ суды охраняются отъ вліянія и контроля исполнительной власти, чтобы творить правый судъ, не взирая на официальное положеніе тяжущихся; здѣсь, напротивъ, админи-

¹⁾ Беджотъ. Государственный строй Англии. Стр. 95—96, 101, 63—64.

страція оберегается отъ всякаго вмѣшательства суда изъ опасенія, какъ бы не поколебать ея авторитета. Вслѣдствіе этого въ Англіи всѣ должностныя лица наравнѣ съ частными лицами отвѣтственны за нарушение законовъ и за всѣ незаконные акты передъ обыкновенными судами; во Франціи они подлежатъ административному суду, составляющему отрасль той же администраціи и подвѣдомственному не министру юстиціи, а министру внутреннихъ дѣлъ, съ судьями, смѣняемыми по желанію президента ¹⁾. Эту разницу въ отвѣтственности частныхъ и должностныхъ лицъ по французской системѣ Дайси съ свойственною ему образностью выражаетъ такимъ образомъ: „когда государство нарушаетъ контрактъ, оно должно, по понятіямъ французовъ, потерпѣть меньше, чѣмъ частное лицо, являющееся правонарушителемъ“ ²⁾. Легко понять, что административный судъ не можетъ дать той гарантіи неприкосновенности закона и частныхъ правъ, какую даетъ судъ обыкновенный, такъ какъ въ первомъ случаѣ администрація въ нѣкоторомъ смыслѣ судить самое себя. Если французскіе юристы ссылаются на то, что англійская система затрудняетъ роль администраціи благодаря легкому доступу къ правосудію ³⁾, то справедливо и то, что затрудненіе доступа къ правосудію облегчаетъ правонарушенія исполнительной власти.

Независимость судей—общепризнанный принципъ. Однако степень этой независимости и въ теоріи, и на практикѣ опредѣляется неодинаково. Одни теоретики ограничиваютъ ее лишь несмѣняемостью судей, предоставляя избраніе и назначеніе ихъ исполнительной власти. Другіе считаютъ необходимымъ, чтобы судьи избирались самой націей, какъ собственницею суверенитета. Надо признать, что съ логической стороны избраніе судей гражданами, имѣющими политическое избирательное право, представляетъ собою послѣдовательное проведеніе идеи національнаго суверенитета и несомнѣнно еще болѣе обезпечиваетъ независимость судебной власти отъ исполнительной. Но справедливо отмѣчаютъ въ немъ нѣкоторыя практическія неудобства. Всякое избраніе, какъ доб-

¹⁾ См. подробнѣе: Дайси, указ. соч., стр. 359—391; Лоуэлль, указ. соч., стр. 36—41; Эсменъ, указ. соч., стр. 292—299.

²⁾ Основы госуд. права Англіи. Стр. 366.

³⁾ Эсменъ, указ. соч., стр. 295.

ровольное врученіе извѣстныхъ полномочій, по самой идеѣ не должно быть пожизненнымъ. А между тѣмъ избраніе судей на опредѣленный срокъ грозитъ двумя опасностями. Во-первыхъ, поставленный въ прямую зависимость отъ своихъ избирателей, судья легко можетъ поддаться вліянію ихъ взглядовъ и даже предразсудковъ, въ надеждѣ сохранить шансы на будущее избраніе. Во-вторыхъ, при непрочности положенія судьи можно опасаться недостатка въ достойныхъ кандидатахъ на судебныя должности, требующія большой опытности и весьма значительной профессиональной подготовки. Все это говоритъ за пожизненное избраніе судей. „Свободѣ, говоритъ Эменъ, нѣтъ основанія опасаться одной судебной власти, но есть полное основаніе опасаться всего отъ ея союза съ какою-либо изъ двухъ другихъ властей... и ничто не можетъ обезпечить за нею силы и независимости въ такой мѣрѣ, какъ постоянство должности“ ¹⁾. Но при пожизненности судебной должности вопросъ о томъ, избираются ли судьи гражданами или назначаются исполнительною властью, перестаетъ быть важнымъ, такъ какъ несмѣняемость судей въ достаточной степени гарантируетъ ихъ независимость. Вотъ почему пожизненное назначеніе судей исполнительною властью въ настоящее время является почти общимъ правиломъ во всѣхъ конституціяхъ. Если и есть въ немъ какое-либо неудобство, то оно въ значительной мѣрѣ парализуется введеніемъ института присяжныхъ, который и самую судебную власть сводитъ къ очень ограниченнымъ размѣрамъ. Институтъ присяжныхъ—самыхъ независимыхъ судей, какихъ можно только себѣ представить, является наилучшимъ коррективомъ ко всѣмъ недостаткамъ и злоупотребленіямъ судебной власти. Недаромъ еще въ 1789 г. Сіѣсъ писалъ: „безъ сомнѣнія, ошибочно было бы приписывать одной конституціи все то хорошее, что есть въ Англіи. Есть тамъ такой законъ, который дороже самой конституціи. Я говорю о судѣ присяжныхъ, этой истинной гарантіи индивидуальной свободы во всѣхъ странахъ свѣта, въ которыхъ хотять быть свободными. Этотъ способъ отправленія правосудія единственный, который спасаетъ отъ злоупотребленій судеб-

¹⁾ Эменъ. Общія основы конституціоннаго права. Стр. 280—281.

ной власти, столь частых и столь грозных вездѣ, гдѣ не судятся себѣ равными“¹⁾).

Независимость судей и их несмѣняемость вмѣстѣ съ расширеніемъ суда присяжныхъ входитъ въ программу большей части нашихъ конституціонныхъ партій; но лишь три изъ нихъ, „Союзъ 17 октября“, партія „народнаго блага“ и прогрессивно-экономическая, высказываются за выборное начало, да и то лишь въ примѣненіи къ мѣстной юстиціи. Что касается важнаго вопроса, какому суду подлежатъ должностныя лица, то только „Союзъ 17 октября“, умѣренно-прогрессивная и конституціонно-демократическая партія высказываются за англійскую систему, требуя упраздненія судебно-административныхъ учреждений („Союзъ 17 окт.) и отвѣтственности должностныхъ лицъ на общемъ основаніи (к. д. и у. пр.).

Личныя права.

Суверенитетъ принадлежитъ народу. Но народъ въ живыхъ личностей, составляющихъ его, не существуетъ. Народная воля въ основѣ своей непременно должна имѣть волю индивидуальную. Народная власть невозможна безъ личныхъ правъ. Нельзя себѣ представить, чтобы народъ могъ совершенно поглотить личность, общая воля—частную волю. Въ такомъ случаѣ воля не была бы общей, и народъ не былъ бы дѣйствительнымъ народомъ. Правда, общая воля, объединяя индивидуальныя воли, многое въ нихъ ограничиваетъ, именно то, въ чемъ онѣ противоположны другъ другу. Однако это ограниченіе никогда не можетъ дойти до полнаго отрицанія частной воли. Иначе народная воля не имѣла бы реального содержанія. Вотъ почему никакъ нельзя признать до сихъ поръ еще раздѣляемое нѣкоторыми нѣмецкими учеными, напр., Еллинекомъ, старое представленіе о неограниченной власти государства по отношенію къ своимъ подданнымъ. Не пользуется въ настоящее время почетомъ и противоположное мнѣніе, по которому человѣку прирождены опредѣленныя и безусловно неотчуждаемыя права. Это старинное воззрѣніе мало внушаетъ къ себѣ довѣрія потому, что никто точно не знаетъ и знать не можетъ сущ-

1) Ibid. Стр. 288.

ности и границъ прирожденныхъ правъ. Опредѣляя то и другое, мы, того не сознавая, говоримъ лишь то, что диктуетъ намъ современная дѣйствительность. Въ другомъ мѣстѣ и въ другое время наши понятія были бы совершенно иныя. Эволюція не только въ правовыхъ отношеніяхъ, но и въ правовыхъ понятіяхъ, составляетъ теперь безспорный фактъ. Стало быть объ опредѣленныхъ прирожденныхъ правахъ личности, безусловно не подлежащихъ вліянію и ограниченію со стороны государственной власти, не можетъ быть и рѣчи. Наши требованія гражданской свободы должны опираться поэтому не столько на отвлеченныя идеи, сколько на современные правовыя понятія.

Главнымъ первымъ всѣхъ современныхъ декларацій правъ считается обыкновенно французская декларація 1789 года ¹⁾. Хотя между ними и есть нѣкоторая разница, однако сущность ихъ вездѣ одна и таже, а именно: долгъ государства не стѣснять свободу личности, а ограждать ее отъ всякаго сторонняго посягательства; оно должно равномерно распредѣлять свободу между всѣми гражданами. „Свобода, читаемъ мы въ 4 ст. французской деклараціи, состоитъ въ возможности дѣлать все то, что не вредитъ другимъ; поэтому осуществленію естественныхъ правъ отдѣльнаго чело-вѣка полагается предѣлать только необходимою обезпечить за другими членами общества пользованіе тѣми же правами. Эти границы могутъ быть опредѣлены не иначе, какъ закономъ“. Изъ этого основнаго принципа вытекаютъ всѣ личныя права, выражаемыя въ настоящее время обычно въ слѣдующей формулѣ: 1) *свобода личности*, т. е. неприкосно-

¹⁾ Однако еще въ 1895 г. проф. Еллинекомъ было основательно доказано, что французская декларація не есть самостоятельное произведеніе, плодъ философскихъ теорій 18 в., а имѣетъ своимъ источникомъ подобныя же деклараціи нѣкоторыхъ американскихъ штатовъ, явившіяся въ свою очередь подъ вліяніемъ религиозно-общественнаго движенія въ Англіи. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно сравнить хотя бы первую статью, деклараціи штата Виргиніи въ 1776 г. („отъ природы всѣ люди одинаково свободны и независимы и обладаютъ нѣкоторыми неотъемлемыми правами“), деклараціи Массачузетсъ 1780 г. („всѣ люди рождаются свободными и равными и обладаютъ нѣкоторыми основными естественными и неотъемлемыми правами“) и франц. деклар. 1789 г. („люди рождаются и остаются свободными и равноправными“). См. Еллинекъ. Декларация правъ чело-вѣка и гражданина. Перев. подъ ред. Вормель. 1906.

венность личности, жилища, писемъ и свобода передвиженія, 2) *свобода совѣсти*, т. е. право исповѣдывать любыя научныя, политическія и религіозныя убѣжденія, право измѣнять ихъ, право вѣрить и не вѣрить, 3) *свобода слова и печати*, т. е. право высказывать свои мнѣнія и взгляды, право свободно распространять ихъ и печатать, и 4) *свобода собраній и союзовъ*. Всѣ эти права не означаютъ конечно полной безответственности въ пользованіи ими. Всякое злоупотребленіе ими влечетъ за собой наказаніе, но только въ томъ случаѣ, когда оно является посягательствомъ на права другихъ лицъ т. е. дѣйствительнымъ нарушеніемъ закона. Помимо же закона и суда не можетъ быть ни ограниченія свободы, ни ответственности. Естественнымъ слѣдствіемъ замѣны административнаго усмотрѣнія постановленіемъ суда по закону является то, что предупрежденіе преступленій, неразрывное всегда съ произволомъ и ошибками, замѣняется пресѣченіемъ ихъ. Наказаніе и вообще ограниченіе свободы вызывается теперь не предполагаемымъ и даже не злоумышляемымъ, но совершеннымъ и совершеннымъ преступленіемъ. Господствующій принципъ англійскаго права, говоритъ Дайси, заключается въ томъ, что „нельзя стѣснять чью-нибудь свободу или наказывать кого-нибудь потому только, что онъ можетъ или желаетъ нарушить законъ; это дозволяется только въ томъ случаѣ, если это лицо совершило строго опредѣленный закономъ проступокъ“¹⁾. До какой степени послѣдовательно проводится этотъ принципъ въ Англии, можно видѣть изъ двухъ примѣровъ, приводимыхъ Дайси. „Предположимъ, говоритъ онъ, что кружокъ иностранныхъ анархистовъ является въ Англии, и полиція имѣетъ большія основанія подозрѣвать, что они составили заговоръ, скажемъ, съ цѣлью взорвать палату парламента. И предположимъ, что нѣтъ неоспоримыхъ доказательствъ существованія заговора. Англійскій министръ, если только онъ не имѣетъ поводовъ отдать заговорщиковъ подъ судъ, не имѣетъ никакой возможности ихъ арестовать или выслать изъ государства... У насъ государство можетъ наказывать за преступленія, но почти не можетъ предупреждать ихъ“, замѣчаетъ Дайси²⁾. Другой

1) Основы государственнаго права Англии. Стр. 279—280. *qrO .bidl* 1

2) *ibid*. Стр. 253—254.

712 .qrO .bidl 2

примѣръ. По англійскому закону, что дозволяется одному лицу, то позволительно и для многихъ. Вытекающая отсюда свобода собраній не перестаетъ быть законною и въ томъ случаѣ, еслибы министръ внутреннихъ дѣлъ запретилъ ихъ. „Это запрещеніе, говоритъ Дайси, имѣетъ столько же юридическаго значенія, сколько приказъ министра, запрещающій мнѣ или кому-либо другому гулять по High Street... Предположимъ, что какой-либо ревностный протестантъ соберетъ митингъ съ цѣлью разоблачить весь вредъ исповѣдальни и мѣстомъ для этого собранія изберетъ центръ большого города, населеннаго бѣдняками римско-католическаго исповѣданія. Митингъ будетъ законнымъ, хотя несомнѣнно онъ вызоветъ насиліе. И ни правительство, ни администрація не могутъ его запретить“¹⁾. Такимъ путемъ совершенно устраняется произволъ администраціи.

Однако для обезпеченія правъ человѣка весьма недостаточно простое провозглашеніе ихъ. Для того, чтобы они остались не на бумагѣ только, необходимы опредѣленныя гарантіи, которыя давали бы гражданамъ дѣйствительныя средства противъ произвола властей. Къ такимъ гарантіямъ принадлежитъ прежде всего отвѣтственность должностныхъ лицъ передъ судомъ, дающая возможность гражданамъ за всякое нарушеніе частныхъ правъ предъявлять иски къ административнымъ органамъ. Въ Англійи идея равенства передъ закономъ, примѣняемымъ обыкновенными судами, проведена со всею послѣдовательностью. „У насъ, говоритъ Дайси, всякое должностное лицо, начиная отъ перваго министра и кончая послѣднимъ констеблемъ или сборщикомъ податей, подлежитъ такой же отвѣтственности, какъ и всякій другой гражданинъ за поступокъ, не оправдываемый закономъ... Губернаторъ колоніи, государственный секретарь, офицеръ и всѣ подчиненные, даже если они исполняютъ приказанія начальниковъ, такъ же отвѣтственны за всякій противозаконный поступокъ, какъ и всякое частное и не должностное лицо“²⁾. Однако къ суду человѣкъ можетъ обратиться лишь тогда, когда онъ свободенъ. Лишая чело-

¹⁾ *ibid.* Стр. 308—309.

²⁾ *ibid.* Стр. 217.

искать удовлетворенія. Въ предупрежденіе этого въ Англіи существуетъ въ высшей степени справедливый и гуманный законъ, въ силу котораго лишенный свободы по требованію указа Habeas corpus, представляемаго начальнику тюрьмы самимъ заключеннымъ или его знакомымъ, въ извѣстный срокъ обязательно долженъ быть доставленъ въ судъ, который немедленно и освобождаетъ заключеннаго, если не видитъ законныхъ основаній къ его задержанію.

Признаніе личныхъ правъ, гарантированныхъ закономъ, можетъ имѣть мѣсто лишь въ правовомъ, т. е. конституціонномъ государствѣ. Въ абсолютной монархіи самое понятіе о неограниченной власти монарха не допускаетъ рядомъ съ собою обязательныхъ и обеспеченныхъ закономъ правъ гражданина, какъ частныхъ, такъ и политическихъ. Естественно поэтому, что программы нашихъ монархическихъ партій обыкновенно ничего не говорятъ о личныхъ правахъ гражданъ. Если иногда и вносится въ нихъ требованія личныхъ правъ, то лишь по недоразумѣнію, такъ какъ эти требованія противорѣчатъ принципу самодержавія и не могутъ быть осуществлены безъ конституціонныхъ гарантій. Всѣ прочія партіи довольно рѣшительно требуютъ объявленныхъ въ манифестѣ 17 октября гражданскихъ правъ, однако далеко не всѣ изъ нихъ позаботились о гарантіяхъ правъ. Партіи правового порядка, торгово-промышленная и прогрессивно-экономическая не указываютъ ни одного средства для обезпеченія правъ личности. „Союзъ 17 октября“ и конституционно-демократическая партія требуютъ, чтобы всякое задержанное лицо въ мѣстахъ пребыванія судебной власти въ теченіе 24 часовъ, а въ прочихъ мѣстахъ не позднѣе 3 сутокъ („Союзъ 17 окт.“: въ точно опредѣленный и кратчайшій срокъ, напр. въ 24 часа въ городахъ) было или освобождено или представлено судебной власти; кромѣ того должностныя лица за посягательство на права гражданъ должны подлежать судебной отвѣтственности („Союзъ 17 окт.“ и к.-д.), а несправедливо задержанный имѣетъ право на возмѣщеніе государствомъ понесенныхъ имъ убытковъ (к.-д.).

Самоуправленіе и автономія.

Признаніемъ личныхъ правъ государство освобождаетъ отъ своей опеки извѣстную область въ жизни гражданъ, предоставляя имъ возможность устраивать ее сообразно съ индивидуальными потребностями. Но между областями чисто личныхъ и общегосударственныхъ интересовъ существуютъ промежуточныя сферы интересовъ мѣстныхъ, свойственныхъ извѣстной группѣ людей, живущихъ въ болѣе или менѣе одинаковыхъ условіяхъ. Эти общіе интересы, объединяя собой то малыя, то большія группы гражданъ, создаютъ особыя права и обязанности, входящія въ составъ мѣстнаго самоуправления. Сущность самоуправления заключается такимъ образомъ въ правѣ извѣстной общины удовлетворять мѣстнымъ нуждамъ собственными средствами, хотя и въ границахъ закона, въ правѣ имѣть собственные органы исполнительной власти, свою администрацію.

Но извѣстная область можетъ имѣть такъ много своеобразныхъ и самобытныхъ чертъ, интересы ея могутъ быть такъ непохожи на интересы главной массы населенія, что общегосударственный законъ во всей своей полнотѣ оказывается непримѣнимымъ къ ней безъ серьезнаго ущерба для ея культурнаго развитія. Въ такомъ случаѣ государственная власть выдѣляетъ изъ сферы своего вѣдѣнія часть своихъ законодательныхъ функцій, касающуюся вопросовъ частнаго характера, и предоставляетъ ее самой области, съ обязательствомъ во всемъ остальномъ подчиняться общегосударственному закону. Право на осуществленіе не только исполнительной, но и законодательной власти составляетъ сущность автономіи. Последняя совершенно отлична отъ федерации. Федеративная область является въ той же мѣрѣ собственницей законодательной власти, какъ и прочія государства, входящія въ составъ федерации. Автономная же область подчинена государству и право на осуществленіе законодательной власти получаетъ отъ него какъ даръ, который государство въ правѣ увеличить, уменьшить и даже уничтожить.

Вопросъ объ автономіи получилъ у насъ жизненный интересъ благодаря польскому вопросу. Географическія, историческія, національныя и культурныя особенности Польши

отличаются такимъ своеобразіемъ, что примѣненіе къ ней общерусскаго режима видимо задерживаетъ въ ней культурный ростъ, дѣйствуетъ угнетающе на ея населеніе, порождаетъ глубокую вражду къ русской народности и такимъ образомъ разрушаетъ внутреннее единство государства, въ бесплодной борьбѣ производя бесполезную трату національныхъ силъ. Фактъ этотъ едва ли можно оспаривать. Изъ него самъ собою повидимому напрашивается выводъ о необходимости автономіи для Польши. Однако не возражая въ принципѣ противъ дарованія автономнаго устройства Польшѣ, изъ побужденій безпристрастія мы не можемъ не признать значенія и за тѣмъ соображеніемъ, что вышеуказанный фактъ вызывался отчасти суровымъ примѣненіемъ къ Польшѣ стараго режима, и что съ предоставленіемъ ей самыхъ широкихъ правъ самоуправленія, права защиты своихъ интересовъ въ общегосударственномъ народномъ представительствѣ и съ установленіемъ общегражданской свободы положеніе вещей можетъ измѣниться. Когда эти средства окажутся безсильными устранить внутреннее разъединеніе между русскимъ и польскимъ населеніемъ, тогда автономія Польши должна быть признана въ интересахъ самой же Россіи.

Большинство нашихъ политическихъ партій относится отрицательно къ вопросу о польской автономіи, принципиально отвергая ея возможность. За автономію высказываются лишь партія конституціонно-демократическая, партія свободомыслящихъ, радикалы и социалисты.

Заключеніе.

Наши политическія партіи въ своихъ политическихъ программахъ представляютъ столь же большое разнообразіе, какъ и въ вопросахъ соціальной политики. Въ общей своей совокупности онѣ даютъ всѣ возможные формы государственнаго строя, начиная съ монархическаго абсолютизма (монархическая партія, союзъ землевладѣльцевъ, партія русскаго собранія) и кончая демократической республикой (радикальная и социалистическія партіи). Всѣ промежуточныя партіи, хотя и стоятъ на почвѣ конституціонной монархіи, однако довольно замѣтно отличаются другъ отъ друга, представляя послѣдовательную градацію отъ край-

нихъ правыхъ къ крайнимъ лѣвымъ. Изъ нихъ царисты, отечественный союзъ и партія правового порядка не даютъ въ своихъ программахъ никакихъ гарантій правового строя, ничего не говоря о правахъ представительнаго собранія, о судебной власти, объ общемъ избирательномъ правѣ и т. д. Ихъ задача—сохранить права монарха, а не укрѣпить права народнаго представительства. Прочія конституціонныя партіи болѣе или менѣе твердо проводятъ конституціонныя начала, причемъ одни изъ нихъ высказываются за дуалистическій (Союзъ 17 окт., торгово-промышленная партія), другія за парламентарный строй (конституціонно-демократическая, партія свободомыслящихъ и повидимому умѣренно-прогрессивная). Наиболѣе типичными и, насколько можно судить теперь, могущественными партіями являются изъ первыхъ „Союзъ 17 окт.“, изъ вторыхъ конституціонно-демократическая партія. Но каждая изъ этихъ партій включаетъ въ себя элементы довольно разнообразныя. Если лѣвая фракція конституціоналистовъ—демократовъ имѣетъ нѣкоторое тяготѣніе къ крайнимъ партіямъ, то правая фракція „Союза 17 окт.“ недостаточно ясно отграничиваетъ себя отъ бюрократическаго строя. Нельзя не обратить также вниманіе и на то, что очень либеральныя воззрѣнія „Союза 17 окт.“ по вопросу о личныхъ правахъ и судебной власти едва ли соотвѣтствуютъ политическому его идеалу и едва ли могутъ быть осуществлены въ жизни при тѣхъ конституціонныхъ гарантіяхъ, какими располагаетъ онъ.

Мы кончили. Нашею задачею, какъ видѣлъ читатель, не была характеристика нашихъ политическихъ партій. Такой трудъ въ настоящее время былъ бы преждевременнымъ, такъ какъ большая часть партій находится еще въ процессѣ образованія. Онѣ еще не успѣли выяснить себѣ многихъ вопросовъ и нерѣдко обнаруживаютъ непоследовательность и даже противорѣчія въ своихъ воззрѣніяхъ, если сравнить ихъ программы съ партійными брошюрами. Съ другой стороны существующая дифференціація партій часто обнаруживаетъ признаки совершенно случайнаго происхожденія, вслѣдствіе чего въ непродолжительномъ времени можно ожидать отъ нихъ новыхъ соединеній и новыхъ расколовъ.

Наконецъ, не слѣдуетъ забывать и того, что мы наблюдаемъ партіи пока въ словахъ, а не въ дѣлѣ. А между тѣмъ и другимъ громадная разница. Теперь онѣ всячески стараются пріукрасить себя, какъ невѣста передъ вѣнцомъ. Онѣ поютъ сиренами въ надеждѣ увлечь малоопытныхъ слушателей. Не то будетъ съ открытіемъ Думы. Мы увидимъ ихъ тогда безъ маски, услышимъ ихъ тайныя желанія. Это особенно, если не исключительно, слѣдуетъ сказать о партіяхъ господствующихъ классовъ. Мы увидимъ, какъ наши крупные землевладѣльцы, болѣе другихъ заинтересованные въ сохраненіи стараго строя, будутъ противиться всякимъ демократическимъ реформамъ, дополнительнымъ надѣламъ крестьянъ, рабочему законодательству въ сельскомъ хозяйствѣ, регулированію арендныхъ отношеній, и наоборотъ требовать льготнаго земельного кредита, пониженія земельныхъ налоговъ и наслѣдственныхъ пошлинъ, мѣръ къ повышенію хлѣбныхъ цѣнъ и т. д. Съ другой стороны мы услышимъ, какъ наши промышленники будутъ ратовать за покровительственную систему, выгодную для предпринимателя, но разорительную для населенія, за сохраненіе государственныхъ льготъ промышленности въ видѣ государственныхъ субсидій, казенныхъ заказовъ, ссудъ изъ государственнаго банка, за устраненіе государственнаго вмѣшательства въ рабочій вопросъ, за ограниченіе рабочихъ стачекъ и т. д. Всѣ эти и подобныя пожеланія господствующихъ классовъ теперь почти не выступаютъ въ ихъ политическихъ программахъ. При такихъ условіяхъ давать подробную характеристику нашимъ партіямъ было бы бесполезнымъ трудомъ. Вотъ почему мы поставили себѣ задачей въ сжатой, по мѣстамъ даже въ конспективной формѣ выяснить тѣ теоретическія основы, на почвѣ которыхъ возможны главныя разногласія между политическими партіями, чтобы такимъ образомъ облегчить читателю сознательное отношеніе къ политическимъ программамъ и дать нѣкоторый критерій для оцѣнки ихъ. Тамъ гдѣ критерій представлялся намъ болѣе или менѣе установленнымъ, мы дѣлали свои заключенія о достоинствѣ существующихъ программъ; гдѣ онъ казался намъ спорнымъ, мы предоставляли судить самому читателю.

Партія.	Политическая программа.	Права гражданъ.	Аграрный вопросъ.	Рабочій вопросъ.	Финансы.	Церковь.	С у д ъ.	Окрайный и племенной вопросъ.
1. Монархическая партія.	Укрѣпленіе монархическаго самодержавія во всей неприкосновенности. Сохраненіе сословнаго строя. Дума не должна ограничивать царской власти.		Интенсификація хозяйства и переселеніе. Неприкосновенность имущественныхъ правъ.		Подъемъ сельскаго хозяйства. Содѣйствіе обрабатывающей промышленности. Пониж. кось. налогъ.	Возвеличеніе Прав. церкви.		Единство Россіи. Господство русской національности въ языкѣ, школѣ и законѣ.
2. Союзъ землевладѣльцевъ.	Возстановленіе самодержавія, но безъ бюрократизма. Дума должна помогать царю, не ограничивая его.		Содѣйствіе сельско-хозяйственной промышленности при сохраненіи правъ собственности.		Покровительство земледѣлію. Уничтоженіе золотой валюты.	Господствующая церковно-православная. Вѣротерпимость.		Русская національность—ядро. По отношенію къ евр. необходимы ограниченія.
3. Партія русскаго собранія.	Царское самодержавіе не отмѣнено манифестомъ 17 окт. Единеніе царя съ народомъ. Думѣ принадлежитъ <i>дѣловая</i> разработка законовъ и <i>дѣловой</i> контроль.	Необходимы законы, предохраняющіе отъ злоупотребленія дарованными свободами.	Улучшеніе сельско хозяйственной культуры. Увеличеніе площади крестьянскаго землевладѣнія.		Содѣйствіе русской промышленности и производ. труду.	Господствующая церковно-православная.		Россія едина и недѣлима. Особенное отношеніе къ евр.
4. Царисты.	Конституціонная монархія. Устраненіе бюрократизма. Реорганизация госуд. совѣта. Царь-отецъ народа, душа и совѣсть его.	Всеобщее, прямое и равное избир. право невозможно.	Реформа крестьянскаго банка. Подворное землевладѣніе.		Строжайшая экономія въ расходахъ.	Уваженіе ко всякой религіи.		Временная осторожность къ евр. Братство съ поляками и славянами.
5. Отечественный союзъ.	Не допускать дальнѣйшаго уменшенія царской власти. Нежелательность парламентарнаго строя.	Всеобщее и прямое избир. право нежелательно и опасно. Упорядоченіе свободъ предѣлами закона.	Интенсификація хозяйства. Расширеніе крест. землевлад., но безъ принужд. отчужденія. Крест. банкъ не долженъ уменьшать крупн. и сред. землевлад.	При улучшеніи быта рабочихъ не слѣдуетъ упускать изъ виду интересовъ промышленности.		Вѣротерпимость. Господствующее положеніе правосл. церкви.		Цѣльность и нераздѣльность Россіи. Россія прежде всего для русскихъ.
6. Партія правоваго порядка.	Конституціонная монархія. Сильная государ. власть. Строгое блюденіе закона.	Четыре свободы.	Личное землевладѣніе для крестьянъ. Дополнительный надѣлъ для малоземельныхъ со справедл. вознагражд.	Сокращеніе рабочаго дня. Обязат. страхование рабочихъ. Пересмотръ раб. законод.	Уменьшеніе бремени налоговъ, падающихъ на крестьянъ.			Единство и недѣлимость Россіи. Автономія невозможна.
7. Союзъ 17 октября.	Укрѣпленіе началъ, возвѣщенныхъ манифестомъ 17 окт. и противодѣйствіе всякому посягательству на права монарха и народа. Представительства.	Четыре свободы и общее избирательное право.	Дополн. надѣлы изъ казенн. земель. Въ крайнемъ случаѣ принуд. отчужденіе частновлад. земель.	Охрана дѣт. и жен. труда. Страхование рабочихъ; усовершенствованіе раб. законодательства.	Переложеніе налогового бремени съ слабыхъ плечъ на болѣе сильныхъ.		Независимый и беспристрастный судъ. Подсудность должн. лицъ. Упраздн. суд.-админ. учреждений.	Единство и нераздѣльность Россіи. Автономія лишь для финляндіи.
8. Торгово-промышленная.	Содѣйствіе правительству въ дѣлѣ успокоенія страны и проведенія въ жизнь благъ, возвѣщенныхъ манифестомъ 17 окт.	Четыре свободы.	Свободный выходъ изъ общины. Реорганизация крестьян. банка. Кредитъ.	Пересмотръ раб. законодательства. Установленіе условій труда по образцу промышленныхъ странъ.	Пересмотръ налоговой системы для болѣе справедл. обложен. Подход. обложеніе.			Единство и недѣлимость имперіи.
9. Прогрессивно-экономическая.	Участіе народнаго представительства въ законодательствѣ, въ утвержденіи госуд. росписи и въ контролѣ надъ правительствомъ. Отвѣтственность министровъ.	Четыре свободы и всеобщее избир. право.	Подворное землевладѣніе. Хуторское и кооперат. хозяйство. Поземельный кредитъ.	Свободное соглашеніе рабочихъ и работодателей въ спорныхъ случаяхъ. Страхование. Охрана дѣт. и жен. труда.	Постеп. пониженіе кось. нал. Развитие прямого прогресс. обложенія; тамож. покровительство.		Независ. и несмѣн. судей. Низшій выборный судъ. Расширеніе суда присяжн.	Единство и недѣл. Россіи. Мѣстное самоуправленіе.
10. Умѣренно-прогрессивная.	Участіе Думы въ законод., въ утвержденіи бюджета, въ контролѣ за законностью и цѣлесообразностью дѣйствій администраціи. Отвѣтственность министровъ.	Четыре свободы. Всеобщее, прямое, равное и тайное голосованіе.	Увеличеніе крест. землепольз. на счетъ казенныхъ, мон. и части частновлад. земель. Образующихъ госуд. фондъ.	Введеніе годового количества раб. часовъ. Обязат. страхование. Охрана труда.	Постеп. уменьшеніе кось. нал. Развитие прям. прогр. облож.; пониженіе тамож. пошлинъ.		Независ. и несмѣн. судей. Отвѣтственность должн. лицъ на общ. основаніи.	Единство и недѣл. Россіи. Мѣстное самоуправленіе.
11. Конституціонно-демократическая.	Конституціонная монархія съ парламентарнымъ строемъ. Полная отвѣтственность министровъ предъ народ. представительствомъ.	Четыре свободы. Всеобщее, прямое, равное и тайное голосованіе.	Принуд. отчужденіе азен. мон. и частновлад. земель. Регулированіе арендныхъ отношеній.	8-ми час. раб. день. Госуд. страхование. Охрана дѣтей и женскаго труда.	Понижен. кось. нал. и тамож. пошл. Прогрес. подат. облож. Прогрес. нал. на наслѣд.	Освобожденіе церкви отъ госуд. опеки.	Независ. и несмѣн. судей. Отвѣтственн. должн. лицъ на общ. основ. Условное осужденіе и предварит. защита.	Автономія Польши съ представ. сеймомъ.
12. Партія свободомыслящихъ.	Законод. корпусъ долженъ быть выборнаго характера и имѣть всю полноту законод. власти. Система палатъ и предѣлы veto не предрѣшены.	Четыре свободы. Всеобщее, прямое, равное и тайное голосованіе. Избир. право женщинъ.	Принуд. отчужденіе саз. и частновлад. земель посредствомъ выпуска госуд. ренд. Образованіе госуд. земфонда.	8-ми час. раб. день. Госуд. страхование. Охрана дѣтск. и жен. труда.	Прогрес. обложеніе; уменьшеніе кось. налоговъ.	Послѣдов. отдѣленіе церкви отъ госуд. дарства.	Свободный судъ. Условное осужденіе и предварит. защита. Администр. юстиція.	Ограниченныя автономіи для окраинъ и болѣе полная для Польши.
13. Радикальная.	Демокр. республика съ парламентарнымъ строемъ. Одна палата. Референдумъ.	Четыре свободы. Всеобщее, прямое, равное и тайное голос. Избир. право женщинъ.	Образованіе госуд. им. фонда съ миним. вознагражд. владѣльцамъ. Установленіе предѣла частнаго владѣнія.	Минимумъ социалист. программъ.	Единый прогрессивный налогъ на доходы и наслѣдства.			Широкая автономія окраинъ.
14. Соціально-демократическая.	Демокр. республика. Одна палата. Самодержавіе народа.	Одинаково съ радикал.	Соціализация земли перенесена на осуществима. Необходимо пролетаризированіе крестьянства.	Maximum: обобществленіе средствъ производства. Minimum: 8-ми час. раб. день. Запрещеніе дѣт. труда вообще и жен. въ вредн. производ. Государ. страхование и пр.		Выборность судей народомъ.		
15. Партія социаль-революціонеровъ.	Демокр. республика. Одна палата. Народная инициатива и референдумъ.	Одинаково съ радикал.	Изъятіе револ. пунктъ земель изъ части владѣнія обращеніе ихъ въ общинн. владѣніе.			Выборность судей народомъ.		